

К.К. Абаза

Завоевание Туркестана

КУЧКОВО ПОЛЕ
2008

Абаза К. К.

А13 Завоевание Туркестана. — М.: Кучково поле, 2008. — 256 с.

ISBN 978-5-901679-99-9

В книге «Завоевание Туркестана» Константин Константинович Абаза, русский военный писатель и педагог, в популярной форме излагает драматические события второй половины XIX века, приведшие к окончательному присоединению Туркестана к России.

Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей России.

ББК 63.3(2)25

Предисловие

Предлагаемые очерки печатались в журнале «Родник» за 1888 — 1900 гг. Издавая их отдельной книгой, составитель рассчитывал, что они найдут читателей, интересующихся этой отдаленной окраиной, особенностями быта народов, там обитающих, наконец — выдающимися трудами и подвигами русских войск. Такое предположение имело за собой то вероятие, что — при наличии весьма ценных вкладов в военно-историческую литературу — еще отсутствует общедоступное изложение поступательного движения русских в Средней Азии с первых шагов до окончательного замирения края. И если бы составителю удалось пополнить этот пробел, он считал бы себя вполне удовлетворенным.

Все статьи являются здесь просмотренными и значительно дополненными; повторения, неизбежные при разбросанности в книжках журнала, опущены; последняя же статья составлена заново, так как вышедшая (в журнале «Читальня») отдельным изданием брошюрка под тем же названием предназначалась исключительно для начальных школ. Как и в предыдущих трудах, составитель держался той же системы в обработке материала, не позволяя себе вымысла или искажения фактов, излагая события по возможности просто и ясно, потому что имелось в виду дать книге широкий доступ — в семью, школу и в войсковые части. Если в этом отношении не везде соблюдена долж-

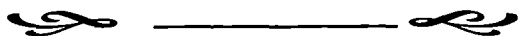
ная равномерность, то это обстоятельство находится в прямой зависимости от обилия или скудности пособий по ходу той или другой из экспедиций.

Пособиями в данном случае служили статьи, помещенные в журналах — «Военный Сборник» за 1863 — 1899 гг., «Вестник Европы» (Середы, Лобысевича, Терентьева, Россея и др.), «Русский Архив» (Захарьина), «Русский Вестник» (Львова, Зиновьева, корреспонденции Мак-Гахана), «Исторический Вестник» (Полторацкого, Козинца), «Русская Старина» за 1873 г., № 2, «Всемирный Путешественник» 1873 г. («Хива и Туркмения»); книги Гродекова: «Хивинский поход 1873 года», его же «Ахалтекинский поход», его же «Киргизы и кара-киргизы»; Макшеева: «Исторический обзор Туркестана и наступательное движение русских»; Маслова: «Завоевание Ахал-теке»; «Военный Обзор» т. III; «Описание военных действий в Заилийском крае и журнал осады коканской крепости Пишпек»; Иванина: «Описание зимнего похода в Хиву»; его же «Хива и Амударья»; Никольского: «Летние поездки по Туркестану»; С. Гедина: «В сердце Азии»; Галкина: «Этнографические и исторические материалы по Средней Азии»; Остроумова: «Сарты»; Реклю: «Земля и люди»; Котельникова: «Ферганская область»; Латкина: «Закаспийская область»; Вамбери: «Очерки Средней Азии».

К. Абаза

23 августа 1901 г. г. Измаил.

Первые походы в Хиву

1. Поход князя Бековича-Черкасского

I

Петр Великий воевал со шведами на одной окраине своего государства и в то же время помышлял о другой, привлекающей к морю Каспийскому. Там нужно было сбить шведа, чтобы открыть морской путь в Голландию, Англию и другие страны Запада; здесь он искал выгодных путей в страны восточные. На этой окраине, по мысли великого царя, народы Европы с одной стороны и народы Азии — с другой могли обменивать свои товары, что шло бы на прибыль и русским. Ближайшие наши соседи со стороны Каспия, хивинцы и бухарцы, с давних времен вели торг с Казанью и Астраханью, где многие из купцов имеют свои дворы; их караваны ежегодно ходили в Азию и обратно; оттуда часто являлись послами гонцы хивинские или бухарские. Но Петр Великий понимал, что весь барыш шел в руки азиатцев. Голландцы, англичане не ждали к себе купцов, а сами развозили свои товары по белому свету, оттого и богатели: почему же не могли разбогатеть и наши? Так думал царь и рассылал своих гонцов в Китай, Персию, Индию. Эта последняя привлекала еще больше, чем бедная Хива или Бухара. Не было завоевателя, не было купца, который бы не помышлял попасть в Индию, страну диковин, в надежде поживиться ее богатствами. Думал об этом и наш государь. Он ждал только случая; такой случай скоро представился.

Один знатный туркмен, по имени Ходжа Нефес, объявил астраханскому воеводе, что имеет открыть государю

дело великой важности. Отправленный в Петербург, Ходжа Нефес рассказывал, что в стране, лежащей по реке Аму, добывается песочное золото и что в реку Аму можно попасть прямо из Каспия, если перекопать плотину, которую нарочно сделали хивинцы, чтобы отвести реку в Аральское море. Выслушавши эти речи, царь припомнил, что лет 13 тому назад у него был хивинский посол, который от имени своего хана просил принять Хиву в подданство. Государь хотя и согласился тогда, но, в заботах о шведской войне, позабыл об этом. Теперь Хива представилась ему как выгодная станция на длинном торговом пути между Индией и нашей окраиной. Желая проехать этот путь и в то же время проверить слова Ходжи Нефеса, а также уговорить хана на вечное подданство, царь приказал снарядить в Хиву посольство под прикрытием войска и с участием торговых людей. Начальником и в то же время главным послом царь выбрал близкого к себе человека, родом из Кабарды, князя Бековича-Черкасского. Ранней весной 1717 года в астраханских степях началось движение: воеводы ближних и дальних городов высылали муку, крупу, сазанов или осетров коренных, вино, уксус, лекарства, пушки, порох, снаряды; из Оренбурга шли яицкие казаки, с Кавказа — гребенцы; из Кабарды поднялись родные братья Бековича «мурзы черкасские» с большой свитой; из Ногайской земли шли потомки ордынцев. Все это направлялось в Астрахань, где купцы уже выючили свои товары, откуда выезжали в разные стороны гонцы и куда возвращались с ответом. Между прочим, посланные в Хиву Иван Воронин и Алексей, по прозвищу «Святой», доносили, что, хотя от них подарки и приняли, однако их самих держат под стражей, на скудных кормах и донимают расспросами: «Зачем это русские люди строят на их земле крепости?» или: «Зачем князь Бекович собирает конницу?» Кроме того, стало известно, что хан разослал во все попутные кочевья приказ, чтобы не только ни в чем не помогали русским, а, напротив того, собирались бы с силами и истребляли их всеми способами. Бекович не обратил внимания на эти угрозы. На седь-

мой неделе после Пасхи он поднял свой отряд, собранный под Гурьевым городком, в степной поход на Хиву. Не считая купцов, вожakov и прислуги, в отряде находилось три тысячи войска, в том числе две тысячи казаков, 400 человек пехоты, посаженной на лошадей, да 600 драгун.

Степные походы всегда считались и считаются теперь самыми трудными, как по недостатку воды, кормов, так и потому, что приходится идти без дорог, куда ведет вожак; снаряжаясь в степной поход, надо запастись всем, начиная с хлеба и кончая дровами.

Обремененный множеством верблюдов и повозок, военный отряд скорее похож на большой караван, который, под прикрытием солдат, ползет медленно, с опаской. Невидимый противник следит за ним с боку или насаждает сзади, и хотя бы пришлось с ним встретиться, он при первой неудаче готов исчезнуть — лови его потом в степи! Ночью неприятель может подползти к становищу, надеть кутерьмы или еще того хуже — отогнать верблюдов, лошадей: что тогда делать? Степной поход одинаково труден и летом и зимой. В закаспийской степи нет ни высоких гор, ни лесов, отчего зимой случаются такие сильные бураны, которые срывают кибитки, разгоняют табуны, поднимают тучи снега, мигом заносят живые следы. Бывали примеры, что погибали целые аулы. Суровую зиму сменяет знойное лето; жара доходит до 45 градусов, что бывает лишь в Сирии, Африке да соседних с ними странах. В северной части степи еще растет ковыль, но чем дальше к югу, тем корма скуднее; голая накаленная земля кишит ящерицами, змеями, скорпионами и прочими гадами; чуть что — они исчезают, заползая в трещины.

Киргизы, главные обитатели закаспийской степи, ранней весной перекочевывают на север, к зиме же удаляются на юг, где нет таких страшных буранов. Смышленные азиатские купцы, соображаясь с этим, отправляли на север свои товары с весны, а возвращали их к зиме; им легче было нанимать верблюдов, потому что киргизы шли в ту же сторону. От Оренбурга до Хивы считается полторы

тысячи верст, и малые караваны проходили иногда это расстояние в 30 дней. Сколько известно о походе князя Бековича, он также шел быстро. Так, на восьмой день он был уже на реке Эмбе, т. е. сделал более 300 верст. Видимо, он хотел нагрянуть на Хиву внезапно, а может быть, хотел проскочить степью, пока еще не наступила знойная пора. За Эмбой отряд углубился в безводную пустыню, придерживаясь караванного пути, от колодца к колодцу. По недостатку последних, почти на каждой стоянке измученные люди брались за лопаты и копали колодцы; малейшее промедление могло сгубить весь отряд. Были места, где приходилось копать по 20, по 30 и даже 35 колодцев, каждый глубиной до трех саженей. Почти на половине пути бывший караван-баша, или проводник отряда, по имени Кашка, да еще десять калмыков тайно покинули лагерь и скрылись; некоторые из них вернулись в свои кочевья, а другие, как увидим, пробрались в Хиву. Ходжа Нефес, бывший при отряде, повел его дальше. За восемь дней пути от Хивы Бекович выслал вперед сотню казаков с дворянином Корейтовым, чтобы уверить хана в своей приязни. Тогда и хан Ширгазы отправил на встречу двух хивинцев с подарками: кроме овощей и фруктов — обычный подарок в Хиве — хан прислал коня и халат. Принявши подарки, Бекович еще раз повторил перед послами, что он идет не войной, а мирным послом своего государя, а зачем идет, то об этом скажет самому хану.

Под праздник Успения, на 65-й день похода, русский отряд стал в пределах ханства, на урочище Карагач, верст за полтораста от города Хивы.

На этом месте, по приказанию царя, надо было выстроить укрепление, а потом отвести реку, пустив ее по старому руслу, на Каспий. Страшный путь был пройден; он обозначался трупами палых верблюдов и лошадей. Даже привычные к степным походам казаки так измучили своих коней, что те едва волочили ноги. Здесь же кругом росли деревья, зеленели поля, воды было вдоволь. Русский солдат скоро забывает все невзгоды, как бы ни были они тяжки.

Он забывает их после трудных подъемов на обрывистые скалы и снежные вершины; он забывал их после опасного спуска с обледенелых высот, окруженных пропастями. Так же было и теперь, когда осталась позади знойная пустыня, с ее жгучим ветром, раскаленными песками и муками жажды. Седые ветераны обмылись, отдохнули и мало-помалу разговорились о том, что ждет их впереди — почетная ли встреча, или битва с трусливым хивинцем? Загорелые, суровые, изможденные долгим страданием лица осветились улыбкой; начались шутки, смехи, веселая перебранка; немного погодя загремела русская песня, впервые огласившая тихие, сонные берега мутной реки. Страдальцы надеялись, что они попируют в ханских шатрах, а их ждал кровавый пир, подготовленный изменой...

Калмык Кашка, тот самый, который покинул отряд, прибежавши в Хиву, успел настроить хана против русских. Дворянин Корейтов и все казаки были рассажены по тюрьмам; все кочевники, подвластные Хиве, получили приказание спешить на защиту страны. Скоро разошелся слух, что хан собрал сто тысяч войска, и этот слух проник в лагерь, на Карагач. Бекович расположил свой отряд тылом (спиной) к реке и на всякий случай оградил стоянку повозками, арбами — всем, что составляло его обоз.

Неприятель не замедлил явиться: густая толпа конницы помчалась с места в карьер и по мере приближения к отряду вытягивалась в ленту. Вот впереди на своих лихих аргамаках несутся туркмены, в руках у них сверкают острые как бритва дамаские сабли; за ними — хивинцы в высоких бараньих шапках прилаживают на всем скаку стрелы; там — неуклюжие киргизы и каракалпаки, выдвинув свои длинные-предлинные пики, с широкими ножами с боку... Густые облака пыли скрыли на время эту дикую атаку: раздался дружный залп из ружей, и орда рассыпалась. В азиатских войнах первый удар решает дело; стойкость всегда берет верх над пылкостью всадников. Еще несколько атак — и хивинцы отошли версты за две, охватив русский отряд полумесяцем. Положение последнего станови-

лось опасным: припертый к реке, за 1400 верст от границы, без надежды на помощь — было о чем задуматься! В одну ночь русские насыпали валы, втащили 6 пушек и стали за ними, готовые умереть. С раннего утра нападения возобновились. Лихие туркмены всегда неслись впереди, прикрывая толпы пеших, которые рассчитывали вскочить на вал. Выпустив тучу стрел, туркмены очищали фронт, но тут раздавался залп картечью¹, за которым слышались стоны, проклятия — и поле очищалось. У хана было войска до 20-ти тысяч. Он высылал новые толпы... Неустанный бой продолжался до вечера. Кучка бойцов, запертых в окопах, изнемогала от усталости, от жажды; некогда было воды напиться; солнце жгло немилосердно, ветер поднимал облака язвительной пыли и мелкого песку; ружья до того накаливались, что их нельзя было держать в руках.

Еще прошла тревожная ночь, никто не уснул ни минуты; каждый задавал себе мучительный вопрос: «Что же будет завтра?» А завтра было то же, что и сегодня. Хивинцы никогда еще не встречали такого сопротивления. Они никак не могли поверить, чтобы эта горсть «урусов» могла устоять против всей их рати! Однако это было так, и на 4-й день в лагерь явился хивинец Ходжа Ишим, который объявил, что хан желает мириться, что нападение на русских сделано без его ханского ведома. Пока шли переговоры, Ширгазы собрал в своей ставке знатнейших сановников, и тут-то его казначей подал коварный совет заключить с русскими мир, а потом их истребить. Сейчас же были отправлены к Бековичу два знатных хивинца, Ходжа Назар и Кулумбей, для подписания мирного договора. Они целовали Коран, Бекович присягнул на кресте. На другой день князь Черкасский, окруженный дворянами и сильным конвоем, выехал к хану как мирный посол русского царя. По азиатскому обычаю, его сначала угостили, дали отдохнуть, а потом повели в ханскую ставку. Вручив царскую грамоту,

¹ Картечь — круглая жестянка, наполненная крупными пулями; стреляют на близком расстоянии.

Бекович поднес в подарок цельные сукна, сахар в головах, связки соболей, серебряные блюда, тарелки, ложки и разную мелочь. Хан принял русского посла очень ласково, уверил в своей дружбе и сам целовал свой Коран, что будет сохранять мирный договор. Прием закончился дружелюбным пиром, во время которого играли наши музыканты. После того Ширгазы со всем войском и с конвоем Бековича поднялся в свою столицу, а в русский отряд было послано приказание следовать сзади. Не доходя двух дней до Хивы, хан потребовал, чтобы русский начальник разделил свой отряд на части, иначе, говорит, хивинцы не могут его продолжать. Бекович, ничего не подозревая, послал приказание старшему из офицеров, майору Франкенбергу, чтобы тот, разделивши отряд на пять частей, позволил развести их по разным городам, и сам Бекович, оставив при себе только 200 человек, остальных отпустил с ханским чиновником. Между прочим, майор Франкенберг, получивши приказание через узбеков, с гневом выгнал их вон, со словами: «Наш начальник Бекович, а не хан!» Однако приказание было повторено два раза, и наконец получено предписание с угрозой, что если оно не будет исполнено, то виновный попадет под суд. Старый служака с горестью должен был исполнить приказание начальника, приказание, явно обрекавшее всех на гибель: узбеки повели русских на убой.

Еще не успел Бекович слезть с коня, после того как отпустил большую часть своего конвоя, как началось повальное избиение; немногие уцелели от кровавого побоища. Они-то и принесли на родину потрясающую весть. «Погиб, как Бекович» — сохранилась на Руси поговорка. Его и нескольких офицеров зарубили на глазах хана саблями, после чего отсекали им головы; остальных сподвижников Бековича постигла такая же участь.

Совершив это злодейство, хан с торжеством вступил в свою столицу; Адарские ворота были украшены головами князя Симонова и Экономова; голову же Бековича как драгоценный подарок отослали к хану бухарскому. Содрогнулся от ужаса владетель Бухары, не принял подарка и при-

казал спросить у Ширгазы: давно ли он стал людоедом? Нашелся и в этом разбойничьем гнезде человек, который возвысил свой голос за правду. Это был айхун, глава всех мулл². Ширгазы хотел дать своей столице зрелище казни: на главную площадь вывели 40 пленников — голодных, избитых до полусмерти и покрытых рубищами. Все было готово, толпы народа запрудили соседние улицы, плоские крыши домов покрылись высокими бараньими шапками, как в эту минуту предстал перед ханом высокий, худой и в зеленой чалме старик, украшенный длинной бородой. Айхун, весь дрожа от гнева, упрекал Ширгазы в вероломстве, в нарушении клятвы, данной перед Аллахом, чему поверили чужеземцы и доверчиво, как овцы, пошли на заклятие... «Зачем же ты отягощаешь свою совесть новым злодеянием?» — спросил проповедник, указав пальцем на кучку пленных, прижатых к столбам. Наморщились ханские брови, глаза заматали искры, однако он промолчал. Тогда айхун склонился с мольбой и долго его уговаривал освободить невинные жертвы. Хан приказал убрать орудия казни и накормить пленных; народ молча разошелся по домам.

После уж допытались, что Бекович в самый день выступления в поход узнал, что его жена и две дочери утонули в море. К тяжелому семейному горю прибавились душевные муки за судьбу доверенного ему отряда, изнурение от трудов и бессонных ночей; понемногу он стал мешаться в уме и, должно быть в болезненном состоянии, отдал приказ, погубивший и его самого, и верное войско. Говорили, что царь, умирая, на смертном одре завещал месть Хиве.

II

Страна, известная под именем Хивы, тянется на 300 верст в длину и 80 в ширину по берегам реки Аму, или, что то же, Амударьи. Она окружена бесплодными степями, в лучших местах которых кочуют подвластные ей в ту пору

² Мулла — магометанский священник.

киргизы и каракалпаки около Аральского моря, а туркмены — возле Каспия. Во время частых разливов многоводная Аму поднимается выше берегов почти на сажень и тогда проникает в каналы, покрывающие всю Хиву, как сетка. Большие каналы, или главные, тянутся верст на сто; их называют «ханскими», остальные — «мирскими» или общественными. Вынутую из каналов землю кладут по обе стороны, отчего образуются насыпи, валы, предохраняющие страну от наводнения. Каждый земледелец может напустить воды в свой сад или в свое поле, для чего ему стоит только раскопать отверстие или же открыть заслонку в деревянной трубе, проложенной в насыпи. Благодаря такой искусной системе орошения сухая, бесплодная почва Хивы покрыта роскошной зеленью, фруктовыми деревьями, обильна водой. Богачей там мало; большинство земледельцев владеют куском земли в 3 — 4 десятины, обрабатывая их своей семьей, с помощью одного или двух работников. Почти каждый хозяин обносит свой двор глиняной высокой стеной около двух сажен вверх и разделяет его на две половины. В передней, которая выходит на дорогу, стоит дом для приема гостей и разные хозяйственные пристройки; на задней стороне — дом для жилья, кладовые и, если место высокое, ямы для зерна. Дома кладут также из глины, с плоскими крышами и отверстием для дыма. Земляной пол устлан коврами или же кошмами (войлоки), посредине — яма для огня; убранство комнат сходное с киргизским: прямо против дверей стоит под стеной сундук, сверх которого развешена одежда; направо и налево — полки с посудой. Позади двора почти у каждого хивинца разведен плодовый сад, где кроме наших фруктов зреют абрикосы, персики, гранаты, шептала, урюк (абрикосы), виноград. По вечерам там слышен соловей, поющий среди роз. Хивинцы живут особняком, по 2 — 3 родича-соседа, и такими заселками или хуторами покрыта вся Хива; больших селений или, что то же, городов у них мало, да и города какие-то особенные: простоит несколько десятков лет, потом разойдется, точно кочевье.

Сухопутное сообщение в стране, хуже которого не бывает: дороги или грязные, или по колено пыльные и всегда узкие, так что разъехаться двум арбам дело нелегкое; через большие канавы перекинута дрожашая дырявая мостика, а малые арыки переезжают прямо в брод. Хивинцы чаще всего путешествуют верхом. Воды же они не любят, даже боятся. Как только, бывало, русские поднимут на реке парус и лодка начнет двигаться, хивинцы падают на землю с криком: «Шайтан! Шайтан!» (черт). Однажды (1858 г.) наш смелый моряк Бутаков неожиданно подошел на всех парах к хивинскому городу Кунграду и стал на якорь. Все население так было напугано, что разбежалось, и только самые смелые запрятались в камыши, откуда высматривали с любопытством, что делает русский «шайтан». На обратном же пути множество народа, подобрав халаты, бежало в перегонки берегом, пока пароход не скрылся. Наследующего бичевника на Аму, как, например, у нас на Волге, нет: тянут лодку с грузом бурлаки через кусты, через промоины; прилягут отдохнуть — их заедают москиты. Правый берег Аму, который нынче принадлежит России, издавна служит перепутьем для караванов, идущих из Кока-на и Бухары в главные рынки оазиса. Было время, когда по обоим берегам Аму, теперь пустынным и малонаселенным, царила сутолока — сновали гонцы, двигались воинские отряды, выступали тысячи верблюдов с тюками дорогих товаров: то процветал Ховарезм, могущественное государство Средней Азии; река Амударья несла в ту пору свои воды прямо в Каспийское море. Помимо торговли и воинской доблести, страна славилась своими школами, из которых выходили ученые, известные всему миру. Все это погибло под руками безжалостных монголов. Последний владетель Ховарезма, покинув семью и все свои несметные богатства, нашел приют на одном из пустынных островов Каспийского моря, и полководцы Чингисхана, преследуя его, в первый раз появились на окраинах русских земель. Несколько позже, когда монголы уже успели поработить русскую землю, купцы из Ховарезма взяли у ханов

на откуп сбор дани с наших предков. На Руси их называли «бесерменами». Малую частицу могучего Ховарезма и занимает нынешний хивинский оазис; лет приблизительно через 300 после татарского погрома оазис захватили кочевники-узбеки, настоящие хозяева Хивы. Давным-давно исчезли те добрые нравы, гостеприимство, прямодушие и честность, которыми отличались жители Ховарезма; с воцарением узбеков страна стала разбойничьим притоном; все беглецы, бродяги окрестных пустынь находили в Хиве радушный приют. Нравы сделались жестоки. Торговля упала, обмен товаров стал ничтожным.

Наши пленные прозвали Хиву «маятной» землей, потому что там нет такого перерыва в работе, какой делает русская зима. С осени готовят позем для удобрения полей — это смесь песку с землей и навозом; ранней весной начинается очистка канав. На ханские каналы выгоняют все мужское население, причем ленивых работников забивают палками до смерти. Покончивши с канавами, вывозят на поля позем в размере от 300 до 1000 возов на нашу десятину, смотря по назначению поля. Под хлопчатник почти не удобряют, а под рис вместо позема кладут ил из канав. Некоторые поля, например под пшеницу, дыни, джугару, рис, перепаживают до десяти раз и по несколько раз напускают воды. Для хлопчатника, кунжута, из семян которого делают масло, для кукурузы и проса сначала напускают воду, а потом уже сеют, 2—3 раза запахивают и наконец боронят. Пшеницу хивинцы сеют осенью, а маре-ну, что идет на приготовление краски, и кормовую траву люцерну — во всякое время года. С половины лета начинается уборка хлеба, которая о молотьбой тянется почти до декабря; потом — приготовление позема, расчистка канав, и так круглый год. Земля родит там хорошо: пшеница дает сам-шестьдесят, рис сам-сорок, десятина хлопчатника дает до 75 пудов превосходного хлопка, кроме семян, из которого выжимают масло; джугара в хороший год родит сам-триста. Зерна джугары заменяют овес, а стебли — сено. Климат в Хиве вообще здоровый; кроме горячек и лихорадок,

да и то от неумеренного употребления фруктов, других болезней не знают. Народ там рослый, видный и сильный; многие старики доживают до ста лет и более. Зима в Хиве короткая; снег, если и выпадает, лежит дня 3—4, но Аму замерзает почти ежегодно, иногда аршина на полтора.

В каждом местечке бывают базары, на которых можно купить все, начиная с верблюда и кончая серпом. Под широкими навесами сидят невозмутимо, поджав под себя ноги, купцы с товаром, провожая глазами пеструю снующую толпу. Тут, в темном проходе между двумя рядами торгашей, покупают и продают, пьют и едят, кричат и преважно беседуют, протискиваются конные и пешие — сутолока базарная, чисто восточная. Базар для восточного человека любимое развлечение: он тут узнает все новости, распоряжения властей, цены на хлеб; одна и та же весть с быстротой хорошей почты пролетает страну, благодаря базарам. А хивинцы, как и все азиатцы, очень любопытны. Из русских товаров в Хиву требуется: железо и чугун — для выделки оружия, серпов, сошников, заступов; потом — квасцы и купорос для окраски материй; наконец — посуда, сахар, кожи, ситцы, сундуки, самовары, замки. К нам же привозят: пшеницу, марену, бумажные материи, превосходные дыни, яблоки. В Хиве всякий волен торговать, лишь бы исправно выплачивать подати и выставлять работников на очистку канав. У них только «ходжи», как потомки Магомета, не платят податей и свободны от повинностей; живут они особняком, передавая свои права по наследству.

Хивинцы благородного происхождения носят название узбеков: это потомки завоевателей, которые захватили себе лучшие земли и наживные места; остальное население ханства называется *сартами*: это земледельцы, торгаша. В ту пору был еще многочисленный класс рабов или невольников. Как узбеки, так и сарты одинаково трудолюбивы, выносливы, но в то же время лукавы, корыстолюбивы и жестоки; подозревая европейцев в шпионстве, они скрытны и никогда не скажут правды. Узбека можно отли-

чить как по его смуглой физиономии с острыми скулами и черной бородой, так равно и по одежде. Узбеки носят конические меховые шапки, неуклюжие из юфти сапоги; летом — длинную рубаху. Женщины носят на голове тюрбаны из 15 или 20 бумажных платков; закутанные в толстую одежду, в тяжелых сапогах, они исполняют все домашние работы; в самый томительный зной должны таскать воду в огромных кувшинах. Женщина — тот же вол, на котором работают без отдыха; в полевых работах она должна помогать мужу, ходить за собаном — вроде нашей сохи — или стоять на бревне, которым боронят землю. Мало-мальски зажиточный узбек ничего не делает, разъезжает по базарам и вообще редко сидит дома; узбеки большие охотники до музыки, и во всем Туркестане нет таких музыкантов на дутаре (гитара в две струны) и кобосе (лютня), как в Хивинском оазисе.

До прихода русских Хива считалась самым выгодным рынком для сбыта пленников. Туркмены, киргизы, калмыки — все кочевники промышляли этим выгодным ремеслом. Как-то еще до царя Петра Великого калмыки выжгли на правом берегу Волги более 100 сел; все население было тогда продано в рабство. Один итальянец, побывавший в Хиве и Бухаре, говорил нашему царю, что в тех местах более 5 тыс. русских томятся в неволе. Когда калмыки смирились, их дело продолжали туркмены, и, можно сказать, до последнего времени. Незадолго до похода Перовского, о чем будет рассказано ниже, в одной Хиве насчитывали около 3 тыс. русских пленников. Разбойники, захватив рабочих где-нибудь в степи или на морском промысле, связывали по несколько человек и, сами будучи конные, подгоняли несчастных плетью или острым копьём, спеша поскорее укрыться. Многие падали от изнурения; таких бросали умирать в муках голода и жажды. Русские пленники ценились в Хиве дороже, чем, например, персияне, и некоторым из них удавалось занять почетное положение в ханстве, но большею частью их назначали смотрителями над работами. Все же остальные — это были люди простые,

робкие — попадали в рабство. Хозяева заставляли их работать с утра и до поздней ночи; за малейшую провинность били плетью; если хозяин замечал охоту сбежать, то подрезывал у пленника икры, потом присыпал раны конским рубленным волосом. В жизни и смерти пленника хозяин был волен. Один русский пленник так рассказывал свое горемычное житье: «Каждому невольнику отпускается по пуду пшеницы, пополам с землей, и больше ничего; сам смели да еще фунтов пять отдай за помол. Много ли тебе останется? Ни дров, ни щепы, ни досуга не дают. Дрова своруешь у соседей да и печешь лепешки по ночам. Не украдешь — с голоду помрешь, надеть тебе нечего. Раз вышла старая ханша в сад, я и говорю ей: «Вам-де, сударыня, кажись, на нас бы и глядеть стыдно, ходим мы почитай нагишом; что же хан не оденет нас?» А она мне на это: «Чего стыдно? На тебя глядеть, что на собаку, все одно: не одевшись она ходит». Таково-то жилось ханским невольникам; остальным — и того хуже. Хивинский народ нисколько не воинственный, хотя, подобно всем азиатам, имеет склонность к грабежу, к мелкому хищничеству. В случае войны хан приказывает объявить по базарам, чтобы в назначенный срок и в таком-то месте собирались все записанные в войско, на добрых конях, с оружием, с запасами. Тогда начинаются сборы, обыкновенно довольно продолжительные, так что хан или же его брат, выступив в степь с ближайшим отрядом, со свитой, где-нибудь поджидает дней 15, пока соберутся остальные. В походное время войска не получают продовольствия; чаще всего случается, что два или три воина покупают верблюда, на которого вычат припасы месяца на полтора или на сколько там придется; бедняки возили свое скудное продовольствие на той же лошади, на которой ехали сами. Истребивши эти запасы, они жили воровством: резали по дороге чужих лошадей и скот. «Лучшие стрелки, как в походе, так и в сражении, окружают хана; когда-то их считалось около тысячи. Вообще хивинцы плохо стреляют, да и ружья у них были в ту пору такие тяжелые, что надо было класть их на подставку

и воспламенять не курком, а при помощи фитиля. При войске обыкновенно следовало около десятка орудий, которые не заслуживали названия артиллерии. Для каждого пригоняли особые снаряды, причем их записывали, обернув сначала войлоком или тряпками. Такие снаряды не попадали в цель даже на расстоянии ста сажен, да это и не требовалось: хивинцы рассчитывали только напугать неприятеля громкой пальбой. Артиллерийскую прислугу составляли преимущественно русские пленники, а одно время начальником всей артиллерии был русский крестьянин, захваченный на рыбных ловлях в Каспийском море. Его звали Лаврентьевым. Хивинцы потому доверяли русским, что они никогда не покидали своих пушек, как это часто случалось с храбрыми узбеками. Несмотря на то что к хивинскому войску присоединялись подвластные хану кочевники — туркмены, киргизы, каракалпаки, — это войско не могло удержать наступление русских, даже во время похода, а выдержать битву — и того менее, хотя хивинские ханы могли двинуть в поле от 20 до 25 тыс. всадников, вооруженных саблями и копьями. Хивинцы бросались в битву запальчиво, но если встречали отпор, то обращались в бегство и уже неспособны были повторить атаку. На все большие набеги высылались обыкновенно туркмены и киргизы. Храбрецы, или «батыри», получали от хана награды, смотря по тому, сколько он отрубит голов. Вот прибыла на площадь из дальнего похода сотня всадников. У каждого из них привязаны к луке седла или лошадиному хвосту по несколько пленников; через седло перекинут мешок с отрубленными головами. Прежде всего всадник сбывает пленных, потом развязывает мешок и высыпает головы к ногам приемщика, точно это арбузы или картофель. Особые рабочие сносят головы в одну кучу, а храбрым воинам выдаются квитанции, по которым они и получают награды.

Хивинские ханы управляли страной, как им вздумается, не соблюдая никаких законов и даже нарушая обычаи. Были между ними и такие, которые не могли насытиться человеческой кровью; другие отличались жадностью к на-

живе и совсем мало таких, которые бы заботились о нуждах своего народа. Вот почему Хива была и остается страной самой невежественной, чего нельзя сказать, например, про Бухару. В Хиве нет и помина о любви народной к своему хану; повинуются ему только страха ради, и хан не в безопасности от своих подданных, хотя бы то были самые близкие ему люди, например жены, его министры или родственники; особенно он должен остерегаться духовенства, которое зорко следит за исполнением обрядов своей веры.

Чтобы попасть в жилище хана, окруженное двойным рядом стен, надо было пройти два двора: первый двор был обыкновенно наполнен сарбазами, т. е. пехотными солдатами, одетыми в красные бумажные куртки; второй двор просторнее первого. На одном его конце постройка вроде сарая, где заседают ханские советники, левее — караулка, в которой ожидают приказаний палачи и полицейские, а между обеими постройками — ханский дворец, такая же мазанка, как и все жилища узбеков, и так же разделяется на две половины — гарем и «селямлик» (приемная). Внутри дворца разостланы ковры, стоят диваны со множеством подушек, но больше всего сундуков с разным добром. Местопребывание повелителя Хивы можно узнать только потому, что в приемной толкуются с раннего утра придворные, состоящие в разных должностях. Главный смотритель за рабами и ханским столом называется достарханджи (что значит в переводе — расстилающий скатерть), потом — мехрем, вроде лакея, но на самом деле самый близкий к хану человек, даже подает ему советы по важным делам; еще несколько человек, из которых один готовит кушанье, другой подает его к столу, третий приготовляет чай, шербет (шербетши) и разные лекарства. Как только хан проснулся, являются к нему в спальню особые прислужники: стоя на коленях, один держит лоханку, а в это время кумганджи льет воду из серебряного кувшина; в то же время полотенщик держит кончиками пальцев полотенце, которое он ловко набрасывает своему повелителю на

руки; когда те двое исчезнут, особый цирюльник бреет голову, причем должен уметь искусно обжимать череп, что особенно любят жители Азии. Когда хан сильно утомлен делами, призывается костоправ, на обязанности которого потоптать коленями спину и вообще размять все члены хозяина. При наступлении ночи постельничий должен послать войлоки или матрацы для ночлега. Великолепная верховая сбруя и оружие находятся под надзором казнаджи; при торжественных выездах он всегда сопровождает хана, и во главе его свиты идет скороход с султаном из перьев.

Кушанье, одежда ханская мало чем отличаются от пищи и одежды зажиточных узбеков. Хан носит такую же баранью шапку, сапожищи, такой же ситцевый или шелковый халат, подбитый толстым слоем ваты и пригодный разве только для холодных стран Сибири.

Как и всякий правоверный, хан, вставши с постели до восхода солнца, должен молиться вместе со всеми, что продолжается около получаса. К утреннему чаю приглашаются ученые муллы, которые дают свои толкования на разные тексты священного закона. Если под мудреные толки случится хану всхрапнуть, то муллы удаляются: это называется утренним отдыхом. По пробуждении начинается селям (прием) министров и разных чиновников: решаются государственные вопросы, например: как поступить с соседом, не сделать ли на русскую границу набег и т. п.; сюда же призываются беки, сборщики податей для представления отчетов. За малейшую ошибку в отчете можно поплатиться головой. Затем хану подается завтрак; присутствующие должны почтительно стоять, а по окончании завтрака любимцы получают от хана приглашение сыграть с ним в шахматы. Так время проходит до полуденной молитвы. После этого намаза хан выходит на передний двор, садится на возвышение и начинается публичный суд: всякий волен принести жалобу, хотя бы из-за краденой курицы. Народ толпится у ворот — шум, гам, но впускают поодиночке. Бывали случаи, что жалобщик переспорит и са-

мого хана, но зато хан одним кивком головы может приговорить другого к смертной казни. Палачи тут же приводят приговор в исполнение. Покончивши с судом, хан едет прокатиться, но к солнечному закату ему надо быть дома, чтобы принять участие в общей молитве. Остальное время до ночлега хан проводит с самыми ему близкими. Подается роскошный ужин, появляются певцы, музыканты; только настоящей веселости там нет. Узбек слишком важен, чтобы веселиться, а тем пуще хохотать; всякие забавы, по его мнению, могут тешить только женщин или ребят.

Жена хана не имеет никаких титулов; все ее отличие заключается в том, что ей прислуживают дочери чиновников; невольницы для нее набирались из пленных персиянок или покупались в Аравии. Свободой ханша пользуется меньше, чем жены других владетелей Востока. Обычай требует, чтобы ковры, одеяла, подушки, халаты и вообще все домашние вещи хана были приготовлены руками жены. Если ханша захочет проехаться в один из летних дворцов, то она выезжает не верхом, как это принято в Персии, а в размалеванном рыдване, обвешанном коврами. Впереди и сзади рыдвана едут несколько всадников с белыми палками. При проезде ее все поднимаются с мест и отвешивают низкие поклоны, хотя лица своей повелительницы не могут видеть из-за ковров. Лето ханское семейство проводит не в столице, а в летних дворцах, выстроенных среди садов, с бассейном воды, украшенных небольшими кусочками зеркал, что у хивинцев считалось большой роскошью. Таковы властители Хивы.

Сама она была страшна не войсками, а своей отдаленностью от наших окраин и тем положением, какое занимает, окруженная пустынями. В обитаемых же частях этих пустынь кочевали народы, платившие дань хивинскому хану, следовательно, ему подвластные.

Царь Петр наметил вглубь средней Азии два пути: один на Хиву, по которому шел Бекович, со стороны Каспия. Этот путь, как увидим, был изведен еще раз. Другой путь — со стороны Сибири. Одновременно с Бековичем отсюда

был также направлен русский отряд под начальством капитана Бухгольца, который на окраине киргизских степей заложил два укрепления: Ямышевское и Омское, ныне город Омск. В следующем году была заложена также на Иртыше Семипалатинская крепость, а в год смерти царя (1725) — Усть-Каменогорская крепость, в том месте, где Иртыш выходит из Алтайских гор. Линия иртышских укреплений ограждала край от набегов кочевников; вслед за войском и казаками шли земледельцы и селились навсегда под охраной крепостей. Наступая с двух сторон, подчиняя по пути кочевников, русские люди углублялись все дальше и дальше; лет через полтораста они уже прямо столкнулись с Хивой, завладев ближайшими к ней путями. Только тогда наступил ей конец.

Лишь немногие люди способны глядеть в даль веков, как бы указывая путь грядущим поколениям. Вот почему история признает таких людей великими, государственными людьми, причисляя к ним по всей справедливости и нашего царя — Великого Петра.

2. Зимний поход графа Перовского, в 1839—1840 гг.

Первый русский отряд, отправленный в Хиву под начальством Бековича, был истреблен, и это осталось без наказания; хивинцы стали с тех пор надменны и дерзки, не смотря даже на то, что наши государи как бы желали забыть их вероломство. Хива превратилась в разбойничий притон, живший грабежом торговых караванов и ловлей людей в неволю. Когда киргизы, каракалпаки и ближайшие туркмены присягнули Белому Царю на подданство, хивинцы то силой, то хитростью вымогали у них подати, подучали их нападать на наши крепости, отгонять казачьи табуны или на взморье жечь наши суда. Русским караванам, куда бы они ни шли, было приказано следовать на Хиву, где их обирали, как хотели; те же караваны, которые надеялись миновать Хиву, подвергались разграблению, причем часть добычи всегда поступала в ханскую казну.

А нужно сказать, что в это же самое время хивинские купцы невозбранно торговали в России; их караваны ежегодно приходили и уходили с Оренбургской Линии. С нашими чиновниками и послами в Хиве обходились в противность всем правилам, издавна признанным между народами. В конце царствования императрицы Екатерины по просьбе самого хана был послан в Хиву ученый доктор Бланкеннагель. Помочь больной глазами ханше ему не удалось: оказалось поздно, и доктор хотел было возвратиться, но его сначала задержали, а потом тайком приговорили к смерти, чтобы он не рассказал чего лишнего про Хиву. Узнав о злодейском умысле от наших пленных, доктор тайно бежал к туркменам, которые его благополучно доставили на Мангышлак. Другой раз был отправлен в Хиву с письмом от нашего министра Нессельроде один мусульманин по имени Мендияз Бенчурин, старик 70 лет. Министр требовал вознаградить наших купцов за ограбленные товары. Несмотря на седины единоверца, его продержали четыре месяца под стражей в «унизительном месте», после чего, не выслушав даже, зачем он прибыл, отправили обратно в Россию, без всякого ответа.

В 1833 году Оренбургским губернатором и командующим войсками был назначен генерал Перовский. 18-ти лет он уже участвовал в Бородинской битве; при выступлении французов из Москвы попал к ним в плен, пешком, при обозе маршала Даву, прошел весь путь от Москвы и пробыл во Франции, пока не вступили туда русские войска; в турецкую войну 1828 года Перовский был ранен под Варной пулей в грудь. Молодой, красивый, любимый солдатами, Перовский умел покорять сердца людей, его окружавших; кроме того, был любимцем царской семьи. Его приводило в негодование, что кочующие за Уралом киргизы, наши подданные, забирают при малейшей оплошности в плен русских людей и тотчас продают их в Хиву, в вечную неволю. Промысел этот они производили совершенно безнаказанно, потому что всегда успевали скрываться вглубь необозримых степей. Старожилы рассказывали Перов-

скому, что, когда император Александр I посетил Оренбург — что было в последний год его царствования, — приехала поглядеть на государя вдова офицера с двумя детьми. Помещения в городе не нашлось, и она заночевала в тарантасе на берегу Урала, где нынче архиерейский сад. Ночью бивак вдовы окружила конная шайка киргизов; офицершу схватили в одной сорочке, связали, перекинули через седло и бросились вплавь через реку. Ни детей, ни прислуги киргизы не тронули. Пока оторопелые люди подняли тревогу, пока дали знать властям, а власти вырядили казаков, совсем рассвело: хищников и след простыл; они скрылись по направлению к Хиве. В этот же день прибыл в Оренбург государь, и когда ему рассказали о печальном событии, он приказал приютить детей, а вдову выкупить на свой счет. Его преемник покойный Николай Павлович уже прямо разрешил ежегодно отпускать 3 т. рублей на выкуп пленных. Только эта мера нисколько не помогла, потому что в Хиве отрубили бы голову тому хозяину, который согласится продать невольника. Спаслись же бегством, как мы видели, редко кому удавалось из этих страдальцев. Тогда Перовский присоветовал задержать всех хивинских купцов до тех пор, пока хивинцы не выдадут пленных.

По высочайшему повелению летом 1836 года было задержано в Астрахани и Оренбурге более 500 хивинских купцов да товаров при них миллиона на полтора. Хивинцы взмолились, и хан Аллакул выслал на первый раз 25 пленных: все они оказались люди старые, прожившие в плену по 30 — 40 лет, а один старик выжил 55 лет. За них вернули пять торговцев — только. В следующем году хивинцы прислали еще пять, потом сразу 80; они прослышали о постройке в степи новых укреплений и приготовлениях к походу. Действительно, в это время уже состоялось высочайшее распоряжение о воинском поиске в Хиву, дабы принудить хана силою оружия выдать всех русских и доставить нашей караванной торговле полную свободу. После уже дознались, отчего хан так упорствовал: англичане обнадружили его помощью на тот случай, если Россия объявит войну.

Почти два года прошли в приготовлениях к новому походу. За это время были выстроены в степи два укрепления: одно на реке Эмбе, за 500 верст от Оренбурга, другое, под названием Ак-Булак (Пять Ключей), за 175 верст дальше; их снабдили продовольствием и фуражом. Такие же запасы были доставлены в приморское укрепление Александровское, — все это назначалось для отряда по пути его следования в Хиву. Однако предстоящий путь был мало известен. Почти перед самым походом инженер, который строил укрепления, вернувшись, донес, что местность от Эмбы до Ак-Булак низменная, солончаковая, почва самая бедная и безводная. Как после оказалось, и места для укрепления тоже были выбраны неудачно: возле Эмбинского поста подножные корма были плохи, а в укреплении Ак-Булак вода для питья негодная. Дальнейший путь до Аму знали только по рассказам пленных: там предстояло подняться на Усть-Урт. Это плоская возвышенность до 100 саженьей над уровнем моря, которая круто обрывается своими берегами, известными под именем «чинка». Перовский раньше так и наметил свой путь — через Усть-Урт к берегу Аральского озера, оттуда чинком Усть-Урта на хивинский город Куня-Ургенч, всего 1320 верст. Переменять намеченный путь уже было поздно, укрепления построены, сделано распоряжение о доставке в Ак-Булак припасов. Перовский рассчитывал там выждать, пока Усть-Урт покроется снегом и будет сделана разведка для подъема. Войск было собрано побольше, чем в экспедицию Бековича, а именно 3,5 батальона пехоты, 2 полка уральских и 3 сотни оренбургских казаков, всего около 5 тыс., кроме того, 22 орудия. Солдат выряжали по-зимнему; каждому дали киргизский полушубок, куртку из молодых овчинок, теплую шапку и широкие длинные сапоги. Для подстилки, вместо постелей, заготовили войлоки, а чтобы было где укрываться от стужи — джуламейки, или круглые войлочные палатки. Так как отряд поднимал с собой, кроме всего этого, боевые припасы, сено, овес и шестимесячный запас продовольствия, то согнали со степи более 12 тыс. верблюдов.

Вьючили по 14 пуд. на каждого: 7 пуд. на одной стороне, 7 — на другой; два таких вьюка прикрепляли к верблюжьему седлу, после чего их покрывали войлоком. В тяжелые орудия, в арбы для больных и в бударки (крытые повозки) также впрягали верблюдов. Таким образом выряжался огромнейший караван, тяжелый на подъем, грузный на ходу: это-то его и сгубило.

14 ноября 1839 года на городской площади Оренбурга собралось войско, выступавшее в поход. После молебствия был прочитан приказ Перовского:

«Товарищи! Нас ожидают стужа и буравы и все трудности дальнего степного и зимнего похода... Войска Оренбургского корпуса в первый раз выступают в значительном составе против неприятеля; Россия в первый раз карает Хиву, эту дерзкую и вероломную соседку. Через два месяца, даст Бог, будем в Хиве и в первый раз еще в столице Ханства перед крестом и Евангелием русские будут приносить теплые молитвы за царя и Отечество!

Честь и слава всем, кому Бог привел идти на выручку братьев, томящихся в неволе!»

В тот же день началось выступление колонн, одна за другой; уральцы из Калмыковской крепости пошли прямо на Эмбу. Войска потянулись долиной Илека, причем каждая из четырех колонн шла особняком. Впереди ее авангард из сотни казаков, который уже от себя отделял вперед и в стороны по три казака; версты две сзади — главная колонна, самая грузная часть. Впереди ее в одну шеренгу (линию) ехали 30 казаков; каждый из них вел свою «нитку» верблюдов — так называется целый ряд верблюдов, привязанных один за другим и навьюченных чем-нибудь одним: одна нитка — овсом, другая — сухарями и т. д. За передними нитками шагали верблюды 2-й линии, за ней 3-й, а всего 90 ниток, или 3 тыс. верблюдов в каждой колонне. Посередине верблюжьей колонны везли арбы и тяжелые пушки, тут же шла пехота и ехали казаки, выдвинувшись уступом. За версту вправо и влево — опять небольшая кучка казаков со своими передними и боковыми разъездами (оди-

ночки). Наконец версты две сзади — полсотни казаков в арьергарде; они должны были подбирать отсталых и беречь тыл колонны.

На первых порах все шло хорошо: погода стояла осенняя, с легким морозцем; но уже на четвертый день похода задул холодный ветер и мороз усилился, а с праздника Введения начались бураны (степные метели), которые стали постоянными спутниками отряда. Долиной реки Илека корма хотя и были прикрыты снегом, но неглубоким, так что, прикармливая сеном, делали от 15 до 30 верст в день. По пути киргизских кочевков попадались стога сена, запасы дров, заготовленных еще летом; попадались плетеные заборы и крыши как защита скоту: по крайней мере можно было где укрыться, отогреться кашницей или напиться горячего сбитня. За неделю до праздника святого Николая бураны забушевали во всю силу; степь завалило снегом на аршин глубины, морозы доходили до 40 градусов, при режущем ветре. Люди, измученные непривычной ходьбой по глубокому снегу, да еще с ружьями, ранцами, патронташами, скоро уставали и в сильной испарине садились на верблюдов, после чего скоро остывали — один отморозил себе руки, другой ноги. Начались заболевания; в холодных войлочных кибитках резали отмороженные члены. Не лучше того было с верблюдами. Пробивая ледяную кору, они резали себе ноги до колен и если падали, то не могли уже подняться. Бедных животных бросали, а вьюки растаскивали запасливые казаки; кули, веревки, каждую тряпку берегли на топливо. Накануне царских именин войска дошли до урочища Биш-Тамак (пять устьев), за 250 верст от Оренбурга. Поставили походную церковь, чтобы на другой день отслужить обедню и молебен, но когда собралось начальство, пришел батюшка, то увидели, что долгой службы не выстоять: мороз 32 градуса и ледящий ветер. Отслужили только краткий молебен о здравии государя. Холод был такой, что у самых крепких людей захватывало дух. За урочищем Биш-Тамак раскинулась широкая киргизская степь без всяких признаков

человеческого жилья. Кустики тальника уже встречались редко, камыш — и того реже; для топлива приходилось дергать корешки. Не успела первая колонна отойти верст 7 или 8, как рванул северный ветер; сразу все завертелось, в глазах затуманило: начался буран. Кто стоял против ветра, тот не мог дышать, потому что сжимало горло; холод пробирал до костей; зуб не попадал на зуб. Лошади и верблюды сбились в кучи, всякий порядок исчез, движение стало невозможным. Буран бушевал всю ночь и стих на другой день только после полудня. Войска провели это время в каком-то оцепенении.

Нужда в топливе была такая, что Перовский разрешил выдать лодки для варки пищи, а также дроги, на которых их возили; выдать все факелы, канаты, запасные кули, веревки — все, что может гореть. Больше выдавать было нечего. Солдаты переносили все: они спали на мерзлой земле, прикрытой кошмами, защищенные от ветра джуламейкой, но раз прекратился огонь и горячая пища, они упали духом; все заговорили о неудаче. Полушубки из овечьей шерсти, наклеенной на холст, не защищали от ветра, а шинели и вовсе не влезали; сапоги плохо грели, потому что были узкие, только шапки, подбитые телячьим мехом, с назатыльниками, оказались в пригоде. И выходило, что голова постоянно в тепле, а все остальное в холоду. Придут на ночлег, сейчас же ложатся в снег. Которые посильнее, те ставят джуламейки, другие идут рыть корешки, для чего надо разгрести снег, потом рубить землю мотыгами, комья разбивать обухом топора и, наконец, выбирать окоченелыми пальцами мелкие корешки. Пока все это наладится, усталые лежат на снегу да простуживаются. Больных собирали в фургоны, а когда все фургоны были переполнены, то стали класть больных в койки, подвешенные на верблюдах. Тут их докачивало до бесчувствия. Многие умирали просто от изнурения. Покойников хоронили тут же, в степи, в неглубоких ямах, вырытых мотыгой. Однако ропота не было, не таков русский солдат, хотя все были уверены, что не увидят больше родимой стороны.

Казаки были одеты теплее и продовольствовались лучше. Они знали раньше степь, все ее невзгоды, почему, как увидим дальше, сумели сберечь и себя, и своих лошадушек. Собственно для охраны Перовского был составлен особый отряд, собранный из разных полков русской кавалерии под названием сводного дивизиона Уфимского полка. Он терпел больше, чем пехота. Красивые рослые лошади еле переступали в глубоком снегу, резали себе ноги о ледяную кору, а главное — не умели добывать подножного корма; овса же получали мало. В конце похода не осталось ни одной лошади. Последняя пала красавица Пена, белая лошадь штаб-трубача, сильно им любимая. Это было уже недалеко от Эмбы. Лошадь шла по тропе, протоптанной верблюдами, на ней сидел молодчина-трубач, окруженный десятками двумя кавалеристов, уцелевших от всего дивизиона. Они также шли пешком. Вдруг Пена споткнулась, сильно вздрогнула и упала. Трубач быстро соскочил, солдаты захлопотали около своей любимицы, отпустили подпруги — ничего не помогало: лошадь медленно и тяжело дышала, слегка вздрагивая. Трубач сбегал в арьергард, добыл там несколько гарнцев овса, насыпал на чистое полотенце вблизи головы, потом расседлал, поклонился лошади в землю, зарыдал, как малый ребенок, и медленно пошел догонять «землячков-товарищей». Недолго пережил трубач свою любимицу: он умер на обратном походе. Из всей гвардии Перовского вернулось в Оренбург только 20 человек.

Вот таким образом шел несчастный отряд по бесконечной степи, в трескучие морозы, по колено в снегу, без горячей пищи, оставляя за собой след — холмы-могилки над покойниками и круглые белые горки над павшими верблюдами. Все одинаково терпели — генералы, офицеры, солдаты. Сам Перовский ночевал в такой же холодной кибитке. Вплоть до Эмбы он ехал верхом, выступая одновременно с колонной, слезал с лошади, когда колонна останавливалась на ночлег. Несмотря ни на какую погоду, генерал объезжал в 11 часов колонну, которая растягивалась иногда верст на 8 и более. Часто ночью он сам проверял все по-

сты, особенно с того времени как узнал о появлении в степи хивинцев. Однажды часовой едва не заколол генерала штыком; он уже поднял ружье, а Перовский спасся только тем, что сказал пароль. Когда в отряде начались бедствия, Перовский все реже и реже объезжал колонны; его красивая курчавая голова опускалась все больше, взгляд становился более и более суровым. Он поручился перед государем за успех похода — только потому Николай Павлович и согласился. Выходило теперь так, что в случае неудачи вся вина падала на него.

Обыкновенно отряд поднимался рано, часа в два ночи. Если с вечера успевали запастись топливом, то кашевары готовили кашу; если же нет — поднимались, закусив мерзлым сухариком. Впотьмах начиналась работа: одни убрали джуламейки, увязывали их, навьючивали на войсковых верблюдов, другие навьючивали мешки с овсом, ящики с порохом и прочие тяжести, а третьи укладывали больных. Жалобные крики верблюдов, ржание коней, многоязычный говор людей — их крики, понуканья — сливались в гул, заглушаемый лишь бурными порывами ветра. Вот верблюды наконец поднялись: их вытягивают в нитку, выезжают казаки в разные стороны, расходятся по местам солдаты. Заиграли поход, и отряд тронулся. «Стой!» — кричат. У верблюда свалился тюк: верблюда надо вывести, положить, поправить вьюк, потом снова поднять. Другой верблюд выбился из сил, свалился: опять «стой!» — вся нитка расстроилась. Надо верблюда развьючить, потребовать запасного; а пока все это наладится, люди стоят да стынут на ветру, на морозе.

С такими-то задержками отряд медленно подвигался по занесенной снегом пустыне, следуя за своими вожаками. Этих последних не смущала ночная тьма, не сбивали с пути самые жестокие бураны. Киргиз-вожак знал родную ему степь, как пахарь — свое поле. Часа за два до захода солнца отряд останавливался, причем старались выбрать место, где росли кустики или виднелся камыш. Но чаще всего воду заменял снег, а топливо — корешки трав; для

того же чтобы покорить верблюдов, надо было расчищать для каждого местечко в несколько сажень — это была самая трудная, египетская работа. Степные киргизские лошади привычны с малолетства добывать себе корм, разгребая снег твердыми копытами, а верблюд этого не может. Пробовали выдавать киргизам муку для лепешек, чтобы подкармливать верблюдов, но вожаки вместо лепешек варили себе особое кушанье, похожее на галушки, а голодные верблюды только облизывались!

Отряд располагался на бивак так, что всегда был готов встретить неприятеля, откуда бы он ни появился: снаружи вьюки, в середине артиллерия, верблюды и лошади; спереди и сзади, на линии вьюков, дежурные части, готовые по первой тревоге стать в ружье; кругом — казачьи пикеты. Когда солдаты надергают корешков, начинают варить ужин — кашу с бараниной или с говядиной; но пока растает в котелках снег, глядят — уж и топлива нет! А тут темно: одному надо на часы, другому к верблюдам... Припасов не жалели, было всего вдоволь, и особенно заботилось начальство, чтобы больные ни в чем не нуждались: им варили щи из сушеной капусты и огурцов, не то бульон; их поили вином — за этим следил сам Перовский. Так или иначе — с ужином или без ужина — а часов в 8–9 вечера все смолкало, лагерь засыпал. Под жалобный вой ветра перекликались одинокие часовые; за полночь, когда мороз крепчал, оклики становились все реже и реже — кто засыпал до трубы, а кто навеки. Бдительные казаки не раз слышали замиравшие крики: «Сме-е-е-ну! Заме-е-ерз!...» Были ночи, когда замерзала в градусниках ртуть, что означало мороз не менее, как в 32 градуса.

За неделю до Рождества отряд пришел на Эмбу, на 34-й день похода, из них только 15 прошли без буранов. Кругом на далекое расстояние расстилалась плоская равнина, занесенная снегом. И вот на ней вблизи самого укрепления расположились в джуламейках все 4 колонны, затем подошли уральцы. Больных положили в светлые землянки, и они стали понемногу поправляться. Люди лакомились пе-

ченным хлебом, которого не пробовали больше месяца; они ходили на кухни обедать, ужинать и тут два раза в день отогревались.

Уцелевшие лошади и верблюды тоже отдохнули, так как сена и овса было заготовлено вдоволь. Отряд простоял тут более двух недель, собираясь с силами для дальнейшего похода. Тут впервые услышали о хивинцах.

Дело было так. 18 декабря, рано утром, появилась перед укреплением Ак-Булак конная толпа, в числе около двух тысяч всадников. Разделившись на две части, они сразу накнулись на укрепление, но маленький гарнизон — всего-то с больными 160 человек — знал свое дело; живо все стали по местам, грянули из пушек и отбили приступ. Еще два раза кидались туркмены с такой же удачей; тогда они попытались поджечь скирды с сеном, стоявшие сзади, — и тут казаки их выследили да встретили залпом. На другой день проводили хивинцы, что к укреплению идет небольшой русский отряд и скрылись. Действительно, Перовский выслал с Эмбы транспорт из верблюдов и повозок, чтобы забрать из Ак-Булака больных и некоторые тяжести. Прикрытие состояло из одной пехотной роты (140 человек) под начальством штабс-капитана Ерофеева. Отряд прошел весь путь, но за 20 верст от укрепления его застал страшный буран. Пришлось остановиться, где случилось, да к тому же не распорядились выставить посты; даже ружья находились в тюках, каждый хлопотал о том, как бы поскорее приютиться. Едва в отряде успокоились, как из-за пригорка выскакала партия туркмен с гиком и криками «Алла! Алла!» У передних всадников торчали длинные пики, остальные были вооружены шашками, лишь у немногих висели сзади тяжелые ружья. К великому счастью отряда, на краю бивака стоял ротный барабанщик: он выхватил палки и забил тревогу. Раскаты барабанной дробы испугали лошадей; они взвились на дыбы или сворачивали в стороны, сметая всадников. Прошло 2 — 3 минуты, казаки успели выхватить из чехлов ружья, дали залп, а пехота достала из тюков свои ружья. Однако туркмены отбили 30 верб-

людов, стоявших в сторонке, причем заарканили и нашего солдата. Теперь, на расстоянии двух ружейных выстрелов, они занялись разделом добычи, а у нас в это время устроили каре из тюков и саней, насыпали снеговой вал, привели в порядок ружья. Подкрепившись пищей, туркмены повторили атаку: их подпустили на ружейный выстрел, дали один залп, потом другой. Ружья клались на тюки, стреляли навверняка в густую толпу. Кстати и буран стал утихать. Когда рассеялся дым, увидели наши, что многие лежат на снегу, кони барахтаются, остальная толпа мчится на бугор. Там они о чем-то посовещались, потом, разделившись на две партии, опять пустили коней вскачь. Эта атака также была отбита — около 30 туркмен остались на месте; их кони носились по снежной пустыне без всадников. Вновь съехались они в большую толпу, покричали, покричали, после чего половина партии спешила и погнала перед собой наших же верблюдов; около 200 человек шли с пиками отдельно. Верблюды должны были надеть сумятицы, а эти прикалывать наших солдат. Ни то ни другое не удалось. В отряде уже явилась уверенность в своей непобедимости, посыпались на счет туркмен шутки, остроты, раздавался и задорный хохот. После двух залпов толпа с громкими воплями скрылась за пригорок. Ерофеев скомандовал на молитву: все сняли шапки, возблагодарив Господа за свое спасение. Наступила ночь, в каре запылали костры, стала закипать кашница. Вдруг, в ночной тишине, раздался выстрел, потом другой, третий — один казак свалился, двое были ранены. Тогда Ерофеев приказал потушить костры. Ночь была звездная, тихая; зоркий урядник заметил, что шагов за 100 от каре растет снежный вал: то туркмены делали себе закрытие. Ерофеев вызвал охотников: откликнулось 10 человек, с унтер-офицером. Они бросились на завал, трех туркменов тут же закололи, одного взяли живьем; остальные со страху разбежались. Прошла тревожная ночь, наутро казаки въехали на бугор, откуда увидели, что туркмены обходным движением направились на Хиву. На месте их стоянки нашли нашего солдата, сожженного на мед-

ленным огне. В отряде оказалось 5 убитых и 13 раненых. Почти под самым укреплением Ак-Булак наши наткнулись на труп киргиза, которого послал Перовский с почтой. Туркмены, потерпев неудачу под стенами укрепления, сорвали злобу на этом почтаре. Они разрубили его пополам; ноги поставили отдельно, туловище отдельно, рот набили бумагами. Тем и кончились подвиги хивинских войск.

Барабанщик, охотники и казаки получили георгиевские кресты, унтер-офицер был произведен в офицеры, а Ерофеев получил Владимира 4-й степени с бантом и следующий чин.

После дознались, что хивинский хан, проведав о постройке укреплений и выступлении русских, вырядил более 2 тыс. испытанных и надежных всадников из туркменского племени иомудов, на самых лучших лошадях, с наказом — ехать быстро, нигде не останавливаться, взять оба укрепления, причем отрезать у защитников головы и переслать их в Хиву; после того спешить на встречу отряда, идти по его пятам, тревожить днем и ночью, наконец, во время бурана истребить всех до единого. Начальствовать над этим отрядом вызвался сам Куш-беги, военный министр. Он похвалялся, что доставит русских живьем. После схватки с Ерофеевым Куш-беги едва унес ноги; из 2 тыс. всадников вернулось в Хиву лишь 700, остальные или замерзли, или перемерли от голода.

Отпраздновав на Эмбе Водосвятие, отряд генерала Перовского двинулся дальше, вглубь снежной пустыни. Для облегчения верблюдов впереди шла конница, протаптывая путь; в глубоких местах она возвращалась по нескольку раз; случалось расчищать путь даже лопатами. Несмотря на это, обессиленные верблюды беспрестанно падали, задерживая ход колонны. Перевьючка изнуряла людей больше, чем самый поход: приходилось работать, утопая в снегу чуть не по пояс. Упавшие верблюды редко поднимались; их обходили, вытаптывая солдатской грудью новые дорожки. Местами попадался такой твердый снег, что выдерживал

тяжелые пушки, не проваливался под тяжестью верблюдов, а местами вся колонна погружалась и месила ногами какую-то рыхлую кашу. Бывали дни, когда отряд успевал сделать не более четырех верст. Весь пройденный путь стал обозначаться покинутыми верблюдами и павшими лошадьми, брошенными тюками, повозками, санями. Вслед за отрядом подвигались стаи голодных волков, чувствуя, что на каждом шагу их ожидает богатая добыча...

В конце января колонны собрались возле укрепления Ак-Булак на урочище «Чушка-куль» (свиное озеро). Маленькое, занесенное снегом укрепление, с темными сырыми землянками, в которых лежали больные солдаты здешнего гарнизона, глядело неприветливо, мало подавая надежды на отдых. Кругом него расстилались солончаки, покрытые жесткой травой, которую верблюды едят только в голодуху; лишь по оврагам речки Чегана росли местами камыши да тальник; вода в укреплении — скверная, вонючая. Там, к стороне Хивы, темнел поясск утрюмых скал, лишенных снега: то виднелась окраина Усть-Урта. Сколько туда ни глядели в подзорные трубы, не покажется ли хивинский всадник? — нет, ничего не видели: дичь и безлюдье кругом. Голодные степные волки поднимали по ночам ужаснейший вой, они раскапывали свежие могилы, поедая покойников. Нужда в топливе была так велика, что в отряде ничего не могли уберечь: пропадали лопаты, веревки, колья, циновки — все, что могло еще гореть. Перовский страдал больше всех и за всех; кроме невыносимых душевных мук, у него открылись старые раны. Еще на Эмбе прошел слух, что генерал морит себя голодом, отказывается от пищи; он затосковал, осунулся, перестал выходить из кибитки. Его спас русский солдат. Однажды, проходя поздно вечером между джуламейками, Перовский услышал разговор, причем было названо его имя. Говорил старый унтер-офицер: «Все это не беда, братцы, морозы стали легче, буранов вовсе нет... Кашица горячая есть... А вот плохо: сам-то он, орел наш черноокий, захирел. Вот это, други, так беда!

— Мы вчера узнавали потихоньку, — отвечал другой голос, — от пищи, сказывают, отстал: не ест, не пьет, никого до себя не допускает.

— Да, вот это беда! — сказал унтер-офицер упавшим голосом: когда сам помрет, тогда пропали и наши головушки...»

Генерал перекрестился; бодрый, веселый прошел в свою кибитку, и с той поры все пошло своим чередом, толки прекратились. Так рассказывали ветераны хивинского похода.

За восемь дней пребывания в укреплении Перовский убедился, что пробиваться дальше было бы безумием, сегодня как вчера, завтра надо ждать того же. Морозы все крепчали да крепчали. До утра горели на небе столбы радужных цветов, или же по бокам настоящего солнца сияло два других, почти таким же багряным, зловещим блеском. Такой лютой зимы не запомнят старожилы Киргизской степи. В хивинском оазисе померзли тогда все виноградники, погибли молодые животные.

До жилых мест Хивы оставалось еще 800 верст, а половина верблюдов уже погибла; остальные были изнурены до крайности. Прошло два месяца, как в отряде не снимали одежды, не мыли белья; больных с каждым днем все прибывало; заболевшие простудой почти всегда умирали, потому что никакое лечение невозможно в такую стужу. К довершению беды в отряд пришла печальная весть о гибели транспорта с продовольствием, который шел из Александровского укрепления на 600 верблюдах. Киргизы, по наущению хивинцев, связали начальника, корнета Аитова, и повезли его в Хиву, а верблюдов отогнали в аулы.

Тогда Перовский приказал поразведать пути в Хиву и, узнавши, что впереди то же самое, снегу на Усть-Урте еще больше, чем здесь, а подъемы очень круты, отдал следующий приказ: «Товарищи! Скоро три месяца, как выступили мы по повелению государя императора в поход с упованием на Бога и с твердой решимостью исполнить царскую волю. Почти три месяца сряду боролись мы с невероятны-

ми трудностями... Нам не было даже отрады встретить неприятеля... Невзирая на все труды, вы свежи и бодры, лошади сыты, запасы обильны, одно только нам изменило: значительная часть верблюдов уже погибла, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое продовольствие. Как ни больно отказаться от ожидавшей нас победы, но мы должны возвратиться на сей раз к своим пределам. Там будем ожидать новых повелений государя императора; в другой раз будем счастливее...»

С горестью услышали войска о возвращении: они надеялись встретить хивинцев, разгромить их на славу и отомстить за старые обиды. Особенно скорбели уральцы, что не удалось выручить из неволи своих братьев. Отряд вернулся на Эмбу. Но прежде, чем добраться до нее, люди вынесли все, что только могут вынести русские войска. Несмотря на февраль, морозы продолжали держаться при страшных ветрах и частых буранах. На ночлегах колонны останавливались без всякого порядка. Как только скамандуют: «Стой!» — солдаты ставили свои джуламейки, где кого застала команда. Одни лишь уральцы не боялись морозов. Однажды офицерский денщик уронил в прорубь лом. Уралец за полштофа водки согласился его достать. Он разделся, обвязался веревкой, спустился в прорубь, нащупал там лом и вскоре вынырнул. Это было при 29 градусах мороза. От лютых морозов не спасал ни спирт, ни ром, ни коньяк; люди оживали только после двух-трех стаканов чаю, согревались, становились бодрее.

9 февраля отряд по обыкновению выступил с ночлега. Утро было тихое, прекрасное, мороз 4 градуса. Через 2 часа начался ветер, вскоре перешел в такой сильный и порывистый, что сваливал с ног; ни лошади, ни верблюды не могли идти; мороз все крепчал и дошел до 27 градусов. Под конец замела вьюга, все скрылось во тьме; кто где стоял, там и оставался до утра, об огне и думать было нельзя. Многие готовились к смерти, думали, что пришел последний час. К счастью, утром буря стихла. Прежде чем выступать, похоронили несколько покойников. Лишь маленькие снеж-

ные бугры могли поведать буйным ветрам о тех страданиях, какие пришлось вынести в эту ночь. Впоследствии, во время пребывания Перовского в Петербурге, государь император, выслушав рассказ про эту ночь, был растроган до слез. Не утихли буран, ни один человек не вернулся бы на Эмбу. В половине февраля отряд собрался и пробыл здесь, пока не расцвела весна и не прекратилась цинга, заедавшая под конец похода бедных солдат. Когда стали подсчитывать, чего стоил этот беспримерный зимний поход, то оказалось, что из 12 тыс. верблюдов осталось только 1500; из 5 тыс. солдат и казаков вступили на Линию менее 4 тыс., в том числе 600 считалось больных; тысяче же человек вовсе не довелось увидеть родимую землю. Уральцы, как привычные к степным походам, пострадали меньше всех остальных войск. Вот что рассказывал один из старых уральских казаков, вернувшись с похода:

«Коли мы собираемся в степные походы, то всякой всячиной запасаемся, ничем не брезгуем, а главное — на щегольство не смотрим; оно хоть с виду неказисто, зато тепло, уютно. Главная статья — не мерзлое войско. Сидишь, бывало, на лошади — едешь. Как ни укутан ты, а мороз мало-помалу пробирает; чувствуешь это — и сейчас с коня долой. Пройдешь сколько-нибудь, чувствуешь, что нагреваешься — тут уж бойся, как бы не взопреть. Сейчас остановишься, тулуп с зипуном долой; останешься в полушубке. Идешь, а сам, как вор, смотришь по сторонам: нет ли где чего полезного. Видишь, торчит из-под снега кустик травы — и сейчас к нему: разгребешь ногами снег, сорвешь кустик, тонкие веточки, обломаешь и сунешь в рот лошади; та, разумеется, рада: в один миг схватит и съест, а что покрепче, потолще, примерно стебельки, корешки, это свяжешь в пучок, да и в торока: значит, на дрова. Пройдешь таким манером с версту, нагреешься — опять в хламиду и опять на лошадь. И выходит, что всю дорогу в занятии: то себя греешь, то дровами запасаясь, то лошадке даешь вольготу и случай пощипать травки. Приходишь теперь на стоянку, смотришь, почи-

тай у каждого товарища в тороках пучок травы, а у иного целое беремья. Чего еще надо? Значит, на первый раз дрова есть. Сейчас хламы долой, полушубки долой, схватишь лопаты — и работа закипит. Бурани там, мороз ли, нам дела нет, наплевать! Мы знаем, что через две-три минуты будет у нас защита. И точно: не успеет, как говорится, девка стриженной косы заплести, а у нас готова джуламейка, у нас горит-пылает костер».

«У нас везде и во всем сноровка. К примеру, мне очередь в караул, в разъезд или в табун верблюжий. В таком случае товарищи не допустят меня ни до какой работы, чтобы я не утомился и, пуще всего, чтобы не взопрел: бурани и мороз сейчас понижают того человека, который взопреет. То же и насчет пищи. Товарищи покормят по горлышко; любой кусочек мяса подсунут, себя обделят. А для чего? Для того, что человека с сытым брюхом и мороз уважает, не так уж донимает, как голодного: не сможет, значит. А вот насчет солдатиков нельзя этого сказать, всяк думает о самом себе. Да что солдатики? Оренбургские казаки, что были в походе, и те в этом случае не лучше солдатиков. Варят, например, кашу артелью, а мясо порознь, то есть каждый казак привяжет к своему куску — кто нитку, кто мочалку, а после, когда дело дойдет до еды, поднимут спор, шум; один кричит: "Это мой кусок!", а другой ему в ответ: "Врешь, это мой!" И грех, и смех: право, не лгу!»

Несмотря на полную неудачу, поход Перовского все-таки принес пользу русскому делу. Долгое пребывание отряда на Эмбе имело такой вид, что войска как будто готовятся к новому походу. Испытав уже силу нашего оружия под Ак-Булаком, хивинцы этого боялись, и хан Аллакул увидел, что нужно смириться. Он издал фирман (приказ), которым запрещал всем подданным под страхом смертной казни грабить и полонить русских. Затем он освободил всех невольников. Каждый пленник получил от хана по золотому, по мешку муки и по верблюду на двух человек. Еще велел передать Перовскому, что он, хан, готов ис-

полнить все требования русских. Действительно, в половине августа прибыл в Оренбург корнет Аитов, тот самый, который сопровождал транспорт с верблюдами. Еще через несколько дней явилось 416 пленников, в сопровождении хивинца Атаниаса. Им устроили радушную и торжественную встречу: сначала отслужили молебен, потом угостили обедом. Почти весь город собрался на площади. В седом согбенном старце иная старушка узнавала своего красавца мужа, уведенного в Хиву 25 лет тому назад; в больном искалеченном парне по какой-нибудь примете мать признавала похищенного у нее ребенка. Много было радостей, еще больше слез. В конце того же 1840 года прибыли и остальные русские пленные, так что в Хиве осталось несколько десятков, которых принудили принять мусульманство: они сами не пожелали вернуться. С своей стороны и Перовский вырядил в Хиву посольство, которому удалось выговорить, чтобы наши купцы могли во всякое время наезжать в Хиву, держать там свои склады, даже нанимать землю для посевов.

С той поры хивинцы как будто поняли, что худой мир лучше доброй ссоры; когда же они стали забывать это мудрое правило, то пришлось им еще раз напомнить, что безводная пустыня — ненадежная защита от русского солдата, который проходит ее и в знойное лето, и в студеную зиму. Этот третий и последний поход был совершен уже недавно, можно сказать, на нашей памяти, когда русские войска наступали не с одной стороны, как бывало прежде, а одновременно с трех: от берегов Каспия — так же шел Бекович, потом из Оренбурга — примерно путем Перовского и, наконец, новым путем — с берегов Сырдарьи. Таков был завет Великого Петра. Но, чтобы его исполнить, пришлось втянуться в степи, выдержать долгую 20-летнюю войну и разгромить Кокан да Бухару, два среднеазиатских владения, прикрывавших Хиву со стороны Сибири. Подвиги русских войск в этих далеких странах увенчались завоеванием обширной страны, известной ныне под именем Туркестана: о нем речь впереди.

Киргизская степь

Обширная полоса земли от берегов нижней Волги до реки Тарима и от низовьев Амударьи до реки Иртыша, равная половине Европейской России, занята кочевьями киргизов, где они водворились с давних времен. Некогда киргизские ханы выставляли в поле по 300 тыс. всадников; было время, когда они громили Бухару, владели такими большими городами, как Ташкент, но это продолжалось недолго. Они ослабили свои силы усобицей, а также борьбой с соседними кочевниками, например калмыками, которые вытеснили их лет полтораста тому назад к границам России.

И для нас, и для соплеменников особенно было тревожное в степи время, когда властвовал султан Кенисара Касимов, внук «мудрого» Аблая. Это был не только лихой наездник, но знаменитый предводитель, способный повелевать целой ордой. С врагами он был жесток, а в подчиненных умел вселить обожание и готовность следовать за ним, куда угодно. Его стремительные набеги, подобно бурным ураганам, продолжались шесть лет, поочередно тревожили то границы Сибири, то Оренбургские степи, причем Кенисара умел ловко хитрить, притворяться покорным и обманывать наши власти, особенно в Оренбурге, где ему больше верили, чем в Омске. Нужно сказать, что часть киргизов, признававших нашу власть, была подчинена оренбургскому генерал-губернатору, другая же причислена к управлению генерал-губернатора Западной Сибири. Кенисара, подобно всем вождям-кочевникам, видел спасение вольности народной лишь в дружбе с единоверной Хивой: платить хану небольшую дань, считаться его данником, из-

редка помогать ему войском, во всем же остальном — полная воля.

Назвав себя султаном, Кенисара объявлял войны, заключал союзы, собирал зякет, чинил суд и расправу; одним словом, поступал как полновластный повелитель. Вот, например, как он величал себя в своих посланиях: «От великого победителя и храбрейшего витязя Кенисары хана вашего султанам Габдулфанзу и Кучуку изъясняется благоволение и желание благоденствия».

Более успешно боролись с Кенисарой сибирские власти, где его раньше распознали; там громил его лихой казачий полковник Кривоногов, неустомимый, знавший отлично все сноровки лукавого киргиза. Когда в Оренбурге изверились в нем и пришла пора действовать оружием, оказалось, что зауральские степи никому не известны, тогда как Кенисара подобно ястребу перелетал с места на место, не даваясь в руки. Во главе скопища в 10 тыс. всадников он по несколько раз в день менял стоянки: остановится, бывало, на ночлег, потом вдруг среди ночи подымет стан и уходит за 10 верст вперед или назад. Самые верные наши лазутчики никогда не знали, где ночует Кенисара. В то же время русские войска бродили точно впотьмах, боялись измены, пуще всего боялись попасть в безводные места и остаться там навсегда, без проводников, без воды. Порядок и дисциплина в скопище Кенисары были удивительные, напоминавшие времена такого полководца, как Чингисхан. Скопище было разделено на отряды, хорошо вооруженные, снабженные в изобилии продовольствием и под начальством султанов, из родственников Кенисары или своих же прирожденных султанов-правителей. В стане Кенисары находились маркитанты, мирно торговали два казанских купца, под особым его покровительством.

В 1843 году два небольших оренбургских отряда углубились в степь в поиски за Кенисарой. Он заставил их гоняться без усталости, чем изнурял без пользы и людей, и лошадей. Если случалось встретить Кенисару, он, завязавши перестрелку, начинал отступать. Ни казаки, ни союзные

нам киргизы никогда его не преследовали — те от изнурения, а киргизы просто не хотели. Стояла дождливая холодная осень; побродивши в такое ненастье полтора месяца, войска возвратились в Оренбург. Со стороны Сибири дела шли удачнее. Знакомый со степной войной, полковник Кривоногов с отрядом сибирского войска напал на аулы, с которыми кочевал султан, разбил их после продолжительной битвы, причем захватил в плен двух родственников Кенисары и его жену Кульши-Джан; сам султан в ту пору был в отсутствии. Несметные его богатства были брошены в степи, войска Кривоногова ничего не тронули. По весне следующего года оренбургский отряд выступил под начальством подполковника Лебедева. Этот офицер также понимал, с кем имеет дело, знал его силы, сноровки. Отряд Лебедева, разделенный на три части, мог передвигаться чрезвычайно быстро, потому что вместо верблюдов провиант перевозился лошадьми, на одноколках; из пехоты были выбраны лучшие стрелки и посажены на лошадей. Из лазутчиков Лебедев доверял только тем, которые почему-нибудь были озлоблены против Кенисары, лучше следили за ним, наверняка знали его силы и место кочевок: это давало Лебедеву возможность часто с ним встречаться и никогда не позволить застать себя врасплох. Лебедев прослыл среди киргизов «батирем»; им казалось просто чудом, как это он так успешно мог преследовать «непобедимого отца величия!» К сожалению, Лебедева отозвали в Оренбург, а на его место назначили полковника Дуниковского. Дерзость Кенисары сейчас же обнаружилась: на рыбных ловлях в степи были захвачены русские крестьяне; у одного преданного нам султана отбито более 5 тыс. лошадей, и сам он увлечен в плен. Наконец, разузнав о месте стоянки русского отряда, Кенисара в ночь на 21 июля напал на авангард, составленный из почетных ордынцев, перерезал всех султанов, их детей, биев и, покончив с ними, сейчас скрылся. Пока казаки вооружились, Кенисара был уже далеко. В напрасных поисках наш отряд бросался то в одну, то в другую сторону, а неуловимый Кенисара в это время на-

пал на наши форпосты, откуда увел 120 пленных. Гибель султанов, почетных стариков, находившихся под защитой русского отряда, подорвало в степях веру в могущество России. Это продолжалось до тех пор, пока ожесточенная война в Туркестане отвлекла Кенисару от русских границ. Он отпустил всех пленных, стал искать мира, изъявлял покорность. В ту пору к нему съехались послы Хивы и Бухары, из которых каждая старалась заручиться его помощью. Бухарский эмир прислал в подарок султану 60 ружей, 15 горных пушек, боевые снаряды; хивинский хан — 15 чудных аргамаков, 2 залитых золотом седла, 2 пушки и верблюдов, навьюченных порохом; кроме того, предлагал любое место в своих владениях для кочевков. Кенисара принял послов с подобающей важностью, но решительного ответа не дал. Он надеялся, что Бухара и Хива истощают в борьбе свои силы, и тогда он без труда овладеет Ташкентом. Надменность и дерзость Кенисары были таковы, что он оренбургскому губернатору Обручеву писал письмо без обычного титула, а просто «проживающему в Оренбурге генералу»; в этом письме просил его идти общими силами войной против сибирского губернатора князя Горчакова. В следующем году (1846) со стороны Сибири и Оренбурга одновременно выступили отряды, чтобы действовать безостановочно, преследовать Кенисару днем и ночью, летом и зимой. Тогда же были заложены укрепления — Оренбургское на р. Тургае, Уральское на Иргизе и Карабутакское на реке того же имени. Преданные нам кочевники могли спастись под защиту этих укреплений; кроме того, из укреплений легче было наблюдать за тем, что делается в степи, и своевременно подавать вести ближайшему начальству. В виду дружного наступления русских войск Кенисара откочевал с ордой к границам Китая; но уже в ту пору многие джигиты его покинули, не вынеся его жестокости. Покончив с китайскими киргизами, он ворвался в горные страны дико-каменных киргизов, обитавших в долинах Алатау. Это было племя воинственное; оно обитало на местности пересеченной, удобной для упорной обороны. Со-

хранилось сказание, что Кенисара рассчитывал с покорением этого племени идти на Кокан и занять ханский престол. После нескольких кровавых стычек киргизы прислали к нему посольство с изъявлением покорности. Мстительный Кенисара не удовольствовался этим заявлением, предал послов мучительной казни и объявил, что намерен истребить весь их род. После занятия какого-либо аула сгоняли всех жителей к кострам, на которых заранее подогревалась в котлах вода. Пленные киргизы, связанные по рукам и ногам, должны были смотреть, как теленгуты — вроде гвардии султана — бросали в кипяток женщин и детей, затем предавалось не менее мучительной казни все мужское население аула. Такое неслыханное варварство одушевило уцелевшее население на кровавую месть. В одном из мрачных ущелий киргизы напали на султана: завязался смертельный бой, в котором пал сам Кенисара, его брат и весь трехтысячный отряд. Киргизы отрубили Кенисаре голову, возили ее воткнутою на пику по аулам, а потом отправили в Омск; тело искрошили на мелкие кусочки. Сообщник Кенисары киргиз Нысанбай сложил в честь его песни, которые и поныне распеваются в аулах. Кроме песен, дум, мудрых изречений ничего не осталось у киргизов от богатырских времен.

Теперь киргизы — мирный пастушеский народ, хотя и не прочь при случае *побарантовать*, т. е. пограбить, поживиться на счет соседа. Впрочем, сами о себе они думают иначе. «Мы, — говорят киргизы, — потомки тех, что завоевали с Чингисханом полсвета; на нас нельзя просто смотреть: у нас Чингисханова яса (законы), его обычаи, — словом, мы узбеки: чего же больше!» Те, которые ведут свой род от Чингисхана, почитаются людьми высшей породы, «белой костью», и носят почетный титул султанов; прочее дворянство причисляется к «черной кости»; теленгутами же называют беглых чужеземцев или потомков невольников: они пасут хозяйские стада, обрабатывают землю. Киргизы принадлежат к поклонникам Магомета, но считаются плохими мусульманами; грамотные у них за редкость.

Мальчишка растет все равно что щенок: никто не научит его молиться, соблюдать посты, совершать омовения; он знает только, что нет Бога, кроме Бога, и что Магомет — Его пророк. Следы языческой веры удержались и поныне: киргизы верят в колдунов, боятся шайтана или злого духа, верят в заклятья, различают худые и хорошие приметы. Особенным почетом у них пользуются могильные курганы, обозначенные воткнутыми пиками с развевающимися конскими хвостами или гривами. Проезжая мимо такой могилы, киргиз преклоняет колени и оставляет что-нибудь для бедных — деньги, одежду или припасы. Память о своих умерших родичах, особенно *батырях*, которые прославились удачными набегами, они чтут свято, слагая в честь их песни.

Киргизы думают, что душа умерших целый год со дня смерти обретается среди живущих родичей. Если о покойнике дурно говорят, то душа его страдает и будет страдать до тех пор, пока все родные не помирятся с ним. Вот почему в годовщину смерти делаются большие поминки ради примирения с покойником. На праздник приглашаются все родные и знакомые из самых дальних аулов, причем заранее оповещаются призывы, которые будут раздаваться на скачке. Могут являться и посторонние лица. В назначенный день юрта покойника ставится где-нибудь на видном месте, украшенная коврами, оружием и прочим добром умершего; у дверей юрты водружается шест с черным флагом; если же умерший был старик, то навешивается белый флаг. Вокруг юрты расставляют любимых покойником верблюдов и лошадей. Призывы назначаются довольно ценные, например, тысяча баранов, 50 лошадей или верблюдов; всех призов 9, последний — одна лошадь или 25 баранов. Обыкновенно гости для облегчения хозяев привозят свою провизию, даже кумыс, и все это расставляют вокруг той же юрты. Хозяева, кроме того, припасают свое угощение: закалывают лошадей, баранов, выставляют множество посуды с кумысом. Такие поминки обходятся в несколько тысяч. Праздник начинается тем, что мулла прочитывает

молитву; все присутствующие при этом всхлипывают, причитают, добром поминая покойника. Затем следует обед, после которого начинаются разные игры и скачки на призы. Когда призы розданы, снимается с шеста флаг: это значит — все примирились с покойником. Шест разламывается на куски и сжигается в юрте покойника. Тот, кто разводил костер, получает в награду его лучший халат. Так совершаются поминки у богатых киргизов; у бедняков обходится дело проще, но это один из самых торжественных праздников в быту кочевника.

Подобно всем кочевникам, киргизы по мере выпаса трав переходят с места на место со своими стадами, семьями, со всем домашним скарбом. Даже киргизы-землевладельцы не покидают своих старых привычек: обмолотивши хлеб, они забирают его, сколько потребуется до будущей весны, остальную часть зарывают в землю и уходят на привольную степь. Перекочевка — это лучшее время, праздник киргизский: мужчины, женщины, девушки, даже дети едут верхом, причем лошади убраны по-праздничному, вьючные верблюды обвешаны бухарскими коврами или пестрыми киргизскими войлоками, украшены страусовыми перьями, лентами, бубенчиками. Молодежь обоего пола гарцует. Все радуются в ожидании полакомиться жирной бараниной. Женщины и девушки наряжаются в лучшие одежды; замужние женщины прикрепляют сзади пояса разноцветные попоны, прикрывающие у лошадей крупы; мужчины подпоясаны кушаками в серебряной оправе, в руках дорогие нагайки; щегольские уздечки и седла сплошь покрыты золотом, серебром и драгоценными камнями.

Поход открывают старшины, знакомые с местом перекочевки; за ними гонят стада баранов, рогатого скота, табуны лошадей и верблюдов; сзади — все мужское население, женщины и вьючные животные; в хвосте каравана — работники. В какой-нибудь час, много два, веселый и нарядный караван превращается в аул, т. е. подвижное селение, состоящее из одного или двух десятков юрт, поставленных полукругом. Жильем киргиза служит юрта (она

же *кибитка*): округленная палатка, основой которой служат деревянные решетки, прикрытые войлоками, с отверстием наверху. Знатные и богатые киргизы употребляют белый войлок, а у некоторых султанов юрты бывают обтянуты красным сукном и подбиты шелковыми тканями; земля устлана коврами или же войлоками. Тут стоят большие чашки, котлы, деревянные изголовья для подушек и особые ящики для хранения мешков с кумысом. Главную одежду киргиза составляет халат — *чапан*, бумажный или полушелковый. Киргизы особенно любят русский ситец, расписанный разными цветами; хотя и гнилой товар, зато дешевый, а главное, шумит: «чох чох!» Это нравится им больше всего. Халаты делают длинные-предлинные и необыкновенно широкие; рукава на целый аршин длиннее, потому что когда кочевник едет в гости или к начальнику, руки его должны быть скрыты — того требует приличие. Все халаты подбиты ватой, даже летом, а зимой, если холодно, киргиз надевает другой халат, сверху третий. Если спросишь: «Что на дворе сегодня?», киргиз ответит: «Холодно, в два халата», или скажет: «В четыре халата», смотря по морозу. Богатые носят под халатом длинную рубашку до пят; на бритой голове *тюбетейка*, а на ней шапка — летом войлочная, зимой меховая; на кожаном поясе подвешены мешочки, сумочки с ножом, огнивом и кремнем, печать, или *тамга*, которую прикладывают вместо подписи, и тому подобная мелочь. Киргизки одеваются так же, как и мужчины, только покрывают голову белым покрывалом.

Заглянем в юрту степняка. Печально в ней проходит зимний день. Настало утро. Пovýлезли на свет божий из-под халатов, войлоков и разного тряпья все ее обитатели и первым делом раскладывают костер. Притащили воды, не для умывания — киргизы никогда не моются, — а для варки. Хозяйка промыла просо, налила в казан (котел) воды и повесила на треножник. Все время, пока идет стряпня, мужское население юрты, сидя вокруг огня, жадно поджидает конца. Но вот *бутка* (каша) готова. Часть ее съедается тут же, остальное завертывается в кушаки: это суточ-

ный паек киргиза. Иногда, покончив с кашей, киргизка опять подвешивает казанок и, пока он накаливается, замесит тесто, из которого напечет на горячих стенках казанка лепешки, или кульчи. Остальное время дня киргиз попивает *айран*, т. е. кислое молоко, разведенное водой. Вечером снова варится бутка, только в меньшем количестве и жидкая. Праздничным кушаньем считается пшав, т. е. баранина с рисом. Богачи едят его, разумеется, когда вздумается.

Натерпевшись от морозов и буранов, киргизы с восхищением встречают весну. Длинный летний день киргиз или спит, или упивается кумысом, который приготавливают из кобыльего молока; пара лепешек, иногда замешанных на бараньем сале, заменяют ему и обед и ужин. По ночам киргизы собираются вместе, пируют, рассказывают друг другу сказки или слушают своих музыкантов. За них трудятся жены. Женщина постоянная работница в семье: шерстяные веревки, арканы, ковры, войлоки, шляпы, тканая армячина — это все дело ее рук. Киргиз же только возит их продавать. Ребятишки целый день гоняются за зверем, которого сбывают бухарским караванщикам. В разных местах киргизских кочевков водятся различные звери, начиная с таких больших, как тигр, дикий кабан, медведь, марал, дикая коза, сайга, и кончая куницей, хорьком, тушканчиком. Любимейшее развлечение киргиза — ловля зверей при помощи выученных птиц: беркута, ястреба или сокола. Птица, накрытая чехлом, сидит у киргиза на седле; когда охотник снимает чехол, беркут летит и впирается когтями в добычу, будь то заяц, лисица, дикая коза, даже волк — до тех пор, пока подъедет хозяин и dokonчит зверя плетью или своим копьём. На маленьких зверей выпускают соколов, ястребов. Охота производится больше осенью, лучшее время в степи, когда совершаются дальние перекочевки, когда в темную ночь производится злой умысел — баранта, или грабеж. Предметом грабежа служат верблюды, овцы, скот, лошади — одним словом, все, что составляет главное богатство кочевника. Нет другой страны

в мире, где было бы больше овец. Богачи-киргизы насчитывают в своих стадах до 10 и даже 20 тыс. овец. Киргизские овцы сильны, крепки и высоки, весят до 5 пудов, темно-рыжего цвета, с длинной шерстью и жирным хвостом, из которого вытапливают от 20 до 30 ф. сала. Киргизские лошади отличаются легкостью и быстротой бега; они легко пробегают по сто верст в сутки, а на скачках делают в оба конца не менее 50 верст. Скачки самое обычное развлечение киргизов и устраиваются при каждом удобном случае: свадьба ли, рождение первенца, поминки — тотчас оповещаются все соседние аулы, собираются родичи, знакомые; целые толпы праздных киргизов собираются поглядеть на байгу. У богатых наездников есть *карабаиры*, особая порода лошадей, ведет свой род от туркменского аргмака, а этот сродни арабу. Когда киргизы во времена своей вольности вели междоусобную борьбу, делали ради грабежа набеги, то во всех этих делах могли успевать, лишь сидя на выносливых и быстроногих конях. Их военный клич «атан, аблай!»³ знали даже эти благородные животные. Чтобы добыть карабаира, киргиз готов был на все. Когда дед Кенисары «мудрый» Аблай задумал идти на диких киргизов, он отдал приказ, чтобы каждые 10 кибиток доставили ему одного коня или кобылицу из породы аргмаков. Приказание грозного хана было исполнено: составилась целый табун, названный «жемчужиной ханства», который содержался особо под самым строгим присмотром. Чистой породы карабаир горяч, не знает усталости. Рассказывают, что уральский казак Василий Струняшев, спасаясь из киргизского пленения, проскакал одвуконь в короткую летнюю ночь 200 верст, но один из его аргмаков не вынес такого подвига, упал замертво. Теперь чистые карабаиры уже считаются за редкость, перевелись, большинство же выезжает на своих, доморощенных: низкие, вроде казачьих, с некрасивой головой и толстыми ногами. На байге, кроме скачек, бывают различные конные игры, на-

³ Ат — лошадь, атан — садись на коня.

пример: ловят барана, джигитуют. Сидят на лошади киргизы некрасиво, сгорбившись, а ездят лихо, не уступят и калмыкам. Это не мешает рассказывать про трусость киргизов. Ехал однажды русский офицер один, без конвоя. Вдруг, откуда ни возьмись, выскочила пархия киргизов и с криком пустилась в погоню. Офицер стал было хлестать свою лошадедку, да видит, что далеко на ней не уедет, остановился, вынул из чехла подзорную трубу и навел на хищников. Те сразу осадили лошадей, перекинулись двумя-тремя словами и повернули назад, наутек: они приняли подзорную трубу за пушку, готовую сейчас же выпалить.

Особенно диковинно киргизы прокармливают свои стада зимой. Сначала они пускают лошадей, которые разгребая копытами снег и сгрызают верхи; за лошадьми на то же пастбище выгоняют верблюдов и скот; они съедают траву без малого до корешков; наконец овцы доедают остальное. Такой способ зимовки называется *тебеневкой*.

Отбить от стада верблюдов, угнать овец или заарканить лучшего в табуне аргамака всегда считается у хищных азиатов делом удалства, подвигом. Награбить и не быть пойманным, разбогатеть на добыче и заслужить почет от соплеменников — значит прославить себя батырем, о котором заговорит вся степь; в честь его складывалась песня — правда, заунывная, как все киргизские песни, но подробно исчислявшая все его наезды и количество добычи. По возвращении с набега у киргизов был обычай одарять всех родичей частью добычи. И если, например, джигиту удалось сорвать карманные часы, он, недолго думая, взламывал их и раздавал всем по колесику. Стада киргизские, в свою очередь, возбуждали жадность их соседей-хивинцев. А близость русской границы вызывала нападение соединенных сил тех и других на наши караваны, рыбные ловли и передовые укрепления. В последний год царствования императора Александра I огромный русский караван с военным прикрытием в 600 человек был окружен на Яныдаре киргизами и хивинцами вместе. Две недели отбивались русские солдаты от скопища хищников, наконец, выбив-

шись из сил, покинули товары — а их было на 600 тыс. — и вернулись на Линию. Другой раз 2 тыс. хивинцев переправились через Сырдарью, напали и разграбили до тысячи кибиток; через месяц та же партия явилась в песках Каракум, перерезала стариков и увела в неволю всех женщин, разбросав по степи трупы младенцев. Русские власти, оберегавшие границу, не могли спокойно смотреть на эти бесчинства, да и сами киргизские султаны, не видя иного исхода, стали обращаться к нам за помощью, даже просили занять часть их земель. Явилась необходимость углубляться в киргизскую степь как со стороны Сибири, так и со стороны Урала.

Через 6 — 7 лет после похода Перовского построено укрепление Копальское, ныне город Копал, в Семиреченской области, а в устье Сырдарьи — Казалинское. Тут на Сырдарье наши столкнулись с коканцами, у которых на этой реке были построены свои укрепления, между прочим Ак-Мечеть, самое сильное. Прикрываясь ими, коканцы свободно проникали в земли подвластных нам киргизов, брали с них *зьякет* (подати), в случае сопротивления жгли, грабили, убивали, а прослышав о приближении русских войск, немедленно скрывались. В 1850 году они угнали до 20 тыс. голов скота, в другой раз еще 26 тыс., в следующем году 75 тыс. — и так без конца. Обнищавшие киргизы взмолились о защите, и тогда решено было идти вверх по Сырдарье, а семиреченским войскам двинуться навстречу, чтобы таким образом замкнуть обширное степное пространство. Начало этому сближению было положено со стороны Оренбурга графом Перовским, а со стороны Сибири — отважным и тогда еще молодым офицером Колпаковским.

В 1853 году Перовский осадил Ак-Мечеть, где было сосредоточено главное управление всех коканских крепостей. Здесь постоянно кочевали до 5 тыс. киргизских кибиток да приходило на зиму из русских пределов до 3 тыс. Все они подвергались насилиям и поборам. Хотя эта глиняная крепостца имела всего 300 защитников, но осада ее затянулась дольше, чем она того стоила. Перовский, изведав не-

удачу в хивинском походе, действовал весьма осторожно, вел осаду по всем правилам военной науки, точно брал сильную европейскую крепость. Это ободрило коканцев; среди же киргизов прошел слух, что русским никогда не взять Ак-Мечети. Сначала они упорно отказывались доставлять скот, отчего оказался недостаток в мясе. Киргизы думали, что если русские и возьмут крепость, то разорят ее и уйдут себе за Линию, а коканцы всю злобу выместят на них. Они успокоились только тогда, когда Перовский приказал готовить для крепости запас сена и топлива, значит, имел намерение оставить ее за собой. После этого распоряжения киргизы начали пригонять скот, 150 человек даже нанялись на земляные работы. От скуки солдаты забирались в крепостной ров и там в прохладе располагались на отдых; один солдат 4-го линейного батальона, по фамилии Григорьев, работавший постоянно с саперами, заметил, что на откосе обвала лежат мешки с землей. Среди бела дня, под выстрелами коканцев, он взобрался на обвал, преспокойно выпорожнил мешки и благополучно возвратился с ними в траншею. Когда его притянули к ответу, он оправдался тем, что мешки понадобились ему для исподних. Бывшие при отряде калмыки еще меньше обращали внимания на грозных защитников: днем они совсем открыто ходили между траншеями (ровики с присыпкой из земли) или забирались в коканские огороды под самой крепостью, где воровали арбузы и дыни; от выстрелов с крепости калмыки закрывались лопатой: деревянную лопату держали плашмя, а железную ребром, чтобы коканец «не испортил казенную вещь». И наших солдат они учили так закрываться. По ночам коканцы освещали наши ночные работы факелами из деревянных шестов, обмотанных насаленными тряпками. Перовский приказал освещать таким же способом крепостные стены, чтобы заранее приготовиться к встрече. Дело в том, что коканцы оказались мастера на вылазки. Первую вылазку они сделали днем: спустились по веревкам со стены и бросились с саблями на головную (ближайшую) траншею: двух солдат успели зарубить.

После трех недель осады Перовский пустил солдат на штурм: они взяли Ак-Мечеть в 20 минут. По высочайшему повелению крепость переименована в форт «Перовский» — название, под которым она известна и теперь. Два раза пытались коканцы вернуть свой оплот на Сырдарье. В том же году стало известно через лазутчиков, что правитель Ташкента Сабдан-Ходжи выступил с семитысячным скопищем по направлению к Ак-Мечети. Отсюда выслали уральского старшину Бородина с командой в 275 человек, при трех орудиях. За 25 верст, при урочище Кум-Суат, Бородин встретил коканцев. Едва наш отряд успел выстроиться, как был атакован толпой конницы. Их отразили картечью и дружным залпом из ружей. С 11 часов утра вплоть до сумерек коканцы повторяли свои наезды, наконец, утомленные боем, потеряв много раненых и убитых, расположились на ночь кругом русской позиции. Наши потери были невелики: 5 убитых да 2 раненых. Бородин вырядил ночью трех киргизов с двумя казаками, чтобы дать знать в крепость, и действительно, наутро уже показалось подкрепление; завидя его, коканцы поспешно стали сниматься. В декабре того же года приблизилось к крепости скопище уже в 12 или 13 тыс., с 17 пушками. Три дня коканцы палили в крепость, пытаясь в то же время со всех сторон ее окружить. На 4-й день комендант выслал 550 человек, с 4 орудиями и 2 ракетными станками, под начальством майора Шкупа. В густом тумане он придвинулся к неприятельскому лагерю и, заняв песчаные бугры, открыл беглый артиллерийский огонь. Коканцы отвечали из своих орудий, после чего стали кидаться то с одной, то с другой стороны. Скоро маленький отряд, окруженный сильными конными толпами, очутился в крайности. Но старый и опытный майор не потерялся. Заметив, что число неприятельской прислуги при орудиях сильно поубавилось, он приказал ударить бой к атаке и под мерный такт барабанов двинул вперед две роты, сбил стрелков, захватил все 17 орудий и обоз, потом зажег коканский лагерь. В это же время из крепости вышли на выручку два небольших отряда. Около

12 часов дня коканцы быстро отступили, покинув все свои пушки и 130 пудов пороха.

Потерпев неудачу на этом конце, коканцы стали тревожить сибирскую границу, в окрестностях озера Иссык-Куль, куда русские незадолго перед тем проникли и по просьбе самих киргизов построили укрепление Верное (1854 г.). Коканцы, желая утвердиться здесь более прочно, в свою очередь, построили на степной р. Чу, впадающей в названное озеро, ряд укреплений, или так называемых курганов, на расстоянии 50 — 70 верст одно от другого. Прикрываясь ими, они дерзко вторгались в аулы подвластных нам киргизов, брали с них зякет и открыто поддерживали между ними баранту. В начале 1860 года разошелся слух, что с восходом трав будет сделано нападение на нашу границу. Действительно, в укрепления подвозили запасы; их гарнизоны были увеличены. Кроме Верного, мы имели здесь форт Кастек, с небольшим гарнизоном. В конце августа полковник Циммерман с отрядом пехоты и конницы в 1750 человек, при 15 орудиях, перешел реку Чу и появился перед курганом Токмак. С приближением отряда гарнизон разбежался, осталось 70 защитников. На требование сдачи комендант отвечал, что драться ему нет охоты, но сдать укрепление все-таки не может и просит два дня срока, чтобы списаться с начальством. Через час после ответа Циммерман приказал открыть пальбу. Тогда появился на стене парламентар с известием, что комендант по требованию гарнизонных баб сдает укрепление... Глиняные стены Токмака были разрушены, оружие отобрано, 2 чугунные пушки сняты, а что составляло собственность жителей — осталось нетронутым. Это последнее не мало удивило азиатцев, не привыкших к подобному обращению. Другое коканское укрепление, Пишпек, готовилось к отпору. Хотя по размерам оно было гораздо больше, чем Токмак, имело стены около 2 саженьей высотой и до 5 саженьей толщиной, гарнизона же — 500 человек, однако после пятидневной осады также сдалось. Но коканцы не унялись: они вновь построили свои курганы, а в следующем году в числе 20 тыс.

появились в Заилийском крае; в половине октября их передовые части окружили Узун-Агачский пост, охраняемый сибирскими казаками. На защиту края выступил из Верного подполковник Колпаковский, имея под начальством 3 роты пехоты, 4 сотни сибирских казаков, 6 орудий и 2 ракетных станка. В Узун-Агач был послан хорунжий Ростовцев с 60 казаками передать спешное приказание. Не доезжая пяти верст, Ростовцев был окружен толпами конницы, только что отхлынувшей от поста. У казаков была с собой простая телега, которую они мигом превратили в пушку. Как только неприятель наезжал, Ростовцев зычным голосом командовал: «Орудие с передков!» Казаки раздвигались, снимали задок телеги с передка и поворачивали его, так же как поворачивают артиллеристы орудие, жерлом к неприятелю. В этот страшный момент коканцы рассыпались. Благодаря этой хитрости казаки благополучно добрались до Узун-Агача, потеряв лишь трех человек раненых. Между тем, потерпев неудачу здесь, коканцы расположились около речки Кара-Кастек на местности волнистой и пересеченной широкими логами. Как только наш отряд сблизился на пушечный выстрел, капитан Обух открыл огонь из шести орудий, чем заставил коканцев отступить за речку. Колпаковский сейчас же двинул весь отряд по их следам. В одно и то же время наши увидели вправо, на ближайшей высоте густую колонну сарбазов (кокканская пехота), толпу всадников, а сзади из боковой лощины высыпала еще толпа пеших коканцев, которые напали на роту Сярковского. Он быстро повернул свою роту налево — кругом, рассыпал ее в цепь и открыл пальбу. Кокканцы, сверх всякого ожидания, настойчиво лезли вперед. Тогда солдаты собрались в кучки, к ним подоспела сотня казаков с ракетными ставками — и коканцы были отброшены. Теперь весь отряд вытянулся уже лицом к неприятелю: в 1-й линии 2 роты пехоты, 3 сотни казаков, 6 орудий; рота Сярковского с сотней казаков стала против лощины на случай появления коканцев отсюда. Это был редкостный бой, когда приходилось сражаться на два фронта, в одно время и

наступать, и обороняться. После усиленной пальбы по высотам Колпаковский повел отрядец вперед: сарбазы не выдержали, бежали. Тогда наши втащили почти что на руках 4 орудия на гору и открыли огонь по отступавшим. Но вот с соседней высоты спустилась другая колонна пеших сарбазов, с барабанным боем, трубными звуками, распущенными знаменами и, смело наступая, приближалась к правифланговой роте. Линейцы остановились, дали залп и бросились в штыки. После короткой рукопашной схватки сарбазы стали отходить сначала медленно, потом бросились врассыпную и в конце концов попали под огонь орудий. Вообще, в этом памятном бою коканцы действовали смело, настойчиво, несколько раз бросались в рукопашную. По случаю сильного утомления войск преследования не было, тем не менее по словам лазутчиков коканцы потеряли до 1,5 тыс. человек, у нас же был убит один и ранено 26; сам Колпаковский получил контузию. Когда государь узнал из донесения подробности Узун-Агачского боя, то собственноручно изволил написать: «Славное дело. Подполковника Колпаковского произвести в полковники и дать св. Георгия 4-й степени». Обух получил тогда же золотую саблю.

Эта замечательная победа и сражение под фортом Перовским показали явный перевес русского оружия и военного искусства. Наши генералы скоро изучили своего неприятеля, поняли, в чем заключается его слабость. Оказалось, что бухарцы, коканцы и вообще все азиатские войска не имеют духа стать лицом к лицу с русскими войсками; они уклоняются от натиска самой слабой колонны, если она идет на них смело, решительно. Один вид наклоненных штыков приводит в трепет азиатские орды. Появляясь в открытом поле, они стараются окружить наш отряд, отрезать его от воды, отбить табун, нахватать побольше одиночек. В атаку азиаты несутся нестройной толпой; встреченные огнем, особенно картечью, ищут спасения в бегстве. У них есть задор, но нет отваги и стойкости; победа над ними дается легко, хотя такой победе и цена малая: рассыпавшись, азиаты так же легко опять собираются... Что-

бы закрепить победы, нужно брать у них города и крепости, подчинять своей власти население.

Такой способ ведения войны втягивал русские войска против воли в завоевание края. Как ни желали наши военачальники избежать столкновений, уладить дело мирно, они поневоле должны были идти вперед и вперед, пока не уперлись в горы... Победоносное движение вглубь Средней Азии облегчалось тем, что глиняные крепости, несмотря на высоту стен и глубину рвов, не могли остановить русского солдата; Черняев называл эти крепости «глиняными горшками». Раз, что крепость была взята, защитники уже не думали сопротивляться: они выдавали оружие, сбрасывали туфли и, подобрав полы халатов, бежали, куда глаза глядят. Один вид русского солдата на крепостной стене устрашал толпу ее защитников, не знавших, что такое долг гражданина, честь воина, слава подвига. Все это заменял приказ бека: велено стоять и палить — они палят; велено умирать — они все перемрут, как безответные овцы, без вздохов и стонов; а нет приказа — значит, можно бежать. И крик «Отечество в опасности!» не остановит, не вернет безумную толпу, объятую страхом: такого слова нет и в обиходе туземцев того края.

Туркестанский край и попутные города

I

Сибирские батальоны, наступая вверх по реке Чу, шли навстречу оренбургским батальонам, подвигавшимся вверх по Сырдарье. Первых вел Черняев, вторых Вережкин. Один взял Аулие-ата, другой город Туркестана, и через 3 года после Узун-агачского погрома оба отряда уже соединенными силами брали город Чимкент. Чуйская и Сырдарьинская линии сомкнулись. Мы как бы замкнули степи, вышли на хлеботорные места, прославленный еще в глубокой древности. Огромная полоса земли, которая носит название своего главного города Туркестана, тянется в одну сторону на полторы тысячи, а поперек на тысячу верст и упирается краями в горы, покрытые вечным снегом; там, еще дальше, за горами, лежат владения китайцев, полуразбойничий Афганистан и персидские владения. Край совсем особый, со всех сторон замкнутый. Широкие раздольные его степи вдруг переходят в предгорья, потом поднимаются целые горы — то голые, скалистые, то покрытые вековым хвойным лесом; еще выше — ледяные поляны и вечный снег. Тут-то, в этих ледниках, берут начало как большие, так и малые реки Туркестана; они изливают свои воды не в открытые моря, а в озера или же просто теряются в песках. Горные потоки шумят, брызжут, пенятся; зато большие реки, как, например, Сырдарья, Амударья, в своих пустынных берегах омыают тысячи верст. Там, в Туркестанском крае, безводные пустыни чередуются с благодатными уголками, где произрастают самые нежные фрук-

ты, растет хлопчатник, поля покрыты сочной густой зеленью: это оазисы. Она невелики, все наперечет; но из-за них и шла кровавая война в продолжение многих веков, пока не явились воины Белого Царя. Здесь побывал Александр Македонский, здесь основал свое царство Тимур, или Тамерлан, «владыка царей», как он сам себя называл.

Почва в Туркестане больше глинистая или же песчаная, не то солончаковая. Дожди идут редко, сухие ветры губят всякий росток; но в оазисах, как мы уже видели на Хивинском, воду отводят из рек при помощи особых канав (арыков), а скудную почву покрывают особым удобрением. Каждое дерево, каждая травка требует попечения. «Где вода — там жизнь, — говорят в Туркестане, — где нет воды — там смерть». Главная забота земледельца, чтобы хлеб не высох, и если он хороший работник, то его труд вознаграждается сторицей: яровая рожь, ячмень и пшеница дают сам-55, бухарская пшеница и джугара сам-100, просо — 200. На остальном пространстве земля покрывается зеленью только ранней весной; с половины же мая солнце начинает так припекать, что вся трава выгорает. Тощую чахлую зелень можно встретить только около речек и колодцев да в горах. Летом все пусто, мертво; лишь вольный ветер гуляет на просторе, поднимая тучи песка и пыли. И деревья там особые, не более трех сажен высоты. Растет джидда — с гладкими листочками и красными ягодами, которыми питаются фазаны; растет еще саксаул — без листьев, и до того крепок, что его не берет ни пила, ни топор; упадет на землю, разобьется в куски — такой хрупкий. Берега Сырдарьи местами покрыты саксауловым лесом на сотни верст; ближе к морю они окружены болотами и зарослями густого камыша, где скрываются барсы, тигры, дикие кабаны.

Самое же страшное в Туркестанском крае не это, а его песчаные пустыни. Их там три: «Кизыл-кум» (Красные пески), «Ак-кум» (Белые пески) и «Кара-кум» (Черные пески); впрочем, есть еще четвертая, так называемая Голодная степь. Далеко, куда ни взглянешь, поднимаются барха-

ны, крутые с одной стороны, покрытые рябью — с другой, наветренной. Песок накаляется здесь до того, что если накрыть его рукой, она покрывается пузырями. В горячем степном воздухе носятся мириады насекомых, а при малейшем ветре поднимается песчаная пыль, которая забивает рот, нос и уши — нечем дышать. Нога погружается в песок по колено; кругом под ногами бегают тарантулы, ползают ядовитые жуки или шныряют скорпионы и отвратительные мохнатые фаланги. Там и сям валяются в пустыне скелеты верблюдов, палых лошадей. Вот таким-то путем шли наши солдаты, когда брали Хиву. Как ни жутко в песках, однако солончаки еще того хуже. В песках можно докопаться до воды; песчаные бугры дают хотя некоторую защиту от ветра, почему киргизы охотно здесь кочуют, даже зимой; в солончаках же ничего нет, кроме противной соленой и едкой пыли: это дно высохших озер. Частым гостем пустыни являются зимой бураны, летом вихри, или смерчи. Низовые бураны не что иное, как метели: сильный ветер поднимает снег, крутит его в воздухе; но верховые бураны — страшные бураны. Даже киргизы, которые проведут вас в самую темную ночь, куда угодно, и те теряют голову. Случалось, люди замерзали в городах, на улицах, возле своих домов. До сих пор киргизы вспоминают рассказы отцов о страшном буране, бывшем 75 лет тому назад (1827 г.): с неслыханной силой он свирепствовал целую неделю на сотни верст кругом. Испуганный скот шархнулся на север, в Саратовскую губернию, и частью замерз в голой степи, частью свалился в овраги и балки. Много его тогда погибло, более 75 тыс. да около 300 тыс. лошадей и почти миллион овец. Если ветер разыграется летом, тоже беда: песок летит, кружится, саксаул трещит, ломается; все небо покрывается какими-то песчаными облаками; горячий песок бьет в лицо, сбивает с ног. А там вдали несутся навстречу два или три песчаных вихря, точно огромные воронки, конца которых даже не видно. Они быстро кружатся то наклоняясь, то выпрямляясь от порывов ветра, причем отбрасывают облака пыли. Такие вихри ни-

чего не щадят: они уносят палатки, людей, лошадей, верблюдов; скот скачет сломя голову, пока не передохнет или не перекалечится.

Выходит, что большая часть принадлежащего нам ныне Туркестана состоит из пустынь и пастбищ; приблизительно только пятидесятая часть может быть возделана. Если же расширить орошение страны, то можно там прокормить десятки миллионов людей. Это значило бы восстановить былое: почти все пространство между Сыром и Аму было некогда покрыто цветущими полями и садами. Население Туркестана разнородное: тут смешались потомки монголов с соседями и разными другими народностями, временно перебивавшими на тучных пастбищах или хлебородных оазисах. Даже узбеки, о которых было уже сказано, на длинном протяжении страны мало похожи друг на друга: есть, например, совсем как татары — глаза косые, лицо плоское, а борода такая же роскошная, как у персов. Почти все разбойники, но также все мусульманские святые того края из племени узбеков, тогда как духовное сословие вербует-ся из таджиков. Несмотря на то что узбеки несколько столетий распоряжались страной, они остались простыми честными и лучше держат свою веру, чем прочие народности Туркестана. Сохранилось сказание, что одна принцесса обещала свою руку тому, кто пророет арык через Голодную степь. Узбек добросовестно взялся за эту работу и довел ее до водопада, существующего поныне; дальше вести у него не хватило ни времени, ни сил. Хитрый таджик поступил иначе: он разостлал камышовые циновки вдоль песчаной пустыни, и когда принцесса взошла на башню, он показал ей блестящую полосу точно струившейся воды. Несчастный узбек с отчаяния раскроил себе голову. Из родственных им народов в Туркестане обитают, кроме киргизов, каракалпаки, что на нижнем течении Сырдарьи, и туркмены. Слово «таджик» значит «увенчанный», верно, они когда-то властвовали. Сами они не называют себя таджиками, а «парсиван», и в самом деле мало чем отличаются от персиян; их больше всего в Бухаре, Кокане и Хиве. С пер-

вого взгляда легко отличить ловкого и деликатного таджика от неуклюжего узбека. У таджика длинная голова, высокий лоб, умные глаза, лицо румяное, волосы светло-русые и роскошная борода. Это класс имущий: кулаки, купцы, землевладельцы; узбеки работают у них в садах и виноградниках. У таджиков еще сохранились древние поверья. Так, например, они зажигают по ночам костры и прыгают через них, как и у нас на Иванов день. Больные должны обойти три раза вокруг огня, затем уже перешагнуть, также три раза. Если чающий исцеления не сможет это проделать, то должен по крайней мере смотреть на огонь, пока над ним произносятся заклинания, изгоняющие болезнь «к пустыням и озерам». В горных странах существует еще поверье, что на огонь нельзя дуть, ибо нечистое дыхание человека не должно прикасаться к пламени; там гасят лучины размахивая рукой. Сартами называют в Туркестане оседлых жителей городов и деревень; они также сродни персам. Некоторые смешивают таджиков с сартами, называя так все население Туркестана. «Когда гость приходит к тебе и ест твой хлеб, называй его таджиком; когда он будет далеко, можешь сказать, что у тебя был сарт — так порешили их различать, чтоб не обидеть ни того ни другого. Когда киргиз или узбек покидает бродячую жизнь, построит в городе дом и займется промыслом или торговлей, его детей уже называют сартами. Однако язык сартов разнится по месту их жительства: в Ташкенте, в Фергане они говорят по-турецки, в Ходженте и Самарканде так же, как и таджики — по-персидски. Киргизы их презируют; они говорят: «сары-ит», что значит «желтые собаки». Киргиз ни за что не выдаст свою дочь за сарта; он обесчестил бы этим весь свой род. По природе сарты трусливы, лукавы, по языку и по наружному облику похожи на евреев, также любят гешефты, в качестве менял и ростовщиков. Мало-помалу они забираются в горы, где заводят цветущие поселения.

Земля, которую орошает пахарь — будь то таджик, сарт или киргиз, — дает обильные урожаи во всех оазисах. Земледельческие орудия в стране самые простые, грубые, но

почва так аккуратно вспахивается, переворачивается и напityвается водой, что вознаграждает труд земледельца, как нигде. В некоторых оазисах, как, например, в Бухаре, садов и огородов больше, чем полей, которые встречаются на большом пространстве, лишь по скатам холмов и гор.

Дерево в Туркестане редкость; для построек нет другого материала кроме глины, из которой лепят катышки или кирпичи и потом сушат на солнце. Кровли делаются из тростника, прикрывая его сверху той же глиной, а не то дерном. Пока сухо, все хорошо, но во время сильных дождей разбухшая земля проламывает жидкую настилку, и все разом проваливается. Осенью надо зорко следить за такой крышей, чтобы не остаться под открытым небом, тем более что у сартов нет ни печей, ни дымовых труб. Огонь раскладывается так же, как у хивинцев — на полу. Если нужно погреться, то в яму кладут угли, сверху ставится табуретка, которую покрывают ватным одеялом, и вся семья садится кругом, засовывая ноги под табуретку, на перекаладины ножек. Дым выходит через окно или дверь; полы в домах или смазаны глиной, или вымощены плитками кирпича. С прибытием русских зимы в крае стали суровее, и туземцы видят в этом благоволение Аллаха, которому ведомо, что «урус» любит снег, без мороза жить не может.

Чистотой нравов население городов, отчасти и деревень, не может похвастаться, а главным образом это происходит оттого, что женщине нет места среди мужчин. Закутанная с ног до головы, в длинном синем халате, с лицом, покрытым черной сеткой, она, точно воронье пугало, скрывается от взоров людских и точно боится самое себя. Мужчины, не находя развлечений дома, в семье, ищут их на улицах, площадях, базарах. Здесь горожанин готов толкаться целый день, слушать под открытым небом какого-нибудь мудреца или повествователя былых времен. Базар для туземца — клад; чай-ханэ (чайная), особенно с балагуром да балалайкой — сущий рай. Чай-ханэ всегда битком набиты. Там развлекаются песнями, плясками, фокусами; едят пилав с морковью и изюмом, пельмени, сушеный

урюк, каленые фисташки, изюм, финики, дыню вялеными ломтиками, миндаль и прочие сласти. В таких развлечениях коротают дни и ночи праздные горожане.

В ту пору, как мы стали на рубеже страны, в ней была неурядица: повсюду бродили шайки коканских войск; такие большие города, как Ташкент, пользовались независимостью; хан коканский ополчался против русских, а эмир бухарский собирал свои войска против коканцев... Между тем русские вступили в край с несколькими линейными батальонами. Опаленные знойным ветром киргизских степей, суровые лица старых солдат говорили ясно, что они прошли тяжелую школу. Как поучительна, например, история 4-го Оренбургского батальона! Еще во время графа Перовского он выступил из Оренбурга и более не возвращался на родину. Прошли десятки лет, а батальон медленно, шаг за шагом, подвигался от Оренбурга вглубь киргизских степей, работая то штыком, то лопатой. Сегодня линейец лежит в канаве с ружьем, отстреливается от коканцев, завтра становится землекопом, роет рвы, насыпает бруствера, рубит деревья. Сегодня по зыбкой лестнице он штурмует высокие стены коканской крепости, а завтра месит глину, делает кирпич, выводит стены, кладет своды. На длинной линии фортов и укреплений встречаются пароходные пристани, церкви, госпитали, казармы, сады — все это построено или насажено солдатскими руками. Каждый камень, каждая щепотка земли — дело их рук. Так прошла жизнь наших линейцев, трудовая, исполненная лишений и подчас страданий. Им приходилось голодать, терпеливо сносить зной и жажду, холод и зимние вьюги. Зато каких-нибудь 7 линейных батальонов не только покорили, а обстроили пограничную линию от Урала до китайской границы. Рядом с линейным солдатом шел казак, этот его вернейший друг, окрещенный именем «Гаврилыча». Последний никогда не отказывал поделиться хлебушком или подвезти усталую «крупку» — так называют пехотного солдата — на своей лошаденке. Казак берег его сон, указывал ему путь, добывал баранину, рядом с ним ковырял землю,

стоял на валу. Верные стражи далеких русских окраин, казаки сроднились со степью, знали все ее невзгоды, изучили все сноровки хищных соседей и теперь явились верными сподвижниками и вожаками линейцев.

Надо заметить, что вслед за войском шли в Туркестан мирные поселенцы, выбирали себе места попривольнее, селились и принимались за хозяйство. Со стороны Сибири заселение шло шибче, чем от Оренбурга. Здесь надо было копать арыки, чтобы добыть из почвы посев, а в Семиреченском крае — места более годные для земледелия по обилию угодий, лугов и лесов. Вот, например, Лепсинская станица на реке Лепсе, населенная бывшими алтайскими казаками. Кругом нее еловые и березовые леса; низкие лесистые долины покрыты черноземным суглинком; орошения не требуется, потому что перепадают частые горные дожди. Сенокосов много, есть и пашни — весенние ниже лесной полосы, а летние выше лесов. Но лучшее угодые сибирских казаков — это обилие цветов и дуплистых деревьев, потому что казаки охотники до пчел. И в прочих местах казаки, занятые службой, не так охотно пашут землю, а отдают предпочтение пчеловодству. Зато великорусы и малороссы садятся прочнее. Многие являются сюда без гроша денег и поступают на работы; скопивши деньжонок, ставят мельницы, хутора; сначала они нанимают землю у киргизов, потом приобретают ее за бесценок в собственность. Ретивые поселенцы сами учатся, как орошать поля, а своих работников, из киргизов же, приучают пахать землю по-русски, сохой или плугом. Обжившись, устроившись, они вызывают с родины земляков и односельчан. Так из маленьких хуторов или поселков возникают большие села, с Божьими храмами. Первые поселенцы со стороны Урала занимались больше промыслом, рыболовством.

Пока в этих дальних углах Туркестана укреплялось русское население, вся страна, как уже сказано, терпела от неурядицы, и вступление русских войск являлось благодеянием. Настоящими владельцами страны считались не хан коканский или эмир бухарский, а их беки, которым отда-

вались богатые многолюдные города как бы на откуп. Они вносили в ханскую казну положенную сумму, и всю ее выбирали потом с народа, причем не соблюдали никакой меры: брали вдвое, втрое, сколько вздумается. Богачи привыкли скрывать свое добро, выходили на улицу всегда оборванцами; разве бек позовет кого-либо из них в гости, тогда уж поневоле приходилось облекаться в нарядный, чаще жалованный халат. По праздникам все богачи являлись сами к нему на поклон. День восшествия хана на престол праздновался всеобщим угощением на счет тех же богачей; бек в этот день ездил с богатыми подарками к хану. Вместо него празднеством распоряжались чиновники. В одном месте плясуны маршировали по канату, в другом фокусники выделывали разные штуки на шесте, козлы ходили по канату; там боролись, здесь бегали взапуски или джигитовали. По мере занятия края эти зрелища прекращались, но с другой стороны перестали резать людям носы и уши, не рубили у них пальцев. Прекратились стоны и крики несчастных, которых прежде таскали по улицам, как приговоренных к истязаниям или смертной казни; перестали сажать людей в ямы, перестали обирать их до нитки, а требовали лишь того, что полагается по закону. В прежнее время услышит, бывало, сарт, что бек желает его посетить, сейчас же отправляется к нему с приглашением и знает наверно, что получит ответ: «Ладно, будет свободно, приеду!» Еще раз четыре он должен явиться с приглашением, пока не назначат ему день и час. Тогда в доме сарта начинается приборка: все, что подороже, прячется по соседям, а оставляют лишь подарки для бека и его челяди. На первых порах и Черняев посещал сартов, не брезгая их угощением, но от него ничего не прятали, зная, что русский «джандарал» (генерал) не возымет подарков. Быстрое движение русских вглубь Азии породило множество слухов, усердно распространяемых муллами, казнями и ханскими чиновниками, вообще всеми теми, которые могли лишиться своего завидного положения. Они говорили, например, будто русские насильно обращают мусульман в

христианскую веру. Когда же один сарт обратился в Ташкенте к благочинному отцу Малову с просьбой окрестить его, то батюшка наотрез ему отказал, потому что сарт, не зная русского языка, не может понять, в чем заключаются обязанности христианина. Другой слух, что будут брать рекрут, также скоро перестал пугать население: сарты сами убедились, что, по сравнению с нашими солдатами, они к военной службе не годны. Затем еще рассказывали на базарах, что будут увеличены подати: Черняев же первым делом по занятии края объявил, что русские будут брать лишь десятую часть доходов: прежде взималась половина, треть. О чем не перестали говорить, так это то, что русские не удовольствуются Туркестаном, а непременно отнимут у «инглисов» (англичан) Индию. Кроме того, у сартов, как и вообще у всех среднеазиатских народов сохранилось древнее сказание о подчинении всего Востока Белому Царю. «Настанут дни, когда два народа соберутся у семи ручьев и сразятся. На первый раз урус будет побежден инглисом (англичанином); но подойдут новые рати, и он, урус, нагрянет всею своею силою на инглиса в том самом месте, где семь рек сливаются в одну большую реку. Будут они резаться семь дней, и река обогрится кровью неверных: инглисы побегут, урус станет править миром...» Таким образом, можно сказать, что воины Белого Царя являлись долгожданными, желанными гостями. Они вносили в страну, обуреваемую безначалием, блага мира — порядок, тишину, довольство, охрану личности и нажитого добра.

II

Туркестан — первый туземный город по пути в Среднюю Азию. Как и все мусульманские города, он обнесен стеной, имеет цитадель и большую мечеть: это знаменитая мечеть Азрета, почему и самый город часто называется Азрет-султан. Мечеть стоит на этом месте 500 лет, построенная еще Тимуром в честь святого Азрет-Яссави, которого могила находится тут же. Сохранилось предание, что

у грозного завоевателя скончалась в юных годах его прелестная правнучка Рабига-Бигем, которую Тимур любил до безумия. Желая почтить ее память, Тимур приказал над могилой Азрета воздвигнуть вековечный храм и возле святого положить тело покойницы. Вызваны были лучшие мастера, которые трудились много лет и успели кончить храм почти в одно время со смертью Тимура. Мечеть сделана из отличного жженого кирпича, сложенного на алебастре; верхи украшены лепной работой, а снаружи вся мечеть покрыта прекрасной изразцовой мозаикой. Кроме Рабиги-Бигем здесь погребены высшие духовные лица, киргизские султаны и туземные правители. Мечеть очень богата и пользуется в народе большим уважением. Расположенная на высоком месте, она кажется чудом, особенно издали, со степи; окружена стеной, вооруженной в ту пору пушками, почему также участвовала в защите города. Когда же несколько наших снарядов задела ее купол, испуганный шейх-эль-ислам, т. е. глава духовенства, не побоялся сам взойти на минарет, для того чтобы выкинуть белый флаг: это означало сдачу. Город же весь глиняный: стены, цитадель, прочие мечети, дома — все глиняное. Стены крепости так толсты, что на них могут разъехаться несколько всадников. Из главных ворот идет большая широкая улица к середине города, где находится торговая площадь. И площадь, и улицы унизаны множеством лавчонок, в которых продают предметы первой необходимости. Дома непрочны, неуклюжи, покривились, того и гляди, что вот-вот развалятся. Каждый хозяин живет особняком: посередине двора на улицу выходит только узкая калитка, все же окна — во двор. Крыши на домах плоские, присыпанные землей и глиной; тут лежат собаки, живут куры, сохраняется сено и другие запасы. Туркестан весь окружен садами, что придает ему чрезвычайно привлекательный вид. Недалеко от города сохранилась куча обломков, на которую указывают как на место нахождения города Отрара, где умер Тамерлан. Вообще, это страна развалин; часто попадаются остатки многочисленных крепостей, защищавших некогда течение Сырдарьи. Еще более, чем Тур-

кестан, славится своими садами Чимкент, «Зеленый» город, в 150 верстах от Туркестана. Он расположен другом горы, по склонам которой растут сады, а вершина увенчана цитаделью. Каждый сад обнесен глиняной стеной; вдоль нее для защиты от ветра стоят рядами тополь, карагач или тальник. В середине сада обыкновенно большой пруд; от него в разные стороны расходятся арыки, по берегам которых и произрастают фруктовые деревья: яблоки, груши, сливы, персики, гранаты, абрикосы, виноград, тутовое дерево и др. Однако фрукты здесь неважные — или водянистые, или деревянистые. От Чимкента в одну сторону прямой путь к Ташкенту и далее к Самарканду, другая дорога ведет к Верному, в Семиреченский край. В Ташкенте сходились пути коканской, кашгарской и бухарской торговли с Россией. Обширный город, с населением вчетверо больше, чем Бухара, стоял на пути русских войск, и занятие его обеспечивало умиротворение края.

За малолетством хана Коканом управлял тогда мулла Алимкул, воинственный и отважный; но войска его, как видно из предыдущих встреч, не заслуживали иного названия, как нестройных орд. Пехота, или сарбазы, числом около 2 тыс., набирались из бездомных бродяг и частью преступников. Половина сарбазов была одета в красные куртки с желтыми чембарами, другая в синие суконные сертуки с персидскими шапками. Впоследствии на базарах Ташкента коканцы охотно скупали русские мундиры выслуженных сроков, чтобы обрядить в них свою пехоту. Вообще коканцы думали, что сила русских воинов заключается в мундире с блестящими пуговицами или в тихой мерной маршировке, почему спешили так же одеть свою пехоту и учили ее маршировке, не щадя при этом палок. Вооружение сарбазов состояло из сабель и ружей самого разнообразного устройства. Жалованья они не получали, но пользовались содержанием, впрочем, очень скудным: в год куртка или халат и пара сапог; на день две лепешки из муки — вот и все довольствие. Обучением занимались или русские пленные, или беглые; даже все команды проносились на ломаном русском языке. В случае войны

каждый куш-бег, т. е. правитель города, обязан был выставить конное ополчение, которое, собственно, и составляло главную вооруженную силу. Почти всю артиллерию коканцев захватил тогда бухарский эмир: она состояла из 30 маленьких пушечек на неуклюжих лафетах. Кроме того, коканцы употребляли род железных крепостных ружей с фитилями, возимых на верблюдах («шахмалы») и лошадях («язайли»); последние утверждали при помощи болтов на оси одноколок. Все вооруженные силы Кокана не превышали 15 или 20 тыс.

Вскоре после занятия г. Туркестана коканцы подняли зеленое знамя Пророка, что возвещало объявление священной войны, когда каждый правоверный обязан стать в ряды; бухарский эмир прекратил грабежи и наезды на Кокан; в Чимкенте Алимкул собирал грозные силы. Черняев поспешно выступил с 1300 человек из Аулие-ата, а Веревкин выслал из-под Туркестана 300 человек пехоты, 3 орудия и 20 казаков под начальством капитана Мейера. Этот маленький отряд шел очертя голову и чуть было не погиб, не выручи его Черняев. На урочище Ак-Булак, вдали от воды, он был окружен коканцами, занявшими соседние высоты. Утром 14 июля густые толпы конных и пеших врагов, спустившись вниз, сделали подряд несколько атак. Маленькое каре, по углам которого стояли орудия и ракетные станки, прикрытое сверх того мешками с провиантом, отстреливалось сначала ядрами и гранатами, потом, когда неприятель стал наседать уж очень дерзко, — картечью и ружейным огнем. Будучи не в силах сломить «сердитое» каре, коканцы рассыпались по соседним оврагам, откуда открыли пальбу. Тогда, по вызову Мейера, явились охотники и выгнали их штыками. Тем не менее огонь с дальних дистанций не умолкал ни на минуту: 3 орудия кидали с высот одну гранату за другой. У нас падали убитые, появились тяжелораненые. Наступила ночь. Солдаты за неимением лопат или мотыг рыли землю штыками, тесаками и за ночь кое-как успели окопаться. С рассветом коканцы снова открыли огонь, а к полудню скопились в густые толпы и двинулись в атаку с пальбой, с оглушительным криком. Каза-

лось, что скопище вот-вот раздавит маленькую кучку «белых рубах», точно вросших в землю. Нет, вышло иначе: каре, окутанное дымом, оглушенное ревом бушующих полчищ, огрызалось картечью и ружейными залпами... Около тысячи распростертых трупов убедили коканцев, что им его не сдвинуть. После недолгих переговоров коканцы согласились на уборку своих убитых, а в это время вдали послышалась канонада. То приближался отряд Черняева, извещенного об опасности. Он шел днем и ночью, чтобы спасти Мейера, и когда до его слуха стали доходить звуки выстрелов, он, чтобы подать о себе весть, приказал палить из пушек. Полсотни сибирских казаков и 75 конных стрелков с двумя орудиями понеслись было вперед, но коканцы не допустили их к отряду и, окружив со всех сторон, держали в осаде более пяти часов. На выручку своих полетел с киргизской милицией сам Черняев — и он не мог пробиться: конное скопище преградило ему дорогу. Тут выручил их всех оставшийся сзади подполковник Лерхе: он приказал свалить с телег всю кладь и подвез на них полуроту стрелков. Тогда только удалось соединиться с казаками, которые под начальством войскового старшины Катанаева все это время отбивались с вершины занятого ими холма. По соединении оба отряда, Мейера и Черняева, выдержали еще встречу с коканцами под стенами Чимкента, после чего разошлись к своим местам.

Через 2 месяца начальство над всеми войсками на Коканской линии было передано генералу Черняеву. С тех пор завоевание края пошло гораздо быстрее. Черняев выступил вторично под Чимкент, и на этот раз с более значительным отрядом, состоявшим из 10,5 роты пехоты, 18 орудий, 2,5 сотни казаков и тысячи киргизов. При всем том Черняев не решился штурмовать город, на стенах которого стояло 32 орудия, а число защитников простиралось до 10 тыс. В этом числе находилась так называемая Золотая рота, составленная из беглых. Один поляк уверил коканцев, что он знает, как вести оборону по всем правилам науки. Эта-то «наука» их и погубила. Когда наши насыпали батарею и открыли огонь, коканцы тоже

насыпали перед своими воротами один вал, потом другой, втащили пушки, стали отстреливаться и даже собирались на вылазку. Черняев хотел было уже переходить на другую сторону города, как получил известие от подполковника Лерхе, что на плечах коканцев можно ворваться в крепостные ворота. Тогда Черняев отрядил к его четырем ротам маленькую помощь, а сам пошел на цитадель, стоявшую сбоку, над обрывом реки. Цитадель оказалась неприступна, но наши заметили род длинного ящика, перекинутого через ров и входившего в сводчатое отверстие стены, к счастью, ничем не прикрытое: это был водопровод. Черняев первый пустился по нем бежать; один по одному, сильно пригнувшись, пробирались солдаты через отверстие в стене и, вдруг, как снег на голову, появились в цитадели. Гарнизон до того растерялся, что не сделал ни одного выстрела; многие бросались со скалы, причем разбивались насмерть. И колонна Лерхе имела удачу. При первом же «ура!» коканцы бросились к воротам, солдаты — за ними, и после короткой сечи часть гарнизона осталась на месте, другая разбежалась; сарты, побросав оружие, искали спасения на деревьях. Неприятель покинул в городе, кроме орудий, множество огнестрельного и холодного оружия, а также свои бунчуки, знамена, значки.

Путь на Ташкент был теперь открыт. Бодро и весело прошли наши войска около 100 верст по удобной, густо населенной дороге, среди садов и между зеленых полей. Вот и громадный стотысячный город, раскинувшийся в одну сторону на 6, в другую на 4 версты. Ташкент расположен точно в середине венка из садов, примыкавших к городским стенам еще на 6 верст в ширину. Посланный в город парламентар с предложением сдачи вернулся без ответа. Прежде чем на что-нибудь решиться, генерал произвел обычную в этих случаях рекогносцировку, т. е. подробный обзор крепости. В это-то время был выдвинут в сторону маленький отряд из 2 рот и 4 орудий, под начальством подполковника Обуха, с приказанием открыть огонь, чтобы тем занять неприятеля. Скоро им удалось пробить в стене

брешь, и, получив разрешение, Обух вместе с Лерхе бросились на штурм. Коканцы встретили их таким жестоким огнем, что пока солдаты добежали до стены, они потеряли всех своих начальников; Обух получил смертельную рану. Явился на помощь Черняев, но было уже поздно: он увидел печальные следы только что отбитого штурма — валялись убитые, умирали раненые, а оставшиеся в живых беспомощно столпились во рву. Около 80 человек заплатили жизнью за отвагу своих начальников; сам виновник искупил свою вину в предсмертных муках. Загремели 12 наших орудий, и под прикрытием этого огня удалось выручить остатки штурмовой колонны. Отряд отступил. Невесело возвращались солдаты Черняева в Чимкент, смолкли песни, веселый говор, каждый понимал, что коканцы возликуют.

Так оно и было. Слава русского оружия как будто померкла: коканцы возмечтали уже о возвращении всех русских завоеваний, а главное «Азрет-султана», т. е. города Туркестана с его святыней. Мулла Алимкул действовал быстро, решительно, но крайне осторожно, вернее хитро. Он распустил слух, что идет домой, а между тем собрал армию в 10 или 12 тыс., с артиллерией, обозом, боевыми запасами, и двинул ее, минуя Чимкент, прямо на Туркестан. Время стояло зимнее, глухое, никто не ожидал от коканцев такой прыти. Между тем комендант Туркестана, прослышав о появлении в степи каких-то бродячих шаек, выслал из города на разведку сотню уральских казаков под начальством есаула Серова. Не подозревая, какая грозит ей опасность, сотня вышла 4 декабря налегке с одним горным единорогом и небольшим запасом провианта. От встречающих киргизов Серов узнал, что сел. Икан, отстоящее в 20 верстах от города, уже занято неприятелем, но в каком именно числе — киргизы не знали. Стало темнеть, когда сотня подходила к Икану, правее которого горели огни. Посланный киргиз Ахмет вернулся с известием, что коканцев «так же много, как камыша в озере». Раздумывать было некогда, казаки заняли канавку, развьючили верблюдов и окружили себя завалами из мешков с провиантом, лошадей уложили в середину. Не успели они еще при-

ладиться, как ровная толпа коканцев, приблизившись «тихим молчанием», вдруг с визгом и криком бросилась в атаку. Уральцы дали залп из ружей, артиллеристы угостили картечью, что сразу охладило азиатский пыл. Однако, оправившись, они опять повторили удар — опять та же встреча: меткий губительный огонь, наваливший ряды трупов. Коканцы кидались еще раза 2 — 3, наконец расположились станом недалеко от казаков. Вскоре у них запылали костры. Положение казаков, заброшенных вглубь страны, лицом в лицу с неприятельской силой, казалось отчаянным. Но это были люди закаленные в невзгодах, встречавшие не раз киргизов и коканцев; были между ними и такие, которые пережили тяжелые дни севастопольской осады. Бодрость и надежда таких людей не покидают; к тому же офицеры знали свое дело и распоряжались отлично. Так началось трехдневное отсиживание. Неприятель палил всю ночь; с рассветом огонь усилился. Гранаты, ядра все чаще и чаще ложились в отряд, убивали лошадей, ранили людей. Казаки также не сидели без дела: они метили в артиллеристов, снимали с лошадей джигитов, подъезжавших ради удалства поближе, или же били начальников, отличавшихся нарядной одеждой и убранством коней. Многие вызывались кинуться в атаку, но Серов не позволил. Им и в голову не приходило, что перед ними не шайка бродячая, каких в Туркестане бывало иную пору много, а целая армия, снабженная всем необходимым для продолжительных действий. Коканцы тоже, видно, не сразу оценили силу казаков; знай они состав сотни, едва ли бы держали ее три дня в осаде. Как бы там ни было, а дело их не выгорело, потому что тайный умысел Алимкула сам собой разоблачался. Чтобы скорее покончить, он приказал плести хворостяные щиты, и пока подвозили хворост, пальба не смолкала ни на минуту. Уже 4 артиллериста полегли у своего единорога; их места заступили казаки. Около 2 часов пополудни уральцам послышались со стороны города орудийные выстрелы. Не было никакого сомнения, что то приближается вырочка. Здоровые встрепенулись, ободрились; раненые поднялись, стали прислушиваться. Пальба то стихала, то

снова возобновлялась. Вот-вот совсем близко — и вдруг сразу замолкла. Как ни напрягали слух уральцы — нет ни звука, точно хотели их только подразнить. А дело было так. По выстрелам от Икана в городе догадались, что казаки отбиваются, почему комендант выслал наутро небольшой отряд с приказанием, если неприятель окажется чересчур силен, то в бой отнюдь не вступать, а отойти назад. В таком большом городе, как Туркестан, всего-то находилось 2,5 роты, почему каждый защитник был на счету. Маленький отряд, не дойдя версты три до казаков, был окружен коканцами, угрожавшими отрезать его от города. Тогда он повернул назад, с трудом уже пробился к Туркестану, а в 6 часов вечера преследовавший его неприятель рассыпался в городских садах.

Алимкул сделал попытку склонить казаков на измену. Он прислал Серову такую записку: «Куда теперь уйдешь от меня? Отряд, высланный из Азрета, разбит и прогнан назад; из тысячи (!) твоих не останется ни одного, — сдайся и прими нашу веру: никого не обижу!» Доблестный командир сотни не отвечал; за него ответили казаки усиленной пальбой. Все думали, как один; розни не было. Наступила ночь. Два казака — Борисов и Черняев — да верный киргиз Ахмет вырядились в опасный путь. Получив от сотника записку, они сели на лошадей и среди добрых пожеланий товарищей скрылись во тьме. На них возлагалась последняя надежда; они должны были или умереть, или пробраться в Туркестан. Просидели в истоме удалыцы другую ночь; приближался праздник заступника русской земли — Николая Чудотворца. Не радостно встретили его казаки. Истомленные голодом и жаждой, измученные трудом и бдением, они глядели страшно, точно выходцы с того света; лишь воспаленные глаза дико блуждали, ни на чем не останавливаясь. Смерть для многих была бы отрадой, спасением — и она стерегла свои жертвы. В 7 часов утра закипел отчаянный бой. Неприятель палил жарко, наступал с трех сторон разом. Все лошади были перебиты; 37 человек лежали уже мертвыми; остальные отбивались в каком-то чаду. Отбив 4 атаки, одну за другой, уральцы под-

нялись, крикнули что было мочи «ура!» и пошли напролом. Отчаяние придало этим людям нечеловеческую силу. Коканцы, не встречавшие ничего подобного, расступились перед горстью людей, готовых умереть... Бодро и мужественно подвигалась кучка казаков по направлению к Туркестану, но хищные коканцы скоро сообразили, что их можно перестрелять, не подвергая себя ни малейшей опасности. Конные сажали на крупы лошадей пеших сарбазов и подвозили их на близкий выстрел. Если кто из уральцев падал, истекая кровью, то конные налетали, как ястребы, на свою жертву и спешили отрезать голову. Часто меткая пуля снимала такого хищника в минуту его торжества, когда он поднимал свою добычу. При виде такого поругания раненые казаки тащились из последних сил, скрепя зубами; других вели под руки. Сотнику Абрамичеву пуля попала в висок — он пошел под руку; другая ударила в бок — он продолжал переступать; наконец разом две пули прострелили ему ноги. «Рубите скорее голову, не могу идти!» — вскрикнул сотник отчаянным голосом, склонясь к земле. После едва узнали его истерзанный труп.

Зимний день кончался, начинало темнеть. Напрягая последние силы, уральцы все шли да шли. Уже совсем под городом они услышали ружейные выстрелы, понатужились, прибавили шаг и вскоре завидели бегущих навстречу солдат: то была вторая выручка, высланная как раз вовремя, чтобы принять на руки уцелевших бойцов. Их уложили на подводы и отвезли прямо в лазарет. «Иканская» сотня, как ее стали называть, потеряла половину своего состава; сверх того 36 человек было ранено. Этой сравнительно ничтожной потерей они заплатили за спасение края. Бог знает, чем бы кончилась затея Алимкула, не удержи его уральцы. Их подвиг остановил поход коканских полчищ; он прогремел на всю Среднюю Азию и восстановил славу русского оружия.

Государь император пожаловал всем участникам Иканского боя знаки отличия Военного ордена, а есаулу Серову — Георгия 4-й степени, кроме того, следующий чин. Многие из героев этой сотни здравствуют и поныне.

Занятие Ташкента

После веудачного набега под город Туркестан Алимкул выместил свою досаду на жителях Икана: он перегнал их в Ташкент за то, что они встречали русских радушно. Теперь Ташкент стал сборным пунктом коканцев. Однако торговое сословие этого города держало сторону русских и призывало Черняева, ручаясь ему за успех; муллы и вообще все духовенство тянуло к Бухаре; часть населения стояла за подчинение Кокану, а четвертая и наиболее многочисленная партия вовсе не желала чужеземной власти. Она-то и оказала самое сильное сопротивление.

79

В конце апреля следующего 1865 года перед садами, окружающими городские стены, вторично появился небольшой русский отряд, силой в 9,5 роты при 12 орудиях, под начальством самого Черняева. Хотя из Петербурга не было прямого приказа занять Ташкент, Черняев решился им овладеть на свой страх, будучи уверен в храбрости войск.

Черняев еще во время пребывания в Чимкенте получил сведения, что бухарский эмир затевает поднять все население Средней Азии, объявив «газават», или священную войну, и двинуть его во имя пророка против русских. Были даже слухи, как будто часть его полчищ уже выступила по направлению к Ташкенту. Таким образом начальнику отряда, заброшенного за 2 тыс. верст от Оренбурга, пришлось выбирать одно из двух: или оставаться в Чимкенте и спокойно выжидать, пока соберутся силы обоих ханств — Кокана и Бухары, или, идти вперед, занять Ташкент, предупредить своих врагов. Он так и сделал, спасая этим не только вверенный ему отряд, но и судьбу всего края; обе-

регая честь и достоинство России, потратившей немало денег и крови, чтобы стать твердой ногой на границе степей.

Азиатский завоеватель, вроде Тамерлана, глядя на эту кучку воинов, разбивших свой лагерь на высоком кургане Сары-тюбе, одетых в гимнастические рубахи, в красные кожаные штаны и шапки, прикрытые сзади белыми чехлами, — глядя, говорим, на них, невозмутимый суровый монгол, наверное, презрительно улыбнулся бы. Он никогда бы не поверил, что эта горсть «белых рубах» пришла брать Ташкент, эту твердыню, опоясанную крепкой стеной в 24 версты кругом, вдоль которой расставлено 63 орудия и которую стерегут 30 тыс. защитников; окружность садов простиралась на 70 верст. Действительно, для правильной осады Ташкента требовалась армия не менее 100 тыс.; но у Черняева расчет был иной. О старых солдатах, которые прошли киргизскую степь, мы говорили раньше. И молодые батальоны, например, Туркестанский стрелковый, глядели не хуже; по своему мужественному виду они напоминали боевые войска Кавказа. Все у них прилажено, приспособлено к далеким степным походам. На ремне через плечо у каждого висит бутылка для воды, обшитая войлоком или сукном. Перед боем туркестанцы надевают под правую руку башлык, куда кладут патроны. В мешке у них хранится запас чая, а вместо сахара фунта два изюма: он там дешевле, 2 или 3 копейки фунт, и не подмокнет. На привале или ночлеге чашка-другая чай придает сразу бодрость, подкрепляет силы, хорошо утоляет жажду. Железный котелок для приготовления чая висит особо, в холщовом чехле. Ходят туркестанские солдаты, как нигде; разве только ходили так зуавы в Африке, когда вели войну с арабами. Бывали случаи, что, не найдя воды у колодцев, отряд делал, не останавливаясь, еще один переход, т. е. проходил по 60, по 70 верст в сутки. Такие войска тем и грозны, что являются вдруг, точно из-под земли, там, где их вовсе не ждут. Ознакомившись с верблюдами, туркестанцы зачастую исполняли обязанности верблюдовожатых, причем обращались с этими кроткими и выносливыми животными совершенно так же, как настоящие лаучи.

На рассвете Николина дня Алимкул сделал вылазку. Кроме 15 тыс. конных и пеших ополчений, у него находилась «золотая» рота, составленная из русских беглецов и 12 вновь отлитых из медной посуды орудий по образцу нашего единорога, взятого под Иканом. Алимкул поставил эти орудия ночью за 400 сажень от русского лагеря и, как только рассвело, открыл пальбу разрывными снарядами. Одним из осколков оторвало верх кибитки Черняева, потом расщепило близстоявшее дерево; в палатку священника, только что собравшегося попить чайку, влетел другой осколок и разбил его стакан вдребезги. Отряд быстро выстроился. С фронта, прямо через рисовые поля, двинулись 4 роты с дивизионом артиллерии (4 орудия), а другая маленькая колонна ударила во фланг. Боканцы не выдержали, смешались, а когда узнали, что храбрый мулла сражен насмерть, и вовсе побежали, покинув 2 пушки. Неприятель скрылся в город. Но эта победа все-таки нам не открыла городских ворот.

В первых числах июня в Ташкент вступила тайно партия бухарцев, и предводитель ее Искандер-бек, родом афганец, принял на себя начальство над крепостью; жителям было объявлено, что скоро прибудет и главное войско. Черняеву не хотелось затевать войну с эмиром, да и отступить он не желал: могли подумать, что наши сробели. Оставалось одно средство: взять город штурмом; Черняев, желая знать на этот счет мнение своих подчиненных, собрал военный совет.

Абрамов советовал пробить в стене брешь и через готовое отверстие штурмовать город. Черняев не соглашался на брешь, потому что противник, не зная, откуда должен ожидать нападения, теперь разбросался по всей стене, отчего в каждом отдельном пункте он слаб, следовательно, его легко сбить; если же заранее наметить место для атаки, то он сосредоточит там и свою артиллерию, и свою пехоту. Тут кстати поручику Макарову удалось незамеченным пробраться садами к самой стене: он вымерял ров, высоту стен и доложил Черняеву, что штурмовать можно, и легче всего со стороны Камелакских ворот, только надо приготовить высокие лестницы. Стены оказались без малого 3,5 сажени. Ме-

сто, указанное Макаровым, было выгодно еще в том отношении, что здесь именно жили торговцы, расположенные к русским. Между тем Черняев, передвигая отряд с места на место, ознакомился с расположением города, что еще более вводило в заблуждение ташкентцев, не знакомых с первыми приемами осады. Приготовления к штурму шли своим чередом: там готовили лестницы, здесь обучали, как их нести, как ставить и карабкаться на стену. Лишь немногие переживали эти дни в тревоге и сомнении; большинство же верило в удачу, в счастливую звезду начальника.

Наступила роковая ночь с 14 на 15 июня 1865 года. В 2 часа утра штурмовая колонна Абрамова из 2,5 рот тихо подошла к садам; за версту сзади двигался майор де-ла-Кроа, еще за ним — подполковник Жемчужников. Колеса орудий были обмотаны войлоком. Солдаты сняли с верблюдов штурмовые лестницы и потащили их на руках, осторожно пробираясь между садами по обе стороны дороги; впереди двигались стрелки. Неприятельский караул, стоявший у самых ворот, даже не заметил, как колонна подкралась к стене. Начинало светать. Охотники с лестницами стояли в сотне шагов от ворот: это были самые удалые туркестанцы, готовые заплатить жизнью, лишь бы побывать на городской стене; опушку садов занимали стрелки, рассыпанные цепью. Священник Малов тихо обходил ряды солдат, благословляя их крестом на предстоящий подвиг. Гробовая тишина царила вокруг сонного города; казалось, он вымер перед кровавой развязкой. Первым попался часовой: заметив белые рубахи, он бросил ружье и скрылся за ограду. Тогда охотники догадались, что в стене должна быть лазейка. Они стали будить караульных штыками, и те, не пытаясь защищаться, бросились к лазейке, завешенной кошмой. Этого только и надо было. По их следам охотники, один за другим, проскочили через отверстие и поднялись на барбет (присыпка из земли для установки орудий), защищавший ворота: в один миг орудия были сброшены, полусонная прислуга переколота. Не прошло и минуты, как остальные охотники с ротмистром Вульффертом вска-

рабкались на стену по лестницам; с ними поднялись унтер-офицер Хмелев, юнкер Завадовский. Ворота с двумя башнями и пушками были взяты без потерь; когда раздались первые выстрелы защитников, было уже поздно. Наших все прибывало да прибывало; но минутный успех не затуманил голов: одни побежали к воротам, чтобы открыть вход Абрамову, стрелки заняли ближайшие саки, чтобы прикрыть его вступление. Неприятельский караул, силой около 500 человек, уже разбежался, распространяя всюду тревогу: «Урус на стенах! урус ворвался!» Ротмистр Вульферт с десятком солдат бросился вправо по стене, но на соседней насыпи, защищенной пушкой, уже встретил сопротивление; только после жаркой схватки орудие досталось в наши руки. Тут подошли резервы. Абрамов, собравши около 250 человек, двинулся с ними также вправо, но уже по улице, имея в виду открыть соседние ворота, чтобы впустить колонну Краевского. Скоро он наткнулся на 4 пушки; 200 сарбазов, прикрывшись турами, упорно палили, не жалея зарядов. С криком «ура!» наши овладели этими пушками и пошли дальше. Еще встретили три насыпи с пушками — и те взяли натиском, а прочие были покинуты раньше.

Не доходя до Коканских ворот, наши слышали за стеной шум людей и пальбу из пушек. Оказалось, что это колонна Краевского: его солдаты с криком «ура!» карабкались на стену. Товарищи им помогли, стали их поднимать при помощи ружей, лямок или что там попало под руку. Пока головная часть (шедшие впереди) собиралась на стене, за стеной разгорелся бой. Краевский узнал, что у него на правом фланге появилась неприятельская конница, удиравшая из города. Он схватил бывшие в его отряде 4 конные пушки, горсть казаков и поскакал с ними наперерез. Несколько выстрелов картечью заставили коканцев рассыпаться, после чего казаки — всего-то 39 человек — пустились им вдогонку. Из города показались новые толпы всадников. Их встретили также картечью. Масса ошалевших всадников, примерно тысяч в пять, скакала без оглядки, кидая по дороге свое оружие, седла, знамена. Она неслась на переправу

через речку Чирчик, где произошла страшная давка: люди топили друг друга, лошади топили людей. После того Краевский со своим отрядом беспрепятственно вошел в город.

Пока это происходило за стенами, Абрамов, присоединив к себе поднятых на стену солдат, продолжал двигаться дальше и таким образом обошел более половины города. Сделавши около 15 верст, он повернул к базару, в середину города. Улицы тут глухие, узенькие и такие путанные, что наши с трудом подвигались. Каждый шаг вперед давался с боем: то встречались заграждения из арб или срубленных деревьев, за которыми сидели стрелки, — надо было кидаться в штыки, а потом разбирать баррикады; то одиночные защитники подстерегали солдат в своих саклях, у калиток, на каждом изгибе кривой улицы. Отрядец двигался ощупью и разделившись на части. Вместе с прочими подвигался и отец Андрей Малов, имея на груди дароносицу, в руках крест. По одежде и вдохновенному виду неприятель принимал его за старшего начальника; уже не одна пуля, предназначенная в его седую голову, прожужжала мимо. Среди резни, бранных кликов и свиста пуль то там, то тут раздавался слабый голос: «Батюшка, прими последний вздох!..» Отец Андрей слезал с коня, наклонялся к раненому, читал молитву и, подкрепив страдальца теплыми словами веры и любви, снова садился на коня. Через несколько шагов опять зовут: «Батюшка, напутствуй: не доживу!..» И снова видели отца Андрея склонившимся к земле. В одном месте, где узкий переулок выходил на площадь, нахлынула толпа с криком, с угрожающими жестами. Сподвижники отца Андрея было попятились, стали отходить назад. «Стой, братцы! — крикнул он, подняв распятие. — Неужели этот крест отдаете на поругание?..» Солдаты бросились вперед, толпа рассеялась.

Наконец колонна Абрамова прошла через огромные крытые базары, с тысячами лавчонок, где в мирное время кипит бойкая торговля; отсюда она направилась к цитадели с ханскими дворцами. Цитадель оказалась уже занятой: в 7 часов утра сюда вступили де-ла-Кроа и Жемчужников. Однако цитадель не спасала от выстрелов из соседних са-

дов; кроме того, коканцы подожгли ханские службы, огонь угрожал пороховому складу. Все соседние сакли, лавки были заняты стрелками: всякий из наших, кто выходил за ворота цитадели, подвергался расстрелу. Выйти из нее оказалось труднее, чем войти. Отец Андрей первый подал пример; он крикнул: «За мной, братцы!» Солдаты бросились за ним, очистили штыками берег смежного арыка, а потом, заметив в конце улицы базарчик, побежали туда, чтобы перехватить чего-нибудь съестного; отец Андрей остался один. Вдруг, откуда ни возьмись, 4 сарбазы перепрыгнули арык и бросились прямо к нему. Шагов за 5 или за 6 передний сарбаз поднял ружье, прицелил — осечка. «Братцы, прощайте! — крикнул, сколько было силы, священник. — Возьмите крест!» Сарбаз щелкнул второй раз — опять осечка! Тогда он подбежал к отцу Андрею и ударил его прикладом по плечу. Тут, к счастью, явились на выручку и наши: почтенный пастырь был спасен, отделавшись сильным ушибом. Между тем коканцы, прозевав наши передние колонны, стали собираться в силах. Они скопились на двух ближайших улицах, ведущих к базару, с намерением задержать наш главный отряд. В толпе неприятеля забили барабаны, раздались крики: «Аллах! Аллах!» Шумной беспорядочной ватагой коканцы двинулись вперед. Черняев выслал против них ракетную команду и 50 стрелков с поручиком Макаровым: защитники разбежались, обе улицы были очищены.

Хотя к вечеру половина города очутилась в наших руках, однако положение маленьких, разбросанных отрядов, как бы затонувших среди стотысячного населения, становилось опасным, и тем более, что коканцы, судя по всему, намеревались продолжать сопротивление. Правда, в тот же день явилась к генералу депутация от торговцев с обещанием, что завтра придут все старшины и сдадут город, но из ближних саклей стрельба продолжалась; на всех улицах и окрестках снова появились заграждения; сообщение между отрядами прервалось. Наконец стало известно, что на базаре собралось 15 тыс. защитников, которые поклялись умереть. Одно время даже положение Черняева было

опасно, потому что он, разослав свои войска, оставался у ворот лишь с конвоем из 8 человек. Всем отрядным начальникам было послано приказание собраться к Камелакским воротам. Отсюда Черняев посылал в разные стороны небольшие команды, встречавшие самое ожесточенное сопротивление; каждую саблю приходилось брать штыками; были случаи, что 1 — 2 человека бросались с айбалтами (топор на длинной рукоятке) на целую роту и умирали на штыках. Артиллерийский сотник Иванов⁴ был выслан с 50 солдатами очистить улицу, которая вела к главному кошу (базару). Иванов взял первую баррикаду, причем овладел орудием. Не успели солдаты ее разобрать, как их осыпали картечью из второй баррикады: там за арыком стояло 2 пушки; ближние двухэтажные сабли обстреливали это место перекрестным огнем. «Ура!» — крикнул Иванов, бросился сам, за ним побежали солдаты — овладели и 2-й баррикадой. К сожалению, храбрый сотник получил контузию; его место заступил Макаров. Общими усилиями удалось вторично очистить все улицы. Выдвинули от ворот на целую версту внутрь города артиллерию и открыли огонь гранатами (граната — разрывной снаряд), отчего во многих местах начались пожары. Мало-помалу они слились в широкую дугообразную полосу огня, которая отделяла от неприятеля весь отряд Черняева, собранный к ночи у Камелакских ворот. Все были измучены до того, что с трудом передвигали ноги: предыдущую ночь никто не спал, целый день на ногах — в огне или рукопашном бою да еще под палящими лучами туркестанского солнца. Отряд расположился тесной кучкой впереди ворот; густая цепь стрелков с сильными резервами расположилась ближе к саблям небольшим полукружием. Под ее прикрытием солдаты похлебали горячей пищи и захрапели. Ночью неприятель пытался уничтожить наш отряд: то небольшими партиями он пытался проскользнуть сквозь цепь, то кидался толпой, но каждый раз попадал под пули наших стрелков.

⁴ Ныне генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа.

Прошла тревожная ночь, наступил рассвет. Соппротивление еще продолжалось, однако не с той уже силой; очевидно, ташкентцы потеряли веру в успех. При всей своей многочисленности они все-таки оказались слабы в каждом отдельном пункте, нападали ли, или защищались. Везде храбрость и искусство русских брали верх над численностью. В этот день Краевский еще раз прошел весь город, сбил встречные баррикады, взорвал цитадель и благополучно вернулся в отряд. Улицы были окончательно очищены. Перед закатом солнца явились посланные от аксакалов⁵ (старшин) объявить, что завтра непременно они явятся сами. Действительно, 17 июня рано утром аксакалы и почетные жители города, собравшись к Камелакским воротам, смиренно передали судьбу своего города во власть Черняева и подчинились всем его требованиям. Черняев приказал доставить всю артиллерию и ручное оружие. Город успокоился, население принялось за свои домашние дела. В наш лагерь было доставлено 63 орудия, около 2 тыс. пудов пороха, до 10 тыс. снарядов; кроме того, множество оружия. Потери же наши, сравнительно с таким громадным успехом, по числу были ничтожны: 25 убитых да 90 раненых — что возможно только в Азии.

Черняев, один, без конвоя, в сопровождении старшин, отправился через самые населенные части города в бани. Жители были поражены смелостью русского генерала: с изумлением они глядели, как тихо и спокойно едет победитель, еще вчера державший в страхе окрестности Ташкента; теперь он раскланивается направо и налево, мирно вступает в жилище старейшего муллы Хакима-ходжи, принимает от него угощение, ласково с ним беседует. Ничего подобного с тех пор, как стоит Ташкент, они не слышали и не видали. Возвратившись таким же порядком в лагерь, он отправил в столицу свое донесение, которое заканчивалось следующим образом: «С покорением Ташкента мы приобрели положение в Средней Азии, сообразное с достоинством империи и мощью русского народа».

⁵ Ак — белый, сакал — борода.

Прошло 25 лет, тревоги войны давно забыты, край успокоился, русская власть утвердилась прочно на всем обширном пространстве туркестанских владений. За это короткое время точно из-под земли вырос в Ташкенте новый, русский город — обширный, богатый, нарядный. В нем более тысячи домов европейской постройки, утопающих в зелени густых садов, большие магазины, гостиницы, казармы, для прогулок — общественные сады. С раннего утра туземцы-разносчики выкрикивают свои товары уже по-русски; в праздничные и царские дни раздается торжественный звук колоколов, призывающий православных людей в храмы Божии. Когда же спадет полуденный зной, щегольские коляски снуют по широким мощеным улицам, обсаженным рядами рослых тополей... В эти времена мира и тишины возвращался как-то в Ташкент из дальней поездки один из его почтенных обывателей, переживший осаду города, помнивший старые порядки. Ночь была тихая, звездная, но безлюдная — кругом бесконечная степь. У арыка Искандер-хан ташкентец догнал женщину-единоверку, с маленькими детьми. Она несла на голове корзину с хлопком. Очевидно, это была бедная вдова. Ташкентец придержал лошадь и спросил: «Куда ты, одинокая, идешь и как ты не боишься пускаться в путь ночью по такой пустынной местности?» Бедная женщина отвечала: «Я собрала днем немного хлопка; теперь спешу на базар, чтобы купить на эти деньги муки. Я знаю, меня никто не обидит, иначе не пошла бы в эту темень». Такой ответ успокоил ташкентца. «Хвала Аллаху! — подумал он про себя. — Дождались мы времен, когда даже бедная вдова идет одинешенька по безлюдной степи! И сам я еду в ночной тишине, не боясь разбойников. Прежде не только что женщине, но и вооруженному мусульманину, на добром коне, нельзя было отважиться ехать одному, да еще ночью». Подумав это, ташкентец слез с лошади и вознес ко Всевышнему усердную молитву за государя императора, под покровом которого мусульмане наслаждаются полной безопасностью.

Так рассказывал об этом событии сам ташкентец.

Если четырехугольный стол обставить кругом двумя рядами стульев с высокими спинками, то получится нечто похожее на «крышу мира», Памир, что возвышается на границе наших владений с Китаем и Афганистаном. Это приподнятый кусок материка, который со всех четырех сторон окружен снежными кряжами высочайших гор — страна ледников, водопадов, каменистых гор, изрытых трещинами. В ее глубоких долинах шумят и брызжут реки Мургаб, Гунт и Ияндж, питающие Амударью. Тут, на Мургабе, как грозный страж нашей границы, расположен памирский пост, примерно на высоте версты. Укрепление возникло недавно, когда с одной стороны стали надвигаться на бывшие коканские владения китайцы, а с другой стороны афганцы. Стены его сложены из дерна и мешков, наполненных песком: они окружают просторный двор, где стоят офицерские флигеля, землянки с бревенчатыми крышами, лазарет, баня, мастерские. Запасы продовольствия хранятся в войлочных кибитках. Южная стена укрепления идет по краю высокой террасы, с вершины которой открывается равнина Мургаба. В угловой башне гордо развевается русский флаг. Лес и вообще необходимый для постройки материал доставляли на лошадиных вьюках из Ферганы. В ожидании его 2-я рота Туркестанского батальона ютилась в киргизских кибитках; их часто опрокидывали свирепые бураны, обдававшие будущих строителей песком и снежной пылью. Это еще было ранней осенью; большую же часть года памирцы проводят так же, как бы проводили в полярных странах. Кругом тишь, безлюдье; население русского Памира

редкое, потому что в стране таких холодов и ветров подножных кормов мало и очень они скудны. Привольно живет лишь горным орлам да еще обитателям скал, архарам (горные бараны), хотя и они зачастую подвергаются опасности: степные голодные волки ждут где-нибудь под скалой, пока у архара онемеют ноги и свалится он им прямо в раскрытые пасти. Охота за архаром — опасная в этих тущо-бах, но вместе с тем и завлекательная — доставляет отрезанным от мира памирцам некоторое развлечение; раз в неделю они получают вести из России: одинокий всадник доставляет почту из соседней Ферганы, за 300 верст от поста. Ежегодно являются сюда кашгарские купцы с товаром, выменивают их у соседних киргизов на овец, которых гонят потом в Фергану, где и сбывают их с барышом.

Русское укрепление расположено почти что на середине памирской выси; на западной же ее стороне раскинулось ледяное поле, примерно верст на 60 или 70 сверху вниз. Покрытое камнями, ледяными шпильями, оно из года в год сползает понемногу в долину, как и все горные ледники. Из-под него также струятся ручейки, скопляются вместе и дают начало реке Зарявшану — «златоносной» реке, одной из важнейших в Туркестанском крае. Зарявшан протекает долиной между двумя горными хребтами — то узкой, как трещина, то местами широкой, покрытой арыками для орошения полей. Есть арыки по 70 верст длиной: это целые речки.

Не доходя 8 верст до Самарканда, Зарявшан делится на два рукава, которые сливаются недалеко от города Бухары. Вся долина Зарявшана, благодаря обильному орошению и наносной почве, славится своим плодородием. Если глядеть на нее с некоторой высоты, то перед глазами вьется красивая зеленая лента, испещренная, как кружево, сетью арыков и усеянная кунями деревьев, кишлаками, цветущими городами.

Остров между двумя рукавами Зарявшана составляет самую богатую и населенную часть долины. Здесь нет клочка земли, который пропадал бы даром. Поля покрыты хлопчатником, рисом, пшеницей, ячменем, просом, люцерной,

дынями, арбузами; по межам они обсажены деревьями. Там на вольном воздухе произрастают миндаль, персики и абрикосы; между деревьями вьется сочный, сладкий виноград. В садах, обнесенных глиняными стенами, обыкновенно растет посередине густой и темный карагач, скрывающий своими раскидистыми ветвями бассейн с водой — самое прохладное и тенистое место.

Вначале многоводный и быстрый, Зарявшан, дальше постепенно становится мельче и мельче, вследствие отвода вод в арыки. За городом Бухарой он теряется в песках, не доходя сотни верст до Амударьи. Лет 30 тому назад здесь стояли еще цветущие поселения, но губительный песок пожрал их понемногу, и теперь в этой пустыне торчат лишь засохшие стволы высоких деревьев да лежат развалины построек. 16 тыс. семейств покинули тогда свои зарытые в сугробах песка дома, чтобы искать счастья на чужбине. Жгучий ветер «теббад» устрашает даже верблюдов, этих прирожденных животных пустыни: с жалобным ревом они опускаются на землю и прячут головы в песок; за ними приседают, скорчившись, люди. Эта мертвая пустыня служит с востока защитой для владений бухарского эмира и его столицы Бухары.

Там, в этих далеких окраинах, рядом оазис и пустыня, жизнь и смерть. Но трудом человека и пустыня может быть обращена в оазис. Лет 30 тому назад некий таджик Мулла-Керим задумал восстановить орошение безводной степи Соврак-Софиан, возле города Пенджикента. На поверхности ее видны были следы колодцев, засыпанных землей, и для того, чтобы их снова открыть, а потом соединить между собой галереями, требовалось много труда и еще больше денег. Мулла-Керим не унывал. Он то советовался со своими односельчанами, то ездил в степь, вымеривал, высчитывал, опять советовался. Бывший тогда начальником Зарявшанского округа генерал-майор Абрамов, тот самый, который водил на штурм Ташкента головные колонны, не только разрешил провести воду из реки Маргиан, но пожертвовал на это дело тысячу рублей. Ранней весной жи-

тели Пенджекента и всех окрестных кишлаков принялись за работу. Разделившись по 10 человек на каждый колодец, рабочие сначала углублялись в землю по расчету, сколько было нужно, потом отрывали между колодцами старые галереи и от времени до времени пропускали по этим галереям воду. Целый год — лето и зиму — продолжалась работа без всякого надзора со стороны властей, и к весне 1872 года было отрыто 80 колодцев, до 20 сажень глубиной, и готова подземная галерея — арык в 3 версты длиной да без малого в сажень высотой. Пустыня, заброшенная в течение трехсот лет, снова расцвела прежней жизнью, покрылась богатой пашней, дающей ежегодного дохода 15 тыс. рублей. В долине Зарявшана есть арыки, проходящие в туннелях скалистых гор, откуда вода стекает вниз по деревянным желобам и проводится дальше, в поля, скрытыми галереями. И все это дело трудолюбивых рук.

Главными работниками в стране являются таджики. Они занимаются решительно всем — садоводством, хлебопашеством, огородничеством, скотоводством; они же торгоши, ремесленники, поденщики. Узбеки во всем им уступают. Пашни таджиков лучше обработаны, сады дают более нежные фрукты; их ремесленные изделия самой тонкой работы. Кто бы ни был зажиточный таджик — купец ли, мулла или старшина — он непременно владеет куском земли, если не занимается сам, то отдает ее в аренду своему же брату — таджику, но не узбеку. Таджики держатся особняком, своими купами. У них отдельные мечети, свои муллы, аксакалы. Полей они между собой не делят и скот пасут вместе. Самое любимое занятие таджика — это торговля. Торгуют все — старики, молодые, мальчишки, женщины, духовные. В самом маленьком городке имеется множество лавчонок и торгашей. Последние не имеют обыкновения запрашивать втридорога, а довольствуются малым процентом, лишь бы поскорее обернуть свой капитал. Если приезжий боится, чтобы его не обманули в лавке, он покупает не сам, а через соседа-купца. Этот последний возьмет себе за труд небольшой процент, но всегда

скажет настоящую цену: он ваше доверенное лицо, «уакиль», и постыдится солгать. Таджик легко меняет предмет своей торговли: сегодня он, например, сидит за красным товаром, завтра торгует железом, — на что больше спрос, за то он и берется. Дети богатых купцов или же мулл почти всегда продолжают занятия своих отцов. Дети мелких торговцев, ремесленников или земледельцев при первом удобном случае стараются выйти в люди, т. е. сделаться муллой или мурзой. Узбеки смотрят на таджиков свысока, обзывают их сартами; но таджики не обращают на это внимание. «Узбеки, — говорят они, — без нас не могут жить, а потому мы их держим в руках. Они неучи, даже сами не могут думать за себя. Мы им даем одежду, учим, что и с чем лучше съесть, как прилично одеваться, учим их в школах, даем им судей, мулл, святых, учим их мастерствам и снабжаем всяким товаром». Узбеки же предпочитают военную службу, как более выгодную, особенно в прежнее время, в пору силы и славы бухарского эмира.

Местопребывание эмира, город Бухара, «шериф», или благородная, как ее величали на монетах, отличается от прочих городов долины тем, что имеет много двухэтажных саклей; зато эти сакли стоят еще теснее, улицы такие же кривые, узенькие, как и везде. Вместо садов, украшающих прочие города, здесь обилие кладбищ: жилища мертвых и живых перемешаны. Живые теснятся в низких грязных конурках, слепленных из глины; мертвые покоятся в могилах, сложенных из обожженного кирпича. Бухара издавна славится своими базарами, своей торговлей; ее купцы объезжают самые дальние рынки Азии и России. Для склада товаров выстроены щегольские караван-сарай, в которых, как например, в русском, может вмещаться по 2 тыс. и более верблюдов. Русские товары с давних пор нашли здесь выгодный сбыт. Зайдите в «Даван-беги» — так называется один из лучших городских прудов, обсаженный деревьями, в тени которых расположены чайные лавчонки: тут вечно кипят русские самовары, на полочках расставлены наши чайники, чашки; висят на гвоздиках те же

расписные подносы. Если завернете в дом к бухарцу — встретите, кроме посуды, яркие сундуки, окованные железом, со звонкими замками, небольшие головки сахара, приготовляемые собственно для подарков; на дверях увидите наши замки, петли и т. п. Сам бухарец одет в халат из русского ситца, обут в сапоги из русской кожи; пашет он землю русским железом; бухарский солдат вооружен тульским ружьем и пистолетом. Сама Бухара фабрикует прекрасные бумажные полосатые материи (аладжи), кожаный товар с тисненными узорами и шелковые платки, ткань которых «похожа на паутину». Кроме торговли Бухара гордится своими школами, своей ученостью. Сюда являются ученики не только из Персии, Индии, Афганистана, но даже из поволжских губерний. Изучив священные книги пророка и его последователей, ученики повязывают себе головы тюрбанами и, возвратившись восвояси, становятся муллами, учеными. Бухара считается самым правоверным городом во всем мусульманском мире; нигде, говорят, так не крепки обряды, нигде муллы и монахи (ишаны) не пользуются таким почетом и властью. Бухара — учитель. Еще до восхода солнца улицы покрываются неумытыми, сонными людьми, бегущими в мечети, чем, собственно, и начинается день в столице эмира. Эта беготня поднимает на ноги всех собак, исхудалых и вечно голодных. Вместе с собаками просыпаются прокаженные, которым живется не лучше собак; несчастные прозябают где-нибудь в закоулках или жалких палатках; никто о них не заботится, и чтобы не умереть с голода, они должны просить милостыни. По мере того как солнце поднимается, улицы Бухары все более и более оживляются. Народ толпами возвращается из мечетей; со всех ворот проникают в узкие кривые улицы кучки ослов, навьюченных дровами, хлебом, травой, большими горшками с творогом или молоком. Громкие понуканья погонщиков, крики продавцов и покупателей сливаются со страшным ревом ослов. В этой толчее так и кажется, что все полетит на землю: дрова обольются молоком, трава перемешается с творогом, хлеб с углями —

нет, все обходится благополучно, хотя иногда доходит до драки. После молитвы бухарец непременно должен выпить чашку чаю. Они пьют кирпичный чай, с молоком или же бараньим жиром, причем накрошат в чашку столько хлеба, что получается месиво. Бухарец и днем не может равнодушно пройти мимо чайной, чтобы не присесть хоть на часок. Нужно сказать, что у каждого бухарца висит на поясе кошбаг, кусок кожи, разрезанный на полоски, к которым привязывается пара ножей, зубная щеточка, сумочка для денег, мешочек с чаем, разная мелочь. По цене этих вещичек судят о достатках и образованности их хозяина. Так вот, входя в чайную, бухарец передает щепотку своего чая, так что платит только за теплую воду. Днем чай пьется жидкий, без сахара, с двумя-тремя лепешками. Дуть на чай считается неприличным, даже грехом, почему надо плескать горячий чай в чашке, пока он не остынет, и делать это надо умеючи, иначе назовут невеждой. После чая всем посетителям подаются в виде лакомства вываренные листочки: каждый берет столько, сколько может захватить двумя пальцами.

Вот засновали по улицам носильщики с товарами. Это значит, открывается базар. Товары ежедневно по вечерам убираются, а поутру снова выносятся. Медленно и важно проходят вереницы навьюченных верблюдов. Смотри по лаучам, можно узнать, откуда и какой товар прибыл: из Индии и Афганистана приходит чай, красивые вещества, москательный товар, глиняная посуда, книги, дорогая ткань «кабули»; из Персии — книги, оружие; из Мерва также оружие; из Герата — нежные фрукты, шерсть... Прежде чем товар успеют распаковать, уже начинается торг: афганцы, персияне, таджики — купят ли не купят, — но накричатся вдоволь, чуть не до драки. Пока базар в полном разгаре, ученики высших школ сидят в медресе, а мальчишки за букварями. Эти маленькие школки помещаются посередине базара, окруженные десятком кузниц, где с утра до ночи медники колотят здоровенными молотами. Учитель и детишки, надрываясь от крика, сидят красные

как раки; только по раскрытым их ртам да по набрякшим жилам можно догадаться, что они учатся.

Около полудня как базар, так и улицы немного стихают: это час омовения и молитвы, после того город оживает уже не надолго: бухарцы шабашуют рано; только евреи и индусы работают до темноты. Евреи занимаются преимущественно окраской шелка. За 2 или за 3 часа до захождения солнца зажиточные бухарцы отправляются в монастыри (ханки) послушать проповедь; многие из них умиляются душеспасительной беседой, вздыхают, пыхтят, — того требует приличие, — но несколько не становятся лучше: все лицемерят, и это никому не ставится в вину.

Не успеют последние лучи солнца скрыться на западе песчаной пустыни, как столица начинает отдыхать. Усядутся облака удушливой пыли, легче дышать; улицы, где близко водоемы или канавы, поливают водой, отчего становится прохладнее. После вечернего намаза бухарцы садятся за пилав и, насытившись вдоволь, немедленно ложатся спать. Через два часа после захождения солнца на улицах остаются только «миршебы» (полицейские), на обязанности которых ловить воров, вообще хватать всякого, кто осмелится переступить через порог после того, как барабан пробил зорю. Таков приказ самого эмира.

Из удовольствий самое большое для бухарцев — поездки за город, на могилы святых, или поездки в Чихарбаг-Абдулахан, где под тенью высоких деревьев, на берегу канала собираются по пятницам с неизбежным в таких случаях чайным котелком ученики многочисленных медресе. Это место славится еще тем, что здесь можно видеть бой баранов, до которого бухарцы большие охотники. Когда баранов выпускают на площадку, бухарцы бьются об заклад, какой именно баран больше выдержит ударов. Бывают случаи, что баран убегает с арены — его провожают хохотом; если один из бойцов падает с раскрытым черепом — тоже довольны, никому не жаль бедное животное.

Мусульманская вера, некогда горячая в Бухаре, обратилась теперь в ханжество, лицемерие; под личиной набож-

ности скрываются притворство и обман. Все предписания мулл исполняются в точности; бухарцы всегда носят на себе завернутый в чалму погребальный саван, но чалма все-таки повязывается так, как того требует мода; они аккуратно читают молитвы, преклоняют колени, ходят на богомолье, но в то же время продают вероломно друзей, искусились в доносах, страшно скупы и себялюбивы; кроме того, преданы многим порокам. Народ там обременен налогами, забит; приученный веками выносить тяжелое иго властей, он мало чем отличается от рабов. При теперешнем амире Музафаре бухарцам жилось особенно худо, потому что он с молодых лет отличался жестокостью и жадностью.

Еще до первых встреч с русскими войсками Музафар задумал восстановить царство Тамерлана во всем его блеске. Не имея на то ни силы, ни талантов «владыки царей», он прибегал к насилию, коварству. Рассказывают, что Музафар видел однажды во сне восстановление царств Казанского, Астраханского, Крымского и что все эти улусы принадлежат ему. Он уверовал в свой сон и начал кровожадные войны с ближайшими соседями. Оставшись победителем, Музафар стал еще более надменен; он думал, что если русский генерал обращается к нему приветливо, делает ему в чем-нибудь уступку, значит, он его боится, трепещет его грозных полчищ. Надменный победитель афганцев и туркмен написал Черняеву письмо следующего содержания: «Я здоров. Требую, чтобы ты отступил, иначе объявляю священную войну». Генерал Черняев ему отвечал: «Я тоже здоров и с помощью Божией буду скоро в твоей столице».

Когда Черняев наступал к Джизаку, Музафар приказал коканскому хану двинуть 10-тысячное войско, чтобы отвлечь русских. Худояр-хан, страшась последствий, в поход не пошел, а отписал, что ему такого войска не собрать. Получив это донесение, Музафар велел закопать несчастного гонца по горло в песок. Между тем полчища эмира вовсе не были так страшны, как он о них думал: число пехоты не превышало 12 батальонов, а в начале войны и того меньше. Здесь служили пленные персияне, беглецы из русских и туземцы.

Новобранцу выдается ружье с патронными сумками, куртка, штаны из бараньей кожи, 4 рубля на сапоги и черная мерлушка на шапку. Это годовое содержание сарбаза-пехотинца. Он обязан служить до смерти, разве забежит куда-нибудь далеко. На его место всегда найдется охотник. О военном искусстве бухарские военачальники не имеют ни малейшего понятия. Учителями военного дела являлись разные проходимцы или же пленные русские солдаты, которых принуждали к тому силой. Кто из учителей больше отсчитывал бедному сарбазу палок, тот считался мастером своего дела. Одно время командовал всей бухарской пехотой персидский выходец мурза Шахруз. За первую же неудачу при встрече с русскими Шахруз заплатил головой. Его место занял беглый сибирский казак Осман, который уверил эмира, что обучение надо начать сызнова, по русскому уставу. Он взвалил все обучение на пленных и беглецов из магометан. Каждый из них учил на свой лад. Так, один наш артиллерист только и командовал: «Жай!» — больше он ничего не знал, прослуживши весь свой век при пушке. Такие-то учителя заменяли и ротных командиров, потому что свои оказывались еще хуже. В случае недостатка в учителях эмир приказывал вербовать купцов, бывавших по торговым делам в России, предполагая, что они должны же быть знакомы и с нашими военными уставами. Пошла мода на все русское: командные слова произносили по-русски, старались достать русские мундиры, особенно дорожа медными пуговицами. В одном сражении бухарцы были свидетелями, как русские солдаты, перейдя глубокий арык, прежде чем броситься в атаку, ложились на спину и болтали ногами, что делалось по весьма простой причине: надо было вылить воду, попавшую за голенища. С того времени в бухарской пехоте был введен особый сигнал, по которому бежавшие по плацу солдаты сразу останавливались, бросались на землю и болтали ногами. Они были уверены, что «урус», именно благодаря этому приему, и одержал победу.

О военной доблести бухарцев не может быть и речи: у них нет никакой охоты к военному делу. Сарбазы, живя

за городом, имеют там свои дома, хозяйства; в досужее время промышляют на заработках, иначе им не прокормиться. С раннего утра плетутся сарбазы на плац, сидя на ослах и держа под мышкой форменную одежду. Они надевают ее только тогда, когда нужно становиться во фронт. Собрались, построились в две шеренги. Первая шеренга с ружьями, старыми да ржавыми, вторая шеренга — с пистолетами, пиками или батиками. Батик — длинная палка с железным зубчатым шаром. Кроме того, обе шеренги вооружены саблями или шашками. Это прежнее оружие; теперешнее более однообразное. Начинается учение — шум, гам. Наконец проходит урочное время, два часа. Если топчи-баши (главнокомандующий) вздумает оставить на лишние полчаса, чтобы пострелять холостыми патронами, сарбазы недовольны: они ворчат. Зато как торопливо они возвращаются домой, как усердно понукают своих ослов!

Особенно не любят сарбазы походов. В мирное время они ежегодно уходят в Шахрисябзь, куда переселяется на все лето эмир. Вот назначен день: выступают батальоны нехотя, с проклятиями; больше всех достается, конечно, эмиру. Идут без всякого порядка, врассыпную; кто устал, тот садится на осла, потому что без этого животного ни один сарбаз не выступает в поход. Доволен и ликует лишь один маркитант: он знает, что каждый сарбаз во время лагерей съест у него в день по крайней мере три лепешки, чашку гороха и запьет все это чаем; многие покупают арбузы, дыни, виноград, а уж все непременно — табак для жвачки. Маркитант так и ставит свои шалаши-лавчонки о бок с лагерем. Последний скорее можно назвать цыганским табором, чем военным станом, потому что палатки расставляются не рядами, а как попало, больше кучками, между которыми свободно располагаются верблюды, ослы, арбы и т. п. Только и можно признать лагерь по разбросанным турецким барабанам да ружьям, подвешенным на колышках у каждой палатки. Вечером и утром трубач играет зарю, почти такую же, как и наша. Ежедневные занятия те же, что и на плацу в Бухаре. Лагерная жизнь под конец

становится тяжелой. С наступлением холодов в горах сар-базам негде и нечем обогреться: от казны отпускается одна кошма на человека да десяток угольков. Как только объявят выступление, солдаты забывают все на свете; они покидают лагерь и возвращаются в столицу длинной вереницей, кто пешком, кто на осле. Иные уходят верст по 60 — 70 в сутки!

Артиллеристы все из персиян; народ рослый, здоровый, одеты в длинные зеленые кафтаны, подпоясанные кожаной портупеей, на которой висит шашка. В начале войны бухарская артиллерия состояла из 80 полевых орудий; несколько позже число их удвоилось.

Служба в коннице считается более почетной. Сюда поступают преимущественно узбеки. Так называемые «галябатыри» принимаются на службу с собственным конем и вооружением — шашкой и пикой; одеваются, как и дома, в халаты, кожаные штаны, узбекские сапоги с острыми каблуками, на голове чалма или баранья шапка. Глядя на такого чалмоносца, не верится, что он «царский галябатырь-вояка», как он себя величает. «Хасабардары», также обязанные иметь свою шашку или батик, получают от казны чугунный фальконет весом в 50 ф. — на двух человек один. Из такой махины полагается стрелять на 300 сажень, разумеется с подставки. Тех и других всадников насчитывалось в ту пору до 30 сотен. Во время войны собирались ополчения, также преимущественно конные; один выезжал опоясанный саблей, другой шашкой, иные с пистолетом, — смотря по вкусу и достаткам. Этих набирается до ста тысяч.

С таким-то новым неприятелем пришлось иметь дело нашим войскам, и мощный русский дух взял верх над его многочисленными и нестройными толпами. В стране рабства и шпионства, там, где каждый дрожал за свою голову, не могут иметь места сплоченность и доверие, — в чем главная сила русского войска. Сам эмир не доверял своей особы этим войскам. Его гвардия, «кул-батчи», что значит «дети невольников», набиралась куплей детей на невольничьих рынках или от хозяев бухарцев. Все они природные персияне. Равно все высшие должности по управлению и командованию войсками заняты персиянами: своим нет веры.

Война с бухарцами

Июня 15-го 1865 года генерал Черняев взял город Ташкент, а после того эмир бухарский написал Черняеву письмо, в котором требовал, чтобы русские покинули этот город, так как он вместе с Коканом составляет часть его владений. Получивши отказ, эмир напал на владения коканцев и посадил здесь ханом своего тестя Худояра; затем, следуя правилам азиатской политики, он не прямо объявил нам войну, а в ожидании, пока соберется с силами, разрешил своим подданным разбойничать и грабить за чертой своих владений. Он даже притворился, что желает войти с нами в мирное соглашение, и вырядил посольства: одно в Петербург, другое в Ташкент; вскоре приехал сюда и третий посол с просьбой, чтобы и наши офицеры были отправлены для переговоров в Бухару.

Черняев не отказал в этой чести: он отправил чиновника Струве и нескольких офицеров. Встретили их там с почетом, но уже в конце ноября стало известно, что не только все русские подданные с их товарами, но даже и самое посольство задержаны. Три раза уверял владетель Бухары, что послы отпущены, что они уже выехали, — и все три раза лгал. А с наступлением весны в наших владениях открыто появились шайки бухарцев: они грабили киргизов, перехватывали почту, уничтожали на Сырдарье запасы топлива и стреляли с берега в наши пароходы. Это продолжалось до мая, когда были получены сведения, что эмир собрал значительные силы, как конные, так и пешие, с пушками, и что часть их уже переправилась через Сырдарью, следовательно, в тыл нашему отряду, стоявшему тогда в

Чиназе. Против 40-тысячной армии бухарцев мы могли выставить не более 4 тыс., остальные 11 тыс. были разбросаны по линии, занимая гарнизонами большие города и крепости; к тому же доблестный вождь туркестанских войск, Черняев, в ту пору был уже отозван: его сменил генерал Романовский. Тем не менее наступление являлось необходимостью. Чиназский отряд, в составе 14 рот пехоты, 5 сотен казаков, 20 орудий и 8 ракетных станков, выступил в степь к урочищу Ирджару, на пароходе везли на 10 дней продовольствие. Другим берегом двигался параллельно главному отряду небольшой отряд Краевского.

Был май 1866 года. Жара стояла страшная, туркестанское солнце прожигало насквозь; но отрядец шел бодро и сделал первый переход в 30 верст, до колодцев Мурза-рабат. До Ирджара оставалось не более 20 верст, когда на расвете начали показываться конные партии. Казаки их сбили, отряд поднялся с ночлега; в 12 часов уже была выдвинута артиллерия, не прекращавшая огня до конца боя. После небольшого привала впереди всех двинулся капитан Абрамов с 6 ротами и 8 пушками; правее его подполковник Пистелькорс с казаками, ракетными станками и 6 орудиями; сзади, в резерве, 3 стрелковые роты с 4 орудиями под начальством майора Пищемуки; наконец обоз, под особым прикрытием. Тотчас же небольшой русский отряд был окружен толпами конных бухарцев и киргизов. Особенно сильно они наседали на наш обоз, где подполковник Фовицкий должен был в одно время и отбиваться, и продолжать движение, чтобы не отставать от прочих. За 1,5 версты от неприятельской позиции войска были встречены сильным пушечным огнем из окопов. Под свист ядер и дикие победные крики наши колонны, точно лады, пробili себе путь через kloкочущие волны бухарской конницы, пестревшей значками и разноцветными халатами. Это были не сотни или тысячи, а десятки тысяч всадников, бешено повторявших атаку за атакой. Прошло около часа, пока исход боя ясно обозначился: неприятельская конница перестала давить, и наши колонны перешли в наступле-

ние. Колонна Абрамова стройно, точно на учении, двинулась на завалы, а через полчаса они уже были в наших руках. Пистолькорс смело проскакал между завалами, занял впереди позицию. Быстро переходил с позиции на позицию этот храбрый офицер, пока наконец не увидел, как вся грузная неприятельская армия обратилась в бегство. Огромный лагерь был покинут со всем имуществом. Тут в котлах варилась еще пища, дымились кальяны, пытели самовары. На другой день — это был праздник Николая Чудотворца — наши добрались и до другого лагеря, где помещалась ставка эмира. Здесь нашли множество ковров, диванов, ханскую кухню и между прочим донесение самаркандского бека с передовой позиции, что русские уже окружены и скоро будут все в плену... Особенно много досталось тогда бухарских палаток. Солдаты рвали их на части и шили себе новые рубахи или же чинили ими старые. После Ирджарского дела часто случалось встречать половину синей рубахи, половину красной или же зеленой с какими-нибудь драконами, не то птицами или причудливыми цветами. Так и щеголяли в них весь поход.

Кроме 10 пушек, т. е. половины всей артиллерии, подорванных по пути бегства, бухарцы покинули большие запасы пороха, патронов и снарядов.

Романовский не пошел вслед за эмиром, к Самарканду, а двинулся вверх по Сырдарье. 17 мая наш отряд приблизился к Ходженту.

Ходжент очень древний город; по преданию, он построен дочерью Адама, славился своей неприступностью, гордился тем, что не признавал власти ни Кокана, ни Бухары и никогда не был в руках неприятеля. Жители Ходжента сохранили воспоминание об одном из своих военачальников, по имени Тимур-Мелик. История его любопытна. Это было давно, тогда еще, когда нахлынули сюда полчища монголов под предводительством могущественного Чингисхана. Берега Сейхуна, нынешней Сырдарьи, также усеянные в ту пору цветущими городами, огласились воплями несчастных жертв, поголовно избиваемых свирепыми

кочевниками. Бухара пылала в огне; несчастный царь хоразмийский, о котором было уже упомянуто, бросался то в ту, то в другую сторону своих обширных владений. В это время отряд из 5 тыс. конницы Чингиса приблизился к Ходженту. Тимур-Мелик, желая, вероятно, спасти свой город от погрома, удалился с тысячью отборных воинов на соседний остров, где был построен крепкий замок. Туда не могли долетать с берега ни камни, ни стрелы. Монголы не останавливались ни перед какими препятствиями: они решились устроить плотину, чтобы соединить остров с берегом, для чего согнали до 50 тыс. пленников, и работа закипела. Пленные, разделенные на десятки и сотни, под надзором монгольских офицеров, таскали день и ночь камни из ближайших гор, запружая ими реку. Но мужественный Тимур-Мелик устроил 12 судов, покрытых сверху войлоками и обмазанных толстым слоем глины; он подъезжал на этих плотах к берегу, разгонял неприятеля и разрушал его работы. Враги боролись за каждый камень, за каждую пядь земли. Когда монголы усилили свой отряд до 20 тыс. и нагнали новые толпы пленных, Тимур-Мелик ясно увидел, что дальнейшая защита становится бесполезной. Он задумал спуститься рекой в Аральское море и через устье Джейхуна, вынешняя Амударья, выйти к городу Ургенчу. На 70 гребных судах отплыли уцелевшие защитники Ходжента, но вскоре они узнали, что дальнейший путь им прегражден: Джучи, старший сын Чингиса, громивший берег Сейхуна, приказал построить мост у города Джэнда и укрепить его машинами, метавшими камни. Тогда отважный Тимур-Мелик пристал к берегу и пробился к городу Ургенчу сухим путем; там он присоединился к сыну своего государя — Джелал-уд-дину, защищавшему со славой империю отца: вместе с ним Тимур-Мелик прославил свое имя в героической неравной борьбе с монголами.

В Ходженте, как и везде в Средней Азии, туземцы при основании города селились вдали от главной реки. Им нужно иметь под рукой оросительные каналы для орошения полей и садов, и потому гораздо легче справляться с такой

маленькой речонкой, как Ходжа-Бакарчан, чем с грозным потоком Сырдарьи. Летом в этом городе нестерпимая удушливая жара: степные ветры нагоняют облака пыли; белые скалы горы Могол-тау, возвышающейся на противоположном берегу, отражают лучи южного солнца прямо на город, похожий тогда на жаровню. Часто речка Ходжа пересыхает, и тогда женщины принуждены ходить за водой на Сырдарью, где надо спускаться с крутого берега и с тяжелой ношей снова взбираться. Тем не менее в торговом отношении город расположен весьма удобно, в самом узле среднеазиатских путей: дороги расходятся во все стороны в виде радиусов. Они обсажены шелковичными деревьями; между ними — плантации хлопчатника и виноградники, среди которых высятся там и сям сторожевые башни. Здесь произрастают в изобилии рис, хлопок, тутовые и персиковые деревья, нежный виноград, урюк (абрикосы).

Цветущие сады и плантации, богатство жителей, наконец положение Ходжента на торговом перепутье внушало всегда зависть алчным завоевателям Востока; из-за временного обладания Ходжентом на его рисовых полях происходило много кровавых битв, забытых, конечно, даже старожилками.

При приближении русских окружающие город поля и многочисленные постройки были брошены, некоторые дороги запружены из арыков, а ближайшие к стенам сады срублены под корень. По всему было видно, что жители решились защищаться: наших парламентаров они встретили выстрелами. Городская ограда, тянувшаяся на 11 верст, со стороны поля состояла из двойного ряда высоких толстых стен, усиленных башнями и земляными присыпками. После оказалось, что ходжентцы, несмотря на все усилия и принесенные жертвы, не успели как следует приготовиться к защите, чем наши войска отлично воспользовались. Ходжент достался в наши руки только благодаря быстроте наступления.

В ночь с 19 на 20 мая были заложены две батареи на правом берегу Сырдарьи, в отряде Краевского, и две на ле-

вом; с рассветом они открыли огонь из 20 орудий, в том числе двух мортир. Палили целый день до 10 часов вечера. В городе поднялась суматоха, начались пожары. В 3 часа следующего дня штурмовые колонны уже шли на приступ. Не успели они втянуться в сады, как были встречены депутатами; старший между ними, Ходжи-Газамат, объявил, что город сдается. Войска отошли назад, на прежние позиции. Однако прошло после того более суток, ворота не отворялись; наши парламентареры, уже вместе с Газаматом, были встречены огнем. Оказалось, что сторонники войны взяли верх, а всех стоявших за мир упрятали в тюрьмы. Подобные обманы, равно как и всякая проволочка заранее решенного успеха, действуют на войска очень дурно: солдаты ожесточаются и как бы вымещают на том же неприятеле даром потерянное время. Снова загревели орудия, и на этот раз канонада продолжалась три дня подряд. В праздник Ивана Купала, среди бела дня, штурмовые колонны подошли, не замеченные неприятелем, к крепостной стене, и когда северо-восточная ее часть, примыкавшая к реке, стала рушиться под ударами снарядов, подан был сигнал к общему штурму. Офицеры, а вслед за ними и солдаты поднялись по лестницам вверх, сбили после жаркой схватки защитников, спустились вниз, выломали ворота, чтобы пронести лестницы, и опять стали карабкаться на внутреннюю стену. Тут подоспели резервы, подскакали казаки, с того берега подплыли на баркасах стрелки Краевского — и в несколько часов как стены, так и улицы, загражденные баррикадами, были очищены от неприятеля; цитадель занята резервом. Только на другой день утром явилась депутация аксакалов, принося повинную в бесполезном пролитии крови.

Природное русское добродушие высказалось тут, как всегда после штурма туркестанских городов. Толкаясь по базарам, солдаты при встрече с сартами, хлопали их по рукам, по животу и приветствовали знакомым словом «тамыр» (приятель); обиды, грабежи случались очень редко. При встречах с офицерами сарты прикладывали руки к па-

пахе, что выходило очень забавно; или, придерживаясь наших обычаев, протягивали офицеру руку со словами: «амантура!» Даже мальчишки в этих случаях соблюдают вежливость, не пропуская никого без обычного приветствия.

Наша победа под Ирджаром прогремела в Средней Азии, а взятие Ходжента, считавшегося оплотом, произвело на умы еще более сильное впечатление. Жители признавались после, что никогда не могли поверить, чтобы эмир, такой могущественный владыка, мог потерпеть поражение. Последний все-таки не сознал своего ничтожества в сравнении с могущественной державой Севера. Подыскивая себе союзников и собирая под рукой войска, он еще верил в возможность успеха и, видимо, затягивал время в бесплодных переговорах; сегодня чувство страха и лезть подсказывали ему одно, завтра высокомерие и азиатская кичливость брали верх. Назначили эмиру срок для высылки условий — срок прошел, ответа не было. Подъехавший на ту пору оренбургский генерал-губернатор приказал открыть военные действия наступлением на бухарские крепости Ура-тубе и Джизак — это «ключи», которые некогда защищали Тамерлановы ворота, на северо-восток от Самарканда. Взятием этих крепостей мы прочно утверждались в долине Сырдарьи и, кроме того, окончательно разъединяли наших врагов, Бухару от Кокана.

Ура-тубе досталось нам сравнительно легко, Джизак труднее. Он расположен на единственном удобном пути в долину Зарявшана и считался одно время самой сильной крепостью в Средней Азии. Большая часть города была обнесена в ту пору тройным рядом стен, в 4 сажени толщиной, в 3,5 высотой; по ним совершенно свободно могли ездить арбы. На наружной стене и промежуточных башнях стояло 53 пушки, с зарядными ящиками, со всей принадлежностью; для действия же при орудиях были вызваны искусные афганцы. Кроме того, гарнизон города составляли 2 тыс. сарбазов, несколько сотен туркмен, остальное сарты, всего не менее 10 тыс., под начальством Алая-хана, с титулом «таксаб-перваначи» — нечто вроде нашего

фельдмаршала; при нем состояло 19 беков. Внутри крепости, как водится, стояла «урда», цитадель, но, по словам перебежчика, такая ненадежная, что ее можно было прошибить палкой. Между первой и второй стеной шла улица шириной около 60 сажень; здесь Алая-хан расположил лагерь все свое разношерстное войско; вместе с тем приказал все трое городских ворот завалить наглухо, чтобы никто и подумать не смел о возможности бегства. Местность вокруг крепости была очищена приблизительно на 100 сажень, для лучшей обороны.

Выбравши место под лагерь, наши расположились у самого выхода ущелья по дороге в Самарканд; затем приступили к осадным работам: делали лестницы, плели туры, вязали фашины, а в то же время малые отряды приближались к крепости, чтобы высмотреть удобные места для осадных батарей.

Покинутая часть города стала любимым местом прогулок наших солдат. Городские сакли оказались такие же маленькие, как и деревенские: в одну или две, редко в три комнаты; крохотные окна без рам, без стекол; полов вовсе нет; потолок из тоненьких жердочек, поверх насыпана глина. Каждая сакля окружена высоким забором, у которого лепятся кормушки. Везде глина и глина. На плоских крышах навалены запасы колючки, идущей на корм верблюдов и ослов; она же служит и топливом.

Несколько ознакомившись с этим местом, наши солдаты находили ямы, засыпанные ячменем, пшеницей; иногда такие запасы попадались и в саклях, причем дверь была искусно замазана глиной. Счастливая находка становилась известной всему лагерю: набегали фуражиры, усердно наполняли мешки, саквы; даже рубахи и панталоны превращались в мешки, переполненные зерном. На базаре, в его укрытых соломой галереях, солдаты копошились с утра до ночи: кто шарил в лавках, кто бродил из любопытства. Одному посчастливилось напасть на кипы табаку. Каждый солдат непременно воткнет штык, повертит-повертит и потом уж набивает карманы, не справляясь с их величиной. В другом мес-

те нашарили мешки с изюмом: это добро живо расхватали по карманам, потому что ячмень, клевер, табак и изюм — предметы первой важности в солдатском быту; пшеница же и просо валялись без призрения, разве кто поохотится на мешок, чтобы выкроить из него на досуге портянки.

Однако сарты не дремали, и чуть только покажется на улице белая рубаха, посылали несколько пуль, не то и ядро. Эта угроза только потешала солдат, скрытых навесами, откуда вслед за выстрелом раздавался взрыв хохота. В Ура-тюбе ружья и пушки по ночам молчали; здесь же по ночам разгоралась самая жестокая стрельба, особенно к рассвету. Ура-тюбинские беглецы, верно, рассказали, что «урус» именно в эту пору лезет на стены. Кроме того, каждую ночь выходил из крепости отряд и с криками «Аллах! Ур!» бросался на наши пикеты. Однажды проскочило в горы 10 всадников, причем закололи пиками нашего солдата; другой раз сарты сделали вылазку, подожгли ближайшие сакли и тотчас вернулись. В Ура-тюбе ничего подобного не было.

15 октября перед вечером потянулись из лагеря арбы, нагруженные турами и фашинами. Несмотря на огонь из крепости, арбы подъехали сажень на 200 и свалили все в одном из переулков. В 7 часов выступили войска и саперы: одна колонна из 4 рот при 8 орудиях, под начальством Михайловского — к ура-тюбинским воротам, другая, почти в таком же составе, под начальством Григорьева — к Самаркандским воротам. Саперы сейчас же приступили к устройству осадных батарей. Штабс-капитан Зиновьев, подыскивая место для брешь-батареи, предназначенной для образования пролома в стене, сообразил, какова должна быть высота стены. Бухарцы так строят крепости: они выводят стену примерно в аршин, дадут высохнуть, потом накладывают второй пласт, потом третий и так до конца. Между пластами всегда образуются промежутки, заметные издали. Тут оказалось 9 швов, значит, высота 10 аршин — так оно действительно и было.

За забором поставили в два яруса туры, насыпали их землей, а потом пробili в заборе амбразуры (отверстия) и

навесили сверху деревянные заслоны для защиты от пуль, сбоку поставили траверзы (от бокового огня); для погребков заняли ближайшие сакли. Конечно, такие незамысловатые батареи против европейской крепости продержались бы недолго, а сарты даже не заметили, как провезли по глухим переулкам орудия, как их поставили на места. Ура-тюбинскую батарею сделали несколько лучше, чем самаркандскую; солдаты прозвали ее «гостиницей». Она вся была построена из туров, на довольно высокой площадке, где росли деревья, а сзади находился большой пруд; ее фланги (концы) примыкали к большим саклям. Зато самаркандская начала палить раньше, с самого утра. Поминутно раздавалась команда: «Первое! Второе!» Пушки, расставаясь с гранатой, отскакивали от бруствера, а полупудовые мортиры (короткие орудия для стрельбы навесом), известные у солдат под именем «собачек», прыгали на месте. Неприятельские ядра с треском раскалывали на ура-тюбинской батарее деревья; на солдат сыпались листья, щепы; чаще же всего их снаряды пропадали бесследно в турах. Наступила ночь. На батареях никто не смыкал глаз, изредка палили вверх картечью, чтобы помешать сартам исправлять обвал. Однако обманчивый свет луны не позволял ничего различать: белела глиняная стена, на ней темным пятном обвал — и только. Лишь на рассвете заметили, что обвал завален хворостом: засека стояла наравне с зубцами крепостной стены; к полудню, впрочем, она рухнула вниз, увлекая за собой множество земли.

На следующую ночь предстояло опасное дело: измерить глубину неприятельского рва. На этот подвиг вызвался уланский поручик Кузьминский. Захватив с собой шнур с навязанным на конце камнем, Кузьминский взял в руки револьвер и в сопровождении унтер-офицера Сойнова перелез в темную ночь через забор. Прошло полчаса тревожного ожидания; все молчали, сознавая ту опасность, какой подвергал себя отважный офицер. Вот наконец он показался, такой же беззаботный, веселый. Товарищи его окружили. «Девять аршин, — говорит, — спуск и подъем кру-

ты, внизу стоит караул, сам слышал голоса...» Задал задачу Алая-хан: 9 аршин ров да 11 бруствер, — без малого семь саженей карабкаться вверх.

Вот и третий день осады. Снарядов не жалели; огонь стал, что называется, жарким. Точно играли в мячи, обе стороны менялись выстрелами, не уступая один другому: грохот пальбы не умолкал, дым и пыль густыми облаками укутали батарею. Наши орудия били без промаха, как рукой снимали один тур за другим; глина струилась потоком сверху вниз, глыбы земли тяжело сползали, ударяясь о берму (узкий промежуток земли между валом и рвом). Но и афганцы отличались: наши туры превратили в решето, площадку на ура-тюбинской батарее осыпали так густо, что стало трудно бегать за зарядами. Особенно досаждала одна пушка: она посылала ядро за ядром, которые, пролетев над самым гребнем бруствера, били прямо в саклю, где стояли зарядные ящики. Сакля шаталась, столбы разлетались в щепы, все ждали, вот-вот она рухнет. Однако к полудню огонь стал утихать, замолчала и злобная пушка. На площадках начали появляться предвестницы штурма — лестницы; стали собираться войска. Лица у солдат сделались серьезны; каждый думал свою думу, многие крестились. Вот уж подняли лестницы и, молча, шагая через туры, выходят рота за ротой на открытое место (эспланаду), где неприятель может сию минуту всех расстрелять. Сарты не ожидали штурма; генерал рассчитал верно, выбрав для штурма неурочный час. Штурмовые колонны успели пройти около 20 саженей, пока вся стена загорелась огнями. Живо спустили вниз лестницы, сбежали в ров, потом стали подниматься. Вон храбрый Кузьминский уже свалился, исколотый пиками, тяжело ранен юноша Аленич... Не выдержали артиллеристы: покинули свои пушки, побежали туда же; резерв, следивший глазами и сердцем за товарищами, также припустил следом за ними. Не прошло и четверти часа, как высокие стены Джизака покрылись белыми рубашками: канонада сверху прекратилась, и взвод нарезной батареи взял с места рысью, чтобы попасть в кре-

пость. В эту минуту около ура-тюбинских ворот взлетело на воздух круглое облако дыма, дрогнула земля, пошатнулись стены, раздался страшный взрыв. Причину его так и не дознались. Одни говорили, будто сарты нарочно воспламенили порох; другие доказывали, что они на такой подвиг неспособны, взрыв произошел случайно, когда защитники, спасаясь бегством, искали спасения в погребе, ружья же у них фитильные... Как бы там ни было, а наших 16 человек пострадало — кого пришибло, кого тяжело ранило.

Бухарцы рассчитывали по-своему. «Если Ура-тюбе урус осаждал 8 дней, то под Джизаком просидит по крайней мере 18 дней». Алая-хан донес в Бухару, что сдаст крепость только тогда, когда ее стены повалятся на защитников. Он, конечно, рассчитывал на толщину стен, почему и распорядился завалить ворота.

Утром в день штурма, около 10 часов, бухарцы сделали даже вылазку против конного отряда Пистелькорса, производившего демонстрацию, т. е. движение для отвода глаз. После вылазки все беки были собраны на одном из бастионов совещаться, как тут прибегают сказать: «Урус перелез через стену!» Тогда они, сняв сапоги, подобрав полы халатов, побежали к воротам, но было уже поздно: их встретила одна из наших рот...

В то время когда наши войска заняли обвалы, во власти неприятеля оставались лишь одни ташкентские ворота, или, вернее, калитка, так как ворота были наглухо завалены. Часть солдат направилась по валгангу, сбрасывать оружие, другая часть в цитадель, остальные в улицу между первой и второй стеной. В этом глухом коридоре очутились запертыми, как в западне, защитники Джизака: положение отчаянное! Они обезумели от страха: подгоняемые пулями и штыками, они, как стадо баранов, бросились к ташкентским воротам — ворота заперты! Около 4 тыс. конных и пеших топтали, давили друг друга. Немногие спаслись через калитку. О каком-нибудь сопротивлении не могло быть и речи: они лишь жалобно вопили: «Аман! аман!» Более 2 тыс. взято в плен, остальные были затопта-

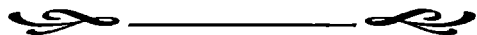
ны на месте. Между убитыми встречалось много одетых в латы и шлемы, с кожаными щитами, богато изукрашенными золотом и серебром. Попадалось на убитых тонкое белье, и лица у них вовсе не азиатские, скорее всего, наши главные недруги в Азии, англичане. В числе отобранного оружия попадались револьверы, нарезные ружья, добытые не иначе, как от тех же англичан.

В то время когда войска уже хозяйничали в крепости, в тылу нашего лагеря появилась бухарская конница, высланная эмиром на подкрепление гарнизона; за ней в расстоянии одного перехода следовали 2 тыс. сарбазов с 18 орудиями. Узнав о падении Джизака, эти войска быстро отретировались.

Густыми веселыми толпами возвращались солдаты в лагерь. Почти все ехали верхами, а многие, сверх того, вели еще в поводу — кто коня, кто верблюда или ишака, нагруженных разной рухлядью. Один солдат нес ребеночка, взятого из сострадания. Такое богатство, как здесь, еще ни разу не попадало в руки наших солдат. В числе добычи находилось богатейшее конское снаряжение, унизированное сердоликами и бирюзой; бархатные, расшитые золотом чепраки, туркменские кони; старинное украшенное камнями в золотой или серебряной оправе оружие, латы и шлемы с золотой насечкой, топоры с серебряными топоричами — это знаки власти; из одежды — нарядные кушаки с серебряными застежками и сумками для патронов, собољи халаты, крытые роскошными материями, мерлушечьи халаты, бархатные, вышитые золотом шаровары, такие же тюбетейки с зашитыми в них талисманами; наконец, цветные палатки и юрты с дорогим подбоем. Самую ценную и крупную часть добычи составляли все-таки кони. Их было так много, что стрелковый батальон вернулся в Ташкент в конном строю. Все остальное распродавалось на базарах, которые открывались после каждого штурма. Таким образом здесь, как и в других местах, мирные жители могли за самые ничтожные деньги вернуть большую часть своего добра.

Похоронив с честью убитых, всего 6 человек, отряд генерала Романовского вернулся в Ташкент.

Наступление в долину Зарявшана

Как ни велики были успехи русского оружия, но бухарский эмир все еще надеялся возвратить утерянное. Для того чтобы скрыть свои истинные намерения, а также исподволь готовиться к новой войне, он выслал в Ташкент Мусса-бека для переговоров о мире. Пока этот хитрый старикашка выпутывался и лгал напрапалую, эмир нанял к себе на службу 10 тыс. туркмен, готовил свое собственное войско, а что хуже всего — подстрекал подвластных нам сартов к неповиновению, поджигал киргизов нападать на казачьи пикеты, отгонять у жителей скот: табуны. Так в сентябре (1867 г.) шайка киргизов захватила вблизи Чиназа артиллерийского поручика Служенко с тремя канонирами, которых отвезли в Бухару; здесь под угрозой смерти заставили их обучать войска, даже принуждали принять магометанство. На письмо полковника Абрамова эмир ни слова не ответил, как будто он его и не получил; наши караваны были задержаны, торговля с Ташкентом прекратилась вовсе. В ту пору в новом крае совершилось важное событие. Высочайшей волей все завоеванные земли получили отдельного начальника, вполне независимого, с званием туркестанского генерал-губернатора: то был Константин Петрович Кауфман. Явился он в Туркестан не с тем, чтобы продолжать завоевания, а чтобы его умиротворить, приучить к русским законам и обычаям, расширить торговлю, умножить промыслы. Таковы были благие намерения нового генерал-губернатора, внушенные ему нашим миролюбивым монархом, в Бозе почившим императором Александром Вторым. Случилось иначе, и Кауфману, подобно его предшественникам, довелось выдержать долгую,

подчас тяжелую борьбу с хищными соседями, прежде чем приняться за успокоение края.

Туземцы называли его «ярым-паша», что означает полугарь. Как и Михаил Григорьевич Черняев, первый губернатор Туркестанской области, Кауфман делил с солдатами труды степных походов, заботился об их нуждах, жил с ними одной общей жизнью, исполненной тревог и лишений. Оба они грозно и честно держали русское имя в крае, никогда не поступаясь достоинством России. Они не позволяли слишком забываться владетельным ханам, особенно Черняев; Кауфман, будучи по природе снисходительнее, поступал с ними помягче, но в Азии иначе понимают снисходительность и великодушие, свойственные народам образованным: их там принимают за слабость.

По приезде в Ташкент новый генерал-губернатор застал уже давно проживающего здесь в качестве посла эмира того же Мусса-бека. Этот хитрый старик, как истый азиат, двоедушничал, тайно сносился с эмиром и подговаривал наших солдат к нему на службу. Все усилия этого дипломата были направлены к тому, чтобы затянуть переговоры, а главное — скрыть истинные намерения своего повелителя. Последний же, не прекращая враждебных действий в виде грабежей и разбоев, продолжал упорно молчать, не отвечая даже на письма. Так дело стояло более года — ни мир, ни война; торговля прекратилась; разбои, грабежи, захват пленных — усилились. Тягостное для обеих сторон положение разрешилось наконец в Бухаре, и не в пользу мира. Надо сказать, что эмир давно истощил отцовскую казну и, чтобы ее пополнить, стал нажимать своих беков, т. е. областных правителей; те сделались еще придирчивее при сборе налогов, от чего народ обеднел, начал роптать; купцы, потерпевши убытки от прекращения торговли, хотя и молчали, но также были недовольны. Пуще же всех волновались улемы, а они в Бухаре составляли немаловажную силу, более грозную, чем даже войско эмира.

Наступал праздник Курбан-байрам, когда мусульмане, по примеру праотца Авраама, готовы принести наиболь-

шую жертву. Улемы ждали, что в эти именно дни будет объявлена война, но двоедушный Музафар медлил, хитрил. Тогда на общем совете улемы восстали открыто и объявили его недостойным занимать престол великого Тамерлана. Эмир покинул столицу, бросился в одну сторону, потом в другую — в надежде, что народ его поддержит; и в этом он ошибся: в попутных городах народ от него разбегался, на ночлегах подбрасывали ему письма, угрожавшие смертью, если он не выгонит русских. Музафар покорился. Он собрал всех сарбазов и торжественно, как глава мусульман, объявил «газават», т. е. священную войну, когда всякий правоверный, способный носить оружие, должен спешить под зеленое знамя пророка. Ханы коканский и хивинский были приглашены также принять участие в предстоящей борьбе.

Раньше было сказано о составе и численности бухарских войск. Начальником всей конницы считался беглый урядник сибирского казачьего войска, в мусульманстве Осман. Он служил раньше коканскому хану, командовал между прочим, конницей в деле под Иканом, где отличились уральцы; при взятии эмиром Кокана Осман в числе прочих защитников подлежал казни, но хитрый казак умел полюбить эмиру, так что тот назначил его беком. Подчиненные Осману войска отличались некоторым порядком и стройностью движений; обучение же бухарской пехоты не сделало никаких успехов. Когда нашего офицера Служенко заставили сделать смотр бухарскому войску, то на плацу он был встречен одним таким же пленным русским солдатом.

«Не погубите, ваше высокоблагородие, заставьте за себя вечно Богу молиться!» — умолял его шепотом пленник. Служенко спросил, в чем дело; солдат рассказал, что его заставили учить пехоту, а он, прослужив 12 лет в артиллерии, не знал никаких других команд, кроме употребляемых при орудиях; он учил только «жай!» (от команды «заря-жай!»), потом: «Первое! Второе!». Конечно, Служенко его не выдал, даже расхвалил до небес. Началь-

ником артиллерии у бухарцев был наш же беглый артиллерист, а пехотой командовал турок Ходжа. Лучшей пехотой у бухарцев считались жители Шахрисябзя, родины Тамерлана — малодоступного горного уголка в долине Зарявшана. Шахрисябцы отлично стреляли, были храбры, подвижны, но они считались только союзниками, а не подданными эмира.

При всей малочисленности русских войск К. П. Кауфман предпочел решительное наступление в долину Зарявшана, потому что оборона главнейших пунктов завоеванного края нисколько не обеспечивала от вторжения азиатских полчищ и, кроме того, служила в глазах неприятеля признаком нашей слабости. По понятиям азиатцев, кто заперся и ждет противника, тот, значит, бессилен, чтобы выступить ему навстречу. В половине апреля 1868 года Кауфман двинул войска на передовую линию, где они должны были сосредоточиться в Яны-Кургане, а вслед за ними выехал и сам. На переправе через Сырдарью его встретил отряд афганцев, нанятых эмиром для войны с русскими, но предводитель их, Искандер-хан, предпочел служить Белому Царю. Это был красивый мужчина, державший себя с большим достоинством. Завидев главнокомандующего, Искандер-хан слез со своего серого аргамака и почтительно поклонился. Когда генерал проезжал вдоль фронта, все афганцы, не шевелясь и приложив руки к своим разнокалиберным шапкам, провожали его глазами. Одеты они были очень бедно: в бухарских куртках, поверх которых висели отрепья солдатских шинелей, унизированных русскими и английскими пуговицами; многие были вовсе без обуви. Главнокомандующий обошелся с ними очень ласково и приказал зачислить желающих на службу. Пока отряд находился в движении, большая партия бухарцев сделала ночное нападение на гарнизон Джизака, расположенный лагерем у входа в ущелье. По тревоге войска живо построились, отбили нападение, а 2 сотни уральцев с ракетными станками пустились на рассвете в погоню. Бухарцы бежали более 40 верст. Война началась.

Тем временем в Яны-Кургане собрались все войска, назначенные в поход: 21 рота пехоты, 16 орудий, 5 сотен казаков, саперы, афганцы, джигиты для посылок, а всего 13,5 тыс., тогда как эмир располагал силами, вчетверо большими; но численность неприятеля уже не устрасала туркестанские войска. Они предпочитали походную жизнь мирным бивакам; последние изводили людей больше, чем самые дальние переходы, даже встречи с неприятелем. Солдаты и офицеры болели от непривычной летней жары, от непривычных дождей в остальное время года; батальоны, расположенные на передовых пунктах, переболели почти поголовно лихорадкой; в Яны-Кургане и Джизаке, кроме лихорадки, свирепствовала и горячка. Таким образом походы, битвы являлись порой желанной: солдаты весело готовили сухари, нагружали обоз, приводили в порядок оружие, обувь, походные мешки. Вот наконец все уложено и прилажено. Наступило утро 30 апреля. Войска собрались, помолились и выступили по дороге в Самарканд. День выпал жаркий, томительный. Сначала шли перевалами, с одного на другой, а потом вышли на ровную степь, где, кроме травы, ничего не росло. На первом привале воды не оказалось; только что хотели сниматься, как дали знать о приближении бухарского посла. Это был знакомый уже мирза Шамсутдин, два раза бывавший в Ташкенте. Главнокомандующий ему обрадовался, потому что надеялся получить наконец мирный договор, которого ждал более полугода. Вместо договора мирза вытащил письмо от эмира, обещая, что договор будет выслан через два дня. Кауфман не принял подарков и приказал ударить подъем. Жара усилилась, пот катился градом, но солдаты сразу пошли шибко в надежде набрести на воду. В воздухе стояла гробовая тишина, лишь скрипели сзади арбы, да и те мало-помалу далеко отстали. Переночевали у кишлака, покинутого жителями, а на другой день отряд вступил в цветущую Мианкальскую долину. Начались сплошные сады, между ними поляны с густой сочной травой; в тени тополей, орехов, яблонь, вишен белели палатки. Эта часть Туркестана луч-

ше всего сохранила тот вид, какой некогда имела вся страна от Ташкента до Хивы. В каждом саду, как бы на страже его, стоят аисты и от времени до времени постукивают своими длинными клювами. Хивинцы говорят в насмешку, что это постукивание заменяет бухарцам пение соловья. Один из кишлаков Мианкальской долины носит название Урус в память беглых московских людей, переселившихся сюда лет 200 или 300 тому назад; но однажды случилось наводнение или какая-то другая беда: несчастных переселенцев заподозрили в том, что они продолжают молиться христианскому Богу и что беда пришла от этого: их перерезали всех до единого.

— Что это? — спросил главнокомандующий, зайдя в сады пеших сарбазов и конные толпы бухарцев со значками.

— Не знаю, — отвечал мирза Шамсутдин, еще недавно уверявший, что в Самарканде нет никаких войск.

Он просил позволения выехать вперед, узнать, в чем дело. Скоро вместо него явился новый посланный, Нажмутдин-ходжа, в белой чалме, в богатом атласном халате. Он подал договор за подписью и печатью эмира. Когда стали разбирать бумагу, оказалось, что она написана частью на персидском, частью на арабском языке, которого никто из переводчиков не знал. Однако все-таки можно было понять, что эмир изменил условия высланного ему договора в свою пользу; считал ли он себя еще достаточно сильным, или просто хотел протянуть время — осталось неизвестным.

Отряд снова двинулся ускоренным шагом, торопясь выйти из садов, где высокие заборы имели необходимые приспособления для упорной обороны. Кауфман поспешил к авангарду, за ним ехал Нажмутдин.

— А это что еще значит? — спросил у него генерал, указывая на высоты, покрытые пехотой, конницей и артиллерией.

— Народ и войска вышли встречать вас, — спокойно отвечал азиат.

Местность открывалась для нас самая невыгодная: песчаная или каменистая долина, вся изрытая рукавами За-

рявшана, то мелкими, то глубокими, с быстрым течением; дальше расстилались топкие рисовые поля, прикрытые с левой стороны густыми рядами деревьев. За рекой Зарявшаном подымались высоты, частью пологие, частью крутые, с откосными обрывами. Около 20 неприятельских орудий стояли в центре позиции, на большой самаркандской дороге; еще 2 батареи по шести орудий — на двух боковых путях. Пехота занимала длинным тонким строем подошвы высот; конница же почему-то скопилась на высотах, вершина которых пестрела множеством палаток, обставленных бунчуками и разноцветными значками.

Бухарцы были уверены в неприступности своей позиции; только один из дервишей, сомневаясь в этом, заранее предсказал, что войско будет побито. Ката-тюря, старший сын эмира, приказал отрубить ему голову.

Миролюбивый генерал все еще надеялся, что бухарцы очистят высоты. Два раза ездил туда посол эмира, о чем-то переговаривался, снова возвращался, а войска неприятеля тем временем передвигались, передовая линия пехоты усиливалась толпами конницы. Прошло 3 часа, томительных, долгих, под палящими лучами солнца. Наконец бухарцы открыли огонь, и довольно меткий: снаряды перелетали через головы главнокомандующего и его свиты. Еще прождали с четверть часа, пока Кауфман произнес: «С Богом!» Так началось сражение, известное под именем боя на Самаркандских или Чапанатинских высотах. Шесть рот 1-й линии шибко пошли на высоты; в промежутках двигалось 8 орудий; сзади поспешали резервы. Абрамов вел свои роты на правый фланг неприятеля, а Головачев с ротами 9-го, 3-го и стрелкового батальонов пошел на центр. Тут пролегли ближайшие пути к Самарканду. Солдаты перешли один рукав Зарявшана по грудь в воде, потом зашлепали в грязи, еще дальше — стали вязнуть в тине; ноги разъезжались в стороны, многие падали, снова подымались и все шли да шли; миновали рисовые поля, опять — арык: поправили сумки, подтянули их к самой шее, чтоб не замочили, и снова погрузились в воду. Всякий, кто выбирался на берег, прежде все-

го ложился на спину и болтал ногами, пока не отошьет воду; вскочив, снова бегут, спешат дорваться до высот. Цепь уже почти бежит. Вот ядро шлепнуло перед 4-й ротой.

— Ишь, как его, проклятого, вдарило! — обозлился солдат. Рота пошла еще шибче; народ входил в азарт. Это были люди, шедшие продавать свою жизнь за очень высокую цену: на каждого бойца приходилось не менее полсотни врагов.

— Пушки бросают, братцы! Смотри: вон пушки бросают! — крикнул молодой охотник.

Все взглянули вверх.

— Ура, ура! — раздалось из всех грудей, и уж тут никакая сила не могла остановить этот неукротимый порыв.

Рота 9-го батальона, с Назаровым во главе, захватила все 20 орудий центра.

— Смотри, братцы, — кричали солдаты, — вся снасть у них тут: тоже вон и заряды, и пальник, и банник — ну, орда дурацкая!..

В то же время Абрамов поднимался на высоты правого фланга. Неприятель, изумленный быстротой наступления, поспешно отошел, и только конные толпы, заметив оставленный перед садами обоз, кидались на него со своим обычным криком: «ур! ур!» Удивительное зрелище представляла эта горсточка, составлявшая прикрытие, окруженная тучей конницы: она по временам останавливалась, делала залп и снова двигалась, пока рассеянный неприятель не свернется в кучу, чтобы нанести новый удар. В начале 6-го часа наши войска, кроме нескольких пушек, были на высотах; последние выстрелы смолкли, и только внизу, в арыках, бились увязшие лошади. Охваченный с флангов, при дружном наступлении против центра, неприятель покинул свои позиции и бежал без оглядки. На протяжении 2,5 версты валялись ружья, сабли, чалмы, куртки; на левом фланге было покинуто до 30 палаток, с подушками, коврами, самоварами, кальяном и разными сластями: видно, беки надеялись долго здесь держаться. После мы узнали, что они хотели затопить всю эту долину, да плотина не была готова.

Победители, добравшись до высот после такого мучительного перехода, неспособны были к преследованию. Усталые, голодные и до нитки мокрые, они молча падали на сырую землю, не произнося ни единого слова. Так прошло с полчаса, многие уже заснули сном богатырей, как вдруг среди гробовой тишины раздался восторженный крик: «Вода, вода! Воду нашел!» Вся эта колонна мигом воспрянула и ударила бегом к ручейку, протекавшему под самым городом: вода оказалась чистой, свежей, прохладной. Утоливши мучительную жажду, солдаты, уже под смех и говор, разбрелись по соседним саклям, где многие нашли лепешки, сухой урюк и изюм.

Все были уверены, что неприятель отступил для защиты священного города. Каково же было удивление, когда на другой день, еще на рассвете, явились к генералу старшины и объявили, что они, настрадавшись от своеволия беков, от жестокости эмира, теперь с радостью ждут русских как своих избавителей; улемы прибавили, что они будут молить Бога о даровании победы и славы русскому оружию, о даровании здоровья и благополучия Белому Царю, если он не откажется принять их под свою могущественную державу. Старшины пояснили, что они накануне затворили ворота перед своим войском. Часа через два явились новые аксакалы с просьбой занять город поскорее, потому что на выручку Самарканда приближается 20 тыс. шахрисябцев. Тогда ударили тревогу: войска в один миг поднялись, устроились и пошли. Пройдя версты 1,5 по скатам высот, авангард втянулся в сады между высокими стенами, за которыми могла бы поместиться вся вчерашняя армия. Вот еще прошли небольшую поляну, и наконец открылся священный город, некогда столица великого Тамерлана. Правда, он обеднел, в нем не более 20 тыс. жителей, но в глазах азиатцев он все так же велик своими воспоминаниями и продолжает с гордостью носить громкое название «Головы ислама», в то время как Мекка величается его «Сердцем».

Самарканд со времен Александра Македонского считается «вторым благочестивым местом, сотворенным по

слову Ормузда». Прежде он назывался просто Маркандом, испытал много превратностей, пережил счастливые времена, знал и тяжкие невзгоды. Под владычеством арабов он слыл «убежищем мира и науки». Против полчищ Чингисхана Самарканд выставил грозную силу, в рядах которой насчитывалось более ста тысяч. Она не спасла его от страшного погрома. Но мало-помалу город поправился, а через два века стал столицей громадной империи Тамерлана, или Тимура, как его еще называют. К этой эпохе относятся его лучшие памятники, равно как и лучшие воспоминания. Нет нигде в мире столь величественных и богатых по архитектуре медресе (школы), как самаркандские. Все они имеют впереди стрельчатый портик, высоко поднимающийся над бедными низенькими домиками, скучившимися под его громадной тенью. Это преддверие обрамлено двумя такими же высокими столбами и испещрено самыми затейливыми узорами, наподобие лучших персидских ковров. Иногда среди роскошной мозаики красуется изображение персидского льва, что служит указанием, откуда были зодчие. В темной глубине стрельчатой паперти неясно видны другие узоры из фарфора. Над ковчегами мечетей и медресе высоко поднимаются круглые башни, некогда увенчанные пузатыми куполами, теперь поврежденными всеразрушающим временем. Главная площадь города — Ригистан, всегда оживленная толпой гуляющих и ходячими торговцами, обставлена с трех сторон самыми красивыми из самаркандских медресе: Шир-дар (боги львы), Тилла-кари (одетая в золото) и медресе Уллубега, прославленное в XV веке, как школа математики и астрономии. Самая великолепная в Средней Азии мечеть носит название одного из защитников ислама, шейха Зиндеха, погребенного тут же, под одним из камней. По преданию, он должен когда-нибудь подняться, чтобы покорить весь мир вере пророка. Сам Тамерлан похоронен в склепе мечети Гур-эмир, построенной на холме и увенчанной куполом редкой красоты. Богомольцы Средней Азии стекаются сюда толпами, чтобы облобызать нагрудник «владыки

мира». Под голубым сводом часовни, покрытым позолотой, лежит надгробие из зеленоватого камня; день и ночь читает над ним мулла святую книгу. Со стороны, обращенной к Мекке, утверждено древко боевого знамени Тамерлана с привязанным к нему конским хвостом. Оно напоминает могущество этого человека, на которого уstraшенные народы взирали, как на Бога. Возле зеленого камня лежит другой, черный: это могила наставника Тимура. Таково было его завещание — лежать рядом со своим учителем. В цитадели, которая включает в себе целый квартал, также есть мечети, древние могилы и дворец бухарского эмира. Один из его дворов, обнесенный прохладной галереей, носит название тронной залы Тамерлана. В глубине двора лежит громадный сероватый камень — «кок-таш», на котором стоял трон. Обыкновенно, один из знатных рабов подставлял спину, вместо ступени, чтобы монарх, ступая по ней, мог занять свое место на троне. Здесь, у подножия этого трона, падали ниц властители Европы и Азии. А теперь, по прошествии 400 лет, полувзвод стрелков, взбравшихся на ворота шейх-зиндехе, кричал русскому главнокомандующему «ура». По обе стороны ворот стояли аксакалы; они пали на землю и просили принять хлеб-соль. По всему пути через базар до цитадели толпились самаркандцы, стар и млад, встречая русских дружными приветствиями: «Аман! Аман!» Цитадель оказалась пустой; дворец эмира был обобран дочиста. Здесь расположился главнокомандующий, а войска — частью за цитаделью, по бухарской дороге, частью в самой цитадели. Победители вели себя беспримерно: ни одна лавчонка не была тронута, несмотря на голод и удручающую жажду. Два дня они ничего не ели. Только к вечеру был доставлен по наряду скот, и на дворе Тамерлана закипела в котлах солдатская похлебка.

По водворении русских ежедневно прибывали окрестные жители с дарами и изъявлением покорности. Каждая депутация предлагала корову, корзину яиц, кусок соли, лепешки. Главнокомандующий одаривал их халатами — шелковыми или бархатными, смотря по достоинству; более

почтенные аксакалы города получили на память серебряные медали. Население возвращалось из садов, где оно раньше скрывалось; возле лагеря открылся базар, в городских лавках началась торговля. Все пошло своим порядком; по наружности доверие к нам было полное. Особенно дружелюбно встречали наших солдат евреи, и солдаты относились к ним как к старым знакомым. При встрече с евреем солдат, взявши его за пояс, спрашивал: «Что же ты не снимаешь веревки, не наденешь халата? Теперь это можно». И еврей, которому раньше здесь не дозволялось носить иного пояса, умилялся от восторга, чувствовал, что он такой же человек, как и другие.

Однако не все окрестные городки прислали своих аксакалов с изъявлением покорности. Верстах в 30 на юго-восток от Самарканда приютился в тени чинар, на берегу прозрачного ручья, городок Ургут. Его крепкая цитадель, расположенная у подножия горы, состояла из трех стен, одна выше другой. При помощи этой цитадели беки всегда отбивались от войск эмира, почему привыкли себя считать полунезависимыми. Так же думал и Гуссейн-бек, не приславший аксакалов. Для занятия Ургута был послан небольшой отряд под начальством Абрамова. Сверх всякого чаяния войска встретили столь мужественную защиту, что овладели городом лишь после упорного и продолжительного боя. Скрытые в садах сарбазы поражали наших выстрелами с флангов, в то время когда они штурмовали один за другим пересекавшие путь завалы, где засевшие сарбазы отчаянно защищались. Пехота брала завалы с фронта; уральцы, под начальством есаула Хорошхина, бросались на них сзади или сбоку. Только по вступлении в город защита как будто ослабела, цитадель же была занята без сопротивления. Разрушивши казармы, стены и все, что могло нам впоследствии повредить, отряд Абрамова возвратился в Самарканд. Через два дня явились аксакалы: Ургут смирился, Гуссейн-бек бежал в Шахрисабз.

С Абрамовым против Ургута ходило всего 6 рот и 2 сотни казаков. Но нужно было занять еще Каты-Курган, ко-

торым мы могли прикрыть со стороны Бухары передававшихся нам жителей Мианкальской долины; туда выступил более сильный отряд, под начальством генерала Головачева: 13,5 рот, 3 сотни казаков и 12 орудий. Аксакалы всех попутных селений выходили на дорогу с хлебом-солью; явились аксакалы и каты-курганские. Они объявили, что Омар-бек, главный разбойник, выславший свои шайки для грабежа наших владений, ушел в Кермине. Действительно, в Каты-Кургане было настолько тихо, спокойно, что Головачев разместился с частью отряда в прекрасном саду эмира, куда и сходились к нему все старшины на поклон.

Однако на поверку вышло, что сдача Каты-Кургана была делом тонкого расчета, в надежде ввести нас в заблуждение, разъединить наши силы и истребить их порознь. Добродушным русским людям приходилось изведать на опыте коварство азиатской политики и горько заплатить за свою доверчивость.

126

Совершенно того не замечая, мы очутились среди многочисленного и лукавого населения, где все лгали, все нас обманывали: сам эмир, его беки, муллы; лгали и аксакалы, которые, смиренно кланяясь, приносили поздравления, выражали добрые пожелания. Наш отряд в долине Зарявшана был слишком мал, чтобы идти на столицу и покончить войну разом; мы старались удержать лишь то, что уже занято, а это, по понятиям туземцев, служило признаком слабости. Образ грозного Тамерлана, сносившего города и истреблявшего народы, был жив в памяти: вот он действительно составлял силу, перед которой следовало преклоняться, а «урус» ничего не жжет, миролюбив да к тому же малосилен... На нашу беду, солдаты стали хворать; все лазареты были переполнены больными, особенно в отряде Головачева; каждый день заболевало по 40 — 50 человек. А тут со всех сторон стали доходить тревожные вести: за Каты-Курганом скопляются войска эмира, ближе к Самарканду — шахрисябцы. У наших врагов назревал злой умысел, тайну которого мы проведали несколько позже. Экспедиция Абрамова ускорила развязку.

В конце мая Абрамов выступил против шахрисябцев, горного племени, отличавшегося своей воинственностью и храбростью. Верстах в 25 за Самаркандом казаки, ехавшие далеко впереди авангарда, неожиданно подверглись нападению конницы, выскочившей из ущелья; с флангов открыла пальбу пехота, засевшая за камни. Пистелькорс спешил казаков и успешно отбивался, пока не подбежала наша рота. Неприятель скрылся в горы, а Абрамов повернул назад. Между прочим, Баба-бий, начальствовавший в этом нападении, выслал в ту же ночь толпу конницы в Самарканд с известием, что Абрамов разбит. Часть городских жителей тотчас вооружилась, мост был разрушен, сады заняты стрелками, а дорога — баррикадами. Абрамов вступал в город уже боем, причем имел 8 раненых; около 200 неприятельских трупов осталось в садах. В это время все лавки в городе были заперты, появились шайки грабителей, жители скрылись. Собрали аксакалов и мулл. Когда генерал упрекал их с гневом в измене, в неблагодарности, аксакалы прикинулись, что ничего не знают, и свалили всю вину на конные шайки Баба-бия. В тот же день было получено донесение от Головачева, что накануне около 20 тыс. конных бухарцев окружили наш лагерь перед Каты-Курганом и что наши едва отбились от них пушками, причем расстреляли все заряды. Требовалась помощь из Самарканда, тем более необходимая, что надо было ожидать новых нападений: бухарская пехота опоздала только по случаю жары.

Оставив в самаркандской цитадели четыре роты 6-го линейного батальона, 95 сапер, 25 казаков и 8 орудий, считая в том числе 4 бухарские пушки, главнокомандующий со всеми остальными войсками поспешил в Каты-Курган. Войска прошли 65 верст в одни сутки. На этот раз все кишлаки были пусты, ни один аксакал не выехал навстречу; жители Каты-Кургана перешли к неприятелю; продажа провианта и фруктов прекратилась. В отряде Головачева уже знали, что главные силы бухарцев скопились по пути в Бухару, на Зерабулакских высотах. Сутки отдыхали, пек-

ли сухари, запасались патронами. В ночь на 2 июня Кауфман объезжал ряды солдат.

— Поздравляю вас, молодцы, еще с одной победой, которая вас завтра ожидает. Она будет непременно за вами, если вы не забыли еще, как следует бить азиатцев.

Это краткое приветствие, выражавшее надежду и доверие, понравилось солдатам: оно подбодрило их. Среди глубокой тишины раздался мерный топот шагов: то пошел Пистелькорс с авангардом, за ним двинулся Абрамов с главными силами, сзади заскрипели двухколесные арбы обоза. Всего в отряде находилось 1700 человек пехоты, 300 казаков, 14 орудий, 6 ракетных станков. По мере того как отряд продвигался вперед, обозначались конные партии все больше и чаще; наконец вся степь ими покрылась, воздух дрожал от оглушительных криков. В 3,5 часа бухарские джигиты с криком: «Олынг! Олынг!» стали кидаться на обоз; рота рассыпанных стрелков едва могла их удерживать на расстоянии выстрела. На 12-й версте еще до восхода солнца открылась вся неприятельская армия, расположенная на Зерабулакских высотах, длиною до пяти верст. На гребне стояли 14 пушек; пониже, вдоль середины покато-сти, длинной красной лентой растянулось до 8 тыс. сарбазов; наконец в разных местах, особенно на правом фланге, толпы конницы с бунчуками и значками. Такова была позиция неприятеля, сходная с позицией самаркандской; только здесь, вправо от нас, протекал Нурпай. И начальствовали те же полководцы: Осман и Ходжи. Накануне боя войскам эмира прочли его послание: «Мы, потомки Тамерлана, покажем, как забирать наши земли! Покажите, как мусульмане бьются за веру и отечество. На поле битвы будет воздвигнут памятник в честь павших героев. Мусульмане! Дарю вам в награду 125 тыс. тилей, которые от меня требует туркестанский генерал-губернатор. Я надеюсь, что вы, мои войска, сотрете грязное пятно, которое носят на своих халатах самаркандцы».

Предстоящая битва должна была разрешить почти трехвековой спор, завещанный еще Петром Великим. От того

или иного ее исхода зависела будущность Средней Азии — коснется ли ей по-прежнему в полурабстве и невежестве, или познать блага лучшей жизни под охраной русской власти и русских законов.

Погода стояла прекрасная; прохладный ветерок освежал усталые члены; жаворонки, взвиваясь, запевали свои обычные песни; нежный аромат цветов и трав ласкал обоняние. Войска тихо перестроились, сигнальный рожок отчетливо проиграл «наступление», барабаны ударили бой к атаке, и в то же время по всей неприятельской линии загремела канонада. Было 4 часа утра. Пистелькорс, построивши свой авангард в две колонны, с орудиями в промежутке, и прикрывшись стрелками, двинулся вправо, против левого фланга. Солдаты шли молча, не обращая внимания на шальные пули сарбазов. Вот они все ближе и ближе; уже ясно видны их черные бороды и бледные лица. Вынеслись казаки, выскакали в карьер все четыре орудия. «Стой! с передков!» — скомандовал офицер. «Подать картефель!» — кричит шутник-фейерверкер. Картечь брызнула в лицо сарбазам; казаки тоже дали залп. В ответ заиграли трубы: бухарцы сами хотят вперед, помериться в открытую. Так их учил Ходжа. Но подоспела наша пехота: один залп, другой, третий... А картечь, помимо того, звенит, не умолкая: 34 картечных выстрела в каких-нибудь четверть часа! В эту минуту взошло солнце, освещающая золотистыми лучами картину разгоравшегося боя.

Сарбазы, с приподнятыми ружьями, вдруг остановились: они точно одеревенели. Снова заиграли у них трубы, тщетно призывая к наступлению, раздались удары палок — сарбазы ни с места. Так прошло несколько секунд всеобщей паники — и сразу весь левый фланг повернул спины. Ждавшие этого момента афганцы и казаки ринулись в погоню; но когда картечь перестала действовать, сарбазы, ко всеобщему удивлению, снова построились и начали отступать по всем правилам забытой было ими тактики: они отстреливались и отражали удары казацких шашек своим разнокалиберным оружием. Вся лощина, по которой они

отступали, покрылась кучами трупов. В это время конницу вернули назад, вниз, с приказанием занять каменный мост через Нурпай. Тут, из высокого хлеба, выскочила толпа узбеков, вооруженных дубьем. Это было так неожиданно, что казаки осадили лошадей; зато афганцы, издав пронзительный гик, бросились с быстротой молнии и перерубили всех до одного: мост, единственный через Нурпай, был занят.

По первым выстрелам казачьих орудий Абрамов двинул головные силы против неприятельского центра и правого фланга. 4-й батальон, с офицерами впереди, шел быстро, но не застал уже на высотах бухарцев. Осман и Ходжи, завидев поражение своего левого фланга, сняли с позиции артиллерию и стали отступать. Но 5-й батальон, с майором Гриппенбергом, бросился в штыки левее; тут он был окружен бухарцами. Сарбазы правого фланга атаковали его сами, конница ударила в тыл. Поражение этой горсти, состоявшей всего из 280 человек, казалось неизбежным: ее могли задавить, растоптать; наша артиллерия была бессильна ей помочь. Но вот батальон напрягает последние силы, какие может только придать отчаяние, бросается отважно в штыки — и разгоняет сарбазов. Подбежавшая рота афганцев, уже вместе с мужественным батальоном, стремительно переходит в наступление; они входят в такой азарт, что главнокомандующий должен был послать им приказание остановиться.

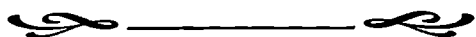
Сарбазы стали скрываться в горы; отдельные толпы конницы уходили по разным дорогам. К 10 часам неприятеля уже нигде не было: часть его направилась в Кермине, остальные разбежались по домам. Это была полная победа, разгром всей неприятельской армии, исчезнувшей на расстоянии ста верст кругом, — так донесли на другой день наши разъезды, разосланные по всем направлениям. Путь к столице был совершенно открыт; эмир с трепетом ждал своей участи: у него осталось всего 200 человек конвоя. На поле победы, среди ее многочисленных трофеев, войскам прочли приказ главнокомандующего: «Благодарю храбрые

войска за славное дело 2 июня на Зерабулакских высотах. Неприятель будет помнить этот день и свою громадную потерю. Спасибо вам, молодецкие войска!»

Отсюда Кауфман мог идти прямо на столицу, пленить эмира, покончить войну одним ударом, но, обладая прозорливостью полководца, он этого не сделал, не пошел вперед, где все сулило ему легкий успех, а повернул назад — с тем чтобы обеспечить тыл своих войск и укрепить русскую власть среди новых подданных. Этим движением он спас не только то, что приобрел сам в долине Зарявшана, а все завоевание своих предшественников, начиная с 1863 года.

Войска возвратились в Каты-Курган, где радость победы была омрачена тревожными известиями из Самарканда. Опять пришлось торопиться, спешить на выручку. Опять встречались те же зловещие признаки: кишлаки были пусты, в садах бродили вооруженные шайки, которые, завидя русских, поспешно скрывались. Наконец по пути было получено известие от майора Штемпеля, оставленного за коменданта, что цитадель Самарканда доживает последние часы. Заныла грудь от жгучей боли, охватившей отзывчивое сердце русского солдата: он понял, какая страшная опасность грозит его покинутым товарищам! Войска ускорили шаг...

Оборона Самарканда и усмирение Шахрисябзя

Во главе заговора, обширного и опасного для русских, стали шахрисябские беки Джура-бий и Баба-бий, оба решительные и храбрые. По их плану бухарские войска отнюдь не должны были принимать боя, а, отступая внутрь страны, завлекать русских все дальше и дальше, пока шахрисябцы при помощи городских жителей не овладеют Самаркандом. В заговоре участвовал и хан коканский, которого обязали выставить значительные силы на правый берег Сырдарьи, чтобы в случае успеха идти прямо к Ташкенту, где вырезать все русское население. Таким образом беки задались мыслью не только очищения долины Зарявшана, но полного изгнания русских из пределов Туркестанского края. Нашими друзьями остались лишь евреи; все же мусульманское население долины превратилось в явных или тайных врагов, возмечтавших о скором освобождении священного города. Они вели свое дело осторожно, с тонким расчетом; по-видимому, все обещало им полный успех. К счастью, хорошо задуманные замыслы потерпели крушение: ничтожный по численности гарнизон Самарканда оказал героическую стойкость, бухарцы приняли битву на Зерабулакских высотах, наконец предусмотрительный главнокомандующий повернул после победы назад на выручку Самарканда. Самаркандская цитадель, в которой был сосредоточен наш гарнизон, имела фигуру неправильного многоугольника, около версты длиной и 300 сажень поперек; вся ее площадь была сплошь занята казармами, саклями, несколькими мечетями, кладбищем и дворцом эмира, с его знаменитой тройной залой Тамер-

лана. В случае опасности защитой самаркандской цитадели могла служить только солдатская грудь, потому что ветхая, простоявшая целые века без ремонта и сложенная из глины стена, от 3 до 6 саженей высотой, давно осыпалась, местами обвалилась. Вместо рва цитадель была окружена глубоким оврагом, но не всегда вплотную; одной своей стеной она примыкала к садам, а двумя другими к городу; ворота, как бухарские, так и самаркандские, открывались прямо в улицы, почему и нельзя было из цитадели обстреливать прилежащую местность. Где только было возможно, под самой стеной лепились городские сакли, которые без труда могли быть обращены в галереи, удобные для пробивания стен, а крыши этих саклей позволяли легко взбираться наверх. Вдобавок ко всему цитадель стояла на бугре, что давало возможность совершенно безнаказанно обстреливать ее внутренность с городских мечетей, медресе и вообще высоких зданий, откуда она открывалась вся как на ладони. Наши успели только насыпать 2 барбета возле кладбища, что у самаркандских ворот, да обрыть часть осыпавшегося оврага, чем и кончились приспособления для обороны.

Нашему самаркандскому гарнизону, всего-то в 558 человек — кроме казаков, сапер и артиллеристов — надо было защищать окружность стены в 2,5 версты; в лазарете лежало 450 больных и слабых, требовавших ухода. Хорошо еще, что хранился большой запас патронов, муки, крупы, но мало было соли и мяса.

Тотчас же по выступлении Кауфмана на Каты-Курган в окрестностях Самарканда стали скапливаться большие вооруженные шайки. Между тем аксакалы, как ни в чем не бывало, продолжали являться в цитадель, заверяя в своей покорности и преданности. Два раза им удалось вызвать из цитадели майора Штемпеля, оставленного за коменданта с ротой солдат, чтобы отбить враждебные шайки, и во второй раз, когда Штемпель возвращался в цитадель, он должен был войти в бухарские ворота силой; после этого случая их заперли наглухо. Аксакалы надеялись, что

в отсутствие войск можно будет занять цитадель без выстрела. А мы им верили до последней минуты, несмотря на то что евреи давно уже предупреждали об измене самаркандцев. Однако, как только опасность стала очевидной, гарнизон воспрянул духом: раненые, больные, чиновники и русские купцы пожелали принять участие в защите. В то время в Самарканде находились по своим торговым делам Хлудов, Трубчанинов, Иванов, гостил художник Верещагин — всего набралось добровольных защитников с первого же дня осады 140 человек. Душой обороны стал подполковник Назаров, командир 9-го линейного батальона, бывший тогда в лазарете на излечении; он охотно подчинился младшему в чине коменданту.

На западной стене, к стороне садов, расставили нестреловых — музыкантов, писарей, фуражиров; в углу между обоими воротами — сапер; прочие стены заняли часовыми, а у ворот выставили караулы; две бухарские пушки вкатили на барбетты возле мечети, четыре орудия оставили в резерве. Вот все, чем располагала защита.

В эту самую минуту, когда на Зерабулакских высотах началась канонада, предводители шахрисябцев Джурабий и Бабабий повели свои несметные орды на освобождение трона Тамерлана. Кроме шахрисябцев тут были кочевники разных наименований, жители Ургута, Самарканда, Мианкальской долины, примерно от 40 до 50 тыс. человек, если не больше; тут же находился старший сын эмира Катты-тюря. Полчища врагов приближались с барабанным боем, при звуках сурн, с криками: «ур! ур!» Они наводнили городские улицы, окрестные сады и, открыв меткую пальбу на гребне стен, атаковали цитадель в семи местах одновременно. Оба пролома в стене, ворота, калитка против родника сразу были осыпаны градом пуль; по ханскому дворцу и лазарету открылась пальба с высоких городских мечетей. Сколько надо было мужества, чтобы взглянуть в лицо страшной опасности и не потерять сразу веры в успех защиты! Тут, в эти минуты, сказалась вся мощь русского солдата, сила которого возрастает по мере опас-

ности. Атакованные пункты тотчас были усилены из резерва: к воротам послали пушки, к стенам — артиллеристов с ручными гранатами. С первой же минуты оборона становилась непосильной: наши стрелки были открыты, а неприятель скрывался или за стеной, или в соседних саклях; он нападал на ворота и проломы тысячами, а наши встречали его десятками. У коменданта осталось в резерве всего 30 солдат; один и тот же 3-й взвод помогал всюду: то бежит к кладбищу, где особенно напирала мусульмане в виду своей мечети; то торопится, с подпоручиком Сидоровым во главе, к самаркандским воротам, а отсюда, подавши помощь, спешит к бухарским воротам. Эти ворота начинали гореть; к вечеру загорелись и другие. Охранение ворот являлось делом первой важности. К самаркандским воротам поспел вовремя майор Шеметилло с последним резервом; инженерный офицер Богаевский построил тут баррикаду, сзади которой поставил пушки; в числе защитников появился купец Трубчанинов в русской красной рубахе. Теперь неприятеля уже встречали картечью: появились в воротах убитые, раздались стоны раненых. К бухарским воротам явился Назаров с саперами и слабосильной командой своего 9-го батальона; многие из них были так слабы, что не могли держать ружей или кричать «ура». Одно присутствие Назарова вдохновляло этих полумертвых людей.

— Ваше высокоблагородие! — кричали солдаты. — Врывается, врывается!

— Не бойтесь, братцы: я с вами!

Солдаты действительно успокоились. Вот послышались крики: «ур! ур!», и на валу показалась толпа дюжих узбеков. Наши дали залп: толпа отхлынула. Прибежали к Назарову с другого пункта, зовут его туда. Между воротами было место, где стена выступала углом. Тут бухарцы стали подкапывать стену, и если сапер вылезал, чтобы выстрелить в работника сверху, то в него направляли десятки ружей: каждый наш выстрел обходился очень дорого. После полудня бухарцы так углубились, что уже перестали бояться наших выстрелов. Оттуда смельчаки взлезали на стену при

помощи кошек (особые крючья) и, махая значками, звали толпу на приступ. Когда свели сапер с этого места, Назарову пришлось бегать от бухарских ворот сюда и обратно, смотря по тому, где угрожала наибольшая опасность. В минуты затишья этот неутомимый борец шутил, хохотал, развлекая солдат и поддерживая в них необходимую бодрость. Вечером показался за воротами дымок; скоро они рухнули, и толпы повалили неудержимой волной. Тут начался ужасный рукопашный бой. Среди свалки, под градом пуль, саперы принялись строить завал: одни побежали за мешками, другие стали копать землю. Глина до того окаменела от бездожья, что не поддавалась кирке. Тогда бросились в сакли, где она была помягче. Наконец мешки наполнены, надо их тащить к воротам, навстречу неприятелю. Воронец и Черкасов указали места и оставались здесь по очереди, пока завал не был готов. Согнувшись в дугу, 2—3 сапера подкатывали мешок, укладывали в ряд и спешили за следующим. В несколько минут первый ряд был уложен, остальные мешки втаскивали наверх, пока не образовалась из мешков стена, которая могла прикрыть человека; на середине завала оставили отверстие для пушки. К полуночи завал был готов. По мере того как он возвышался, солдаты размещались в сторонке от орудия. Вот вдали послышался шум: все ближе, ближе; тысячи хриплых голосов ревели: «Алла! Алла!» Передовые идут молча, с батиками и ружьями. Вдруг, опустив головы, они бросаются в ворота. «Первое!» — прозвучала команда, раздался выстрел, и потом все смолкло...

Минуты через две вдали послышалась перебранка: враги упрекают друг друга в трусости. И так ломились они не один, а много раз, но не могли вынести картечи.

Ночью от бухарских ворот сделали вылазку. Назаров пошел, как был, в лазаретных туфлях. Команда подвигалась тихо, с оглядкой, говорили шепотом. Удалось поджечь мечеть, главную твердыню неприятеля, да несколько саклей.

Второй день осады был не легче первого. С раннего утра бухарцы, скопившись в ближайших улицах, бросились с

мешками пороха и горящими головешками к самаркандским воротам, которые вскоре запылали. Здесь также их заложили мешками с землей, а в отверстие поставили орудие. В 10 часов утра неприятель ворвался с двух противоположных сторон — от садов и вблизи самаркандских ворот. Туда повезли одно орудие, побежали артиллеристы с ручными гранатами, взвод солдат под командой поручика Хрущева — и общими силами, вместе с нестроевой командой, отстояли стену. Ворвавшихся же у самаркандских ворот встретил храбрый Шеметилло. Искусно укрыв свою роту, он зорко наблюдал за проломом. Вот появились узбеки, сначала в одиночку, потом показались десятками; уже наши стрелки сбиты с пролома, вот-вот нахлынут толпой. Солдаты рвутся на выручку. «Стой, ни с места: пусть войдут», — говорит Шеметилло и, выждав еще немного, вдруг прыгнул как тигр, с криком: «Прочь отсюда, Азия!» — и солдаты его роты в один миг смели в ров всех до единого. Через час послышалась жестокая перестрелка у бухарских ворот: это шахрисябцы появились на стенах, лезли в ворота. Прошло четверть часа в глухой свалке; обе стороны, напрягая все силы, боролись насмерть у завала. Храбрый Служенко сам наводил пушку и, пораженный тремя пулями, пал на свое же орудие. «Ура, братцы!» — кричал он умирая. Шахрисябцы уже держали пушку за колеса; часть мешков была разбросана. «Орудие берут!» — закричали солдаты, и этот отчаянный крик произвел потрясающее впечатление. Выскочил художник Верещагин, бледный как смерть, глаза горят. «Кто со мной, ребята? — кричал он, — сюда!» — «Вперед, молодцы! Ура! Ура!» — прогремел голос Назарова. На босу ногу, в шелковой рубаше, с шашкой через плечо, бросается он вперед и очищает путь к орудию. Не выдержали шахрисябцы: подобрав халаты, они бежали, толкая и опрокидываясь друг на друга. Большинство их было с батиками; те же, которые имели ружья, еще несколько раз останавливались и отстреливались; другие скрывались в сады, в сакли. Барабанный бой, ружейная и пушечная пальба, призыв сигнальных труб и крики не прерыва-

лись ни на минуту. Солдаты выбились из сил, офицеры потеряли голос. В эти тяжкие минуты упадка сил и энергии являлись на помощь наши купцы, высылая на позиции чай, водку, вино, сигары. Солдаты, подкрепившись, становились бодрее, готовясь к новым подвигам.

После полудня Джура-бий получил известие, что бухарцы приняли бой и потерпели поражение на Зерабулакских высотах. Это обстоятельство изменяло все расчеты наших врагов; освобождение долины Зарявшана уже представляло мало вероятия. Шахрисябцы тотчас отошли по дороге к Ургуту, кочевники также скрылись. Защитники были обрадовались, думали, что на этом все кончится; многие выходили на улицы, заглядывали по дворам, даже заходили в сакли — везде гробовая тишина, людей ни души. Этим коротким отдыхом воспользовались, чтобы раздать горячую пищу и водку; купцы поспешили с вином, с сигарами.

Не успели, однако, наши прийти в себя, порядком отдохнуть, как появились густые толпы врагов; и вновь пришлось отбивать их яростное нападение...

Уже несколько гонцов было отправлено к командующему войсками с подробным донесением о положении дела. Комендант писал, что приступы не прекращаются, что у нас много раненых, убитых; что недостает мяса, соли, фуража; вода стала портиться. Ответа не было. Никакие обещания и награды не помогали: гонцы или попадали в руки неприятеля, или сами добровольно передавались врагу. На второй день осады происходило у коменданта совещание: порешили, если не явится помощь, собраться в ограде дворца и оборонять его до истощения сил, а когда неприятель и туда прорвется, взорвать на воздух весь запас пороха и снарядов. Сейчас же приступили к необходимым приспособлениям для обороны: перетаскали туда порох, снаряды; начали пробивать в стенах бойницы, делать присыпки для орудий — работали всю ночь, работали и после того, хотя неприятель, заметив скопление людей, открыл по ним пальбу.

Наступил третий день осады. За два дня у нас выбыло 150 человек, — потеря огромная для такого гарнизона! Оставшиеся в живых истомились до крайности. К счастью, бухарцы хотя и пытались прорваться в разных местах, но уже действовали не одновременно всеми силами и не так запальчиво, как в первые два дня. Однако усиленная перестрелка продолжалась до вечера. Осажденные изнемогали от усталости: оберегая стены, по ночам не спали, днем сражались, а между тем питались впроголодь, потому что говядина вышла, вода в прудах застоялась, помутнела. В лазарете больные оставались без всякой помощи: некому их ни накормить, ни подать лекарства или перевязать рану. Зачастую голодные больные, пробираясь на ротные кухни, чтобы там чем-нибудь поживиться, падали на улицах от потери сил.

На 5-й день осады к западной стене подошли скрытно два сарта и подали знак, что имеют нечто сказать. Их провели к коменданту. Оказалось, что они присланы от одного преданного нам аксакала с предложением доставить в цитадель провизию — баранов, молока, хлеба. Одного из них задержали, а другого послали за аксакалом. Действительно, старик явился и, кроме провизии, обещал доставить командующему войсками записку.

На другой день рано утром въехал в ворота молодой джигит, с важной осанкой и торжествующим выражением лица: у него в сокровенном месте хранился клочок бумажки, возвещавшей радостную весть. Джигит привез от Кауфмана записку на немецком языке следующего содержания: «Держитесь, завтра я буду у вас!» Майор Шеметилло обошел с этой запиской кругом всей стены, читал ее на каждом посту по нескольку раз и благодарил защитников в самых теплых выражениях. Трудно передать, что за тем последовало: истощенные борьбой и голодом страдальцы воспрянули духом; солдаты целовались, как в праздник Христов; многие только крестились или шепотом читали молитвы...

Наступила ночь. В цитадели никто не спал, тревожно прислушиваясь к каждому шороху. Вдруг, среди ночной

тишины, на темно-синем небе взвилась ракета, вестница освобождения. На этот раз она как-то особенно медленно поднялась, так что все могли ее заметить; взвилась, лопнула — и рассыпалась множеством искр. Ее появление не вызвало шумных восторгов, солдаты лишь перекрестились да сотворили про себя молитву.

Как раньше сказано, войска генерала Кауфмана уже в Каты-Кургане получили тревожное известие о Самарканде. На ночлеге в Карасу явился к генералу бек соседнего городка и сообщил ужасные подробности осады. За 18 верст до Самарканда наши уже различали канонаду, и тут только впервые было получено донесение майора Штемпеля, седьмое по счету из посланных им. Вечером 7 июня войска генерала Кауфмана стали лагерем у городских садов; толпы вооруженных еще бродили вокруг города. Три колоннами отряд вступил на другой день в Самарканд с разных сторон; защитники цитадели сделали в это время вылазку. Пальба не прекращалась, пока отдельные отряды не выжгли половины города и обошли его кругом по главным улицам. К 12 часам дня все было кончено: пальба утихла, над грудами развалин дымились густые черные облака — то горел базар. Въехав в городские ворота, генерал должен был остановиться, пока саперы разбирали грозный завал, сложенный из мешков. Через амбразуру зловеще выглядывала пушка, между зубцами на башнях стояли стрелки с заряженными ружьями. Такова была первая встреча защитников с генералом. Впереди ворот стояли разрушенные сакли, валялись обгорелые трупы, окруженные голодными собаками. Тяжелый смрад от трупов, едкий запах гари — все вместе напоминало о тяжелых пережитых днях. Лошади фыркали, становились на дыбы. Наконец угол завала был очищен; генерал подъехал к саперам и слабосильным 9-го батальона; тут же стояли Назаров, Шеметилло. Генерал долго с ними говорил, но тихая их беседа не слышна была: здесь, впереди и сзади, гремело восторженное «ура!» как оставшихся в живых, измученных и голодных защитников, так и тех, которые явились изба-

вителями — то было братское задушевное свидание сроднившихся в боях и походах туркестанцев...

Вся долина Зарявшана с трепетом ждала наступления грозы.

Шахрисябцы сидели в своем гнезде смирно, самаркандцы явились с повинной; эмир, по слухам, скрылся в пески Кызыл-Кум. Через неделю привезли от него письмо, которое оканчивалось такими словами: «Теперь мне остается только одно: собрать все войско, оружие и пушки, отдать все это Белому Царю и просить, чтобы он позволил мне отправиться в Мекку на поклонение. Я чувствую, что смерть моя близка». Так как Белый Царь не желал новых завоеваний, то мир был скоро заключен. Самарканд и Каты-Курган остались за нами; эмир обязался заплатить все военные издержки, что составило полмиллиона рублей, освободить всех невольников, дозволить русским поданным у себя торговать, заводить конторы, держать приказчиков и строить караван-сарай.

Заключенный с бухарцами мир поддерживается до сих пор.

В конце июня того же 1868 года вновь занятый край получил название Зарявшанского округа, начальником которого был назначен Александр Константинович Абрамов. Этот доблестный генерал, ходивший всегда во главе туркестанских войск, не только управлял вверенным его попечению населением как мудрый и попечительный хозяин, но умиротворил всю долину Зарявшана, укрепив таким образом и власть эмира. В двукратном походе он подавил восстание старшего сына эмира Катты-тюря, против своего отца, потом овладел в пользу эмира непокорным Шахрисябом, перед 80-верстной стеной которого бухарцы всегда оказывались побежденными. Шахрисябские беки Джурабий и Баба-бий по-прежнему сохраняли враждебное положение. Их участие в осаде Самарканда осталось безнаказанным, почему они продолжали пользоваться каждым случаем повредить нам: высылали разбойничьи шайки для грабежа ближайших кишлаков, нападали на джигитов и

чиновников, собиравших зякет, причем было убито два казака и двое ранено. Лучшим временем для нападения на разбойничье гнездо считался август, когда жители заняты уборкой хлеба и по мелководью нельзя затопить окружающую местность. Главное же условие успеха — чтобы нагрянуть внезапно, как снег на голову. Это последнее вполне удалось Абрамову, выступившему в начале августа совершенно скрытно, двумя отдельными колоннами.

По ту сторону гор (Гисарских), приблизительно верст за 100 от Самарканда, бежит речка Кашка, направляясь к Аму. Среди ее притоков, в долинах, основалось много мелких владений, испытывавших в свое время и хорошее, и худое. Недаром Александр Македонский провел тут три года. Расположенный в конце горного прохода Самарканд-тау, Шахрисябз состоит из двух укрепленных городов: Китаба, выше и Шехра, ниже, окруженных некогда одной общей стеной, но теперь сильно поврежденной. Эти города отделены один от другого обширными садами, отчего они как близнецы и получили свое название Шахрисябза, что значит «город, утопающий в зелени». Шехр с его 90 мечетями, купола и минареты которых гордо возвышаются над кучами домов, больше, чем Китаб; в обоих городах считалось в ту пору 35 тыс. жителей. 600 лет тому назад на месте нынешнего Шахрисябза находилась деревня Кеш, где родился Тамерлан (1335 г.). Грозный властитель Средней Азии хотел было основать в родном селе свою столицу и построил там множество больших зданий; однако впоследствии нашел более удобным Самарканд, как выгоднее расположенный среди его обширного царства. От Тамерланова дворца «Ак-серая», считавшегося одним из чудес света, осталась только башня и два огромных столба, поддерживавших высокий стрельчатый свод входного портика. Стены еще доселе блестят обшивкой из белого и голубого фарфора, украшенного арабесками, испещренного надписями. Сохранилось сказание, что с этой самой башни бросились разом 40 придворных, чтобы подхватить бумагу, которую ветер вырвал из рук их повелителя.

Население Шахрисябзя, главным образом из узбеков, прославилось своей храбростью, стойкостью, а женский пол красотой. Река Кашка, орошающая их сады, служила жителям лучшей защитой: подвижные плотины позволяли в любое время наводнить на далекое пространство всю местность, окружающую города и крепость. Бухарцам, несмотря на многократные попытки, ни разу не удавалось побывать в городских стенах. Между прочим, долина Кашки в изобилии производит разного рода хлеб, табак, хлопок, пеньку, фрукты, овощи; пласты каменной соли идут отсюда в Самарканд, где другой соли не знают.

12 августа отряд Абрамова приблизился к крепости. За 350 саженой с высоты кургана Алимбек Абрамов рассмотрел внимательно крепость и указал места для пробивания брешей. Неприятель сейчас же открыл огонь, чем сразу обнаружил свою защиту и дал возможность сосчитать его орудия. В то же время выскочила из садов толпа конницы, но ракетные станки быстро ее разогнали. Наступила теплая ночь. Штурмовые колонны, соблюдая тишину, приблизились к крепости: правая под начальством Михайловского, — из 3 рот, 5 орудий, 3 ракетных станков, — приступила к постройке брешь-батареи за 220 саженой от крепости; левая колонна Соковнина, — такого же состава — за 80 саженой. Лестницы, туры, фашины — все принесли с собой. К кургану Алимбек был назначен небольшой резерв, под начальством есаула Принца; за 2,5 версты, в садах Урус-Кишлака, было оставлено для охраны обоза и парка (повозки со снарядами) 2 роты и 20 казаков под начальством поручика Гомзина.

На рассвете обе батареи открыли огонь; неприятельская стена также загорелась живым огнем: 80 орудий, сколько-то фальконетов били прямо на батарею Соковнина. Этот ветеран кавказских войн, уже носивший в груди смертельную рану, получил еще две тяжелые раны, от которых вскоре скончался. На этой же батарее был ранен и сам Абрамов пулей в живот⁶.

⁶ Абрамов скончался в 1886 г.

К вечеру правая брешь была почти готова, и Абрамов, дорожа каждым часом, решился штурмовать одной правой колонной, не ожидая, пока будет сделан другой обвал; левая же колонна должна была занять стену уже тогда, когда Михайловский проникнет в город. В 3,5 утра левая брешь-батарея загремела, а в это время роты Михайловского, с шанцевым инструментом и ракетными станками, незамеченные подошли к самой стене. Неприятель открыл пальбу, когда наши уже переходили последний рукав речки Кашки. Под градом пуль солдаты поставили лестницы и полезли наверх: как только блеснули на стене штыки, шахрисябцы побежали. Абрамов сейчас же послал казаков разломать ворота «Раватак», что было исполнено в 10 минут. Через четверть часа и левая колонна показалась на стене, не встретив здесь большого сопротивления. Теперь обе колонны, соединившись, пошли вместе по направлению к китабской стене. В узких улочках, между садами, растерянные шахрисябцы метались как угорелые и впотьмах натыкались на наши войска, так что кончалась одна схватка, начиналась другая — все холодным оружием. Дойдя до просторной площади на перекрестке улиц, отряд остановился в ожидании рассвета; горевшие кругом склады клевера освещали незнакомую местность. Несколько дальше, у ворот Китаба, наши были встречены ружейным огнем; после нескольких залпов картечью и гранатами стрелковая рота 3-го батальона смело бросилась на стену левее ворот и открыла их. Войдя в город, отряд беспрепятственно дошел до брошенной цитадели, не сделав ни одного выстрела. В 8 часов утра доселе неприступная твердыня была в наших руках. Утомленные войска не могли в тот же день занять другой город, Шарь, откуда вскоре явилась депутация с изъявлением покорности. По показаниям пленных, защитников было 8 тыс., но беки могли выставить 13 тыс., если бы знали заранее о движении Абрамова. В таких именно силах они всегда отбивались от полчищ бухарского эмира. На другой день Абрамов посетил город Шарь; жители встретили его за три версты. Абрамов объявил им, что Шах-

риисябз будет передан их законному государю, бухарскому эмиру, и пусть они, возвратившись домой, спокойно ожидают назначения новых беков. Действительно, на другой же день явились новые беки с 1,5 тыс. всадников, которые и были водворены в новом владении. Беки Джурабий и Бабабий успели убежать в Кокан, но там были схвачены и выданы русским властям.

Усмирение Шахрисябзя, не признававшего ничьей власти, еще раз показало несокрушимую силу русского оружия, а немедленное его возвращение бухарскому эмиру — нежелание нашего миролюбивого монарха расширять без надобности свои и без того обширные владения.

Рядом с умиротворением шло обстоятельное изучение нового края. Русские войска, под начальством того же Абрамова, исходили ледники Зарявшана; они то поднимались в горы, то спускались в глубокие ущелья, где никогда не ступала нога сарбаза. Горные воинственные племена смирились, признали власть эмира, а русские ученые воспользовались этими экспедициями, чтобы исследовать неведомый и богатый край. Воин, купец и ученый — каждый внес свою лепту, чтобы на далекой окраине русской земли население, жившее прежде лишь грабежом и насилием, зажило теперь мирным трудом, благословляя наступление новых, более счастливых времен.

Хивинский поход 1873 года

I

По счету это был третий поход в Хиву.

Как во времена Перовского, так и теперь Хива могла выставить для своей защиты до 40 тыс. войска, но она страшна была не этим, а страшна окружающими ее безводными пустынями, по которым проходили лишь караваны, да и то с опаской, потому что подвергались нападениям шаек, живших грабежом. С падением Бухары мы приблизились к Хивинскому оазису настолько, что уже можно было подумать свести старые счеты с этим коварным врагом. Наши громкие победы на берегах Сырдарьи и Зарявшана, падение таких городов, как Ташкент и Самарканд, нисколько не образумили хивинцев. Они, помня наши прежние неудачи, ежегодно появлялись шайками среди подчиненных нам киргизов, вымогали подати имени хана, а в случае сопротивления разоряли целые аулы. За два года до похода 1873 года, благодаря таким же шайкам, сообщение между Оренбургом и Ташкентом прекратилось вовсе: убивали проезжих, тащили русских людей в неволю, грабили караваны. Дерзость хана дошла до того, что он или вовсе не отвечал на письма туркестанского генерал-губернатора, или отвечал ему надменно, точно владыка мира. Когда же до него дошли слухи, что русские готовятся к походу, хан испугался и собрал на совет старшин от всех племен, спрашивая, что ему делать, если нагрянут русские. Большинство старшин отозвались, что хану не под силу бороться с русскими, хотя бы он собрал всех подчиненных ему кочевников. Тогда кто-то присоветовал пригласить на

совет старшего муллу мангышлакских туркмен, человека бывалого и знакомого с русскими; его звали Нур-Магомет.

— Хочу знать, — сказал ему хан, — что ты посоветуешь нам теперь делать? Твой отец был всегда лучшим советником моего отца; надеюсь, что и ты дашь мне хороший совет.

— Поздно уж теперь, — ответил Нур-Магомет. — Многие десятки лет могущественнейший в мире змий лежал к вам хвостом, голова же его была далеко на западе. Что же вы делали в это время, вы, едва заметная глазам мошка? Вы, как моль, точили его перья на хвосте и даже дерзнули держать его детей в неволе. Много раз я вас вразумлял: вы не хотели меня слушать. Теперь же, когда могучий змий повернул к нам свою голову, когда одно его дыхание может всех вас уничтожить, вы спрашиваете меня, что делать? Самое лучшее — идти к русским с повинной...

— Я и сам так думаю, — сказал хан, — но не знаю, примут ли русские моего посланника, если я пошлю его просить мира.

— Великий государь не отвергнет мира, — заметил Нур-Магомет.

Хан действительно снарядил посла к великому князю Михаилу Николаевичу, бывшему тогда наместником Кавказа. Прежде чем допустить этого посла к великому князю, от хана потребовали, чтобы он немедленно освободил всех русских невольников и оправдался перед туркестанским генерал-губернатором. Три недели толковал хан со своими советниками: кто стоял за мир, другие, в том числе его первый министр, Диван-Беги-Маш-Мурад, советовали отказать русским в их требовании. Хан послушал этого неразумного совета, и тогда-то состоялось высочайшее повеление о новом походе. На долю нашего кроткого монарха императора Александра Второго выпало сделать обширнейшие завоевания в Средней Азии, а теперь предстояло еще исполнить завет Петра Великого, который, умирая, приказал своим преемникам отомстить Хиве, наказать это гнездо разбойников, не признававших ни божеских, ни человеческих законов.

К походу готовились исподволь, заблаговременно. Отдельные небольшие отряды углублялись в степь, чтобы запастись верблюдами, а главное, чтобы разузнать кратчайшие и более удобные пути и, кроме того, расположить к себе кочевников, среди которых уже рыскали ханские посыльщики. Решено было наступление на Хиву произвести одновременно с четырех сторон, на тот случай, что, если один отряд потерпит неудачу, остальные доведут дело до конца. Отряды были снабжены всем необходимым, начиная с двухмесячных запасов довольствия и кончая кошмами для подстилки. Тем не менее хивинский поход считается одним из самых трудных в военной истории. Наиболее тяжкие испытания довелось вынести красноводскому и туркестанскому отрядам.

Красноводский отряд собирался в Чикишляре на берегу Каспийского моря, куда заранее были перевезены с Кавказа войска и согнаны верблюды, собранные по берегам реки Атрек. От бескормицы верблюды оказались очень слабы, почему состав отряда был доведен до возможно малых размеров: 12 рот кавказской пехоты, 400 казаков, 16 орудий, ракетная команда и саперы, а всего 2200 человек и 500 лошадей, — под общим начальством полковника Маркозова, кавказского служаки. Путь им предстоял дальний, 800 верст, в том числе более 700 верст пустыней. Благословясь, головной эшелон выступил из Чикишляра 19 марта и сразу же углубился в песчаную пустыню. Отряд должен был двигаться частями, позшелонно, делать в день по два перехода, один утром, другой вечером, перед ночлегом, у колодцев долго не стоять, сберегая корм для последующих эшелонов. Тем не менее половину пути отряд Маркозова прошел благополучно. Но недели через две наступила жара, какой по времени нельзя было еще ожидать. Вместо песчаных бугров начались высокие крупные холмы известковой пыли, покрывавшей густыми облаками все окрестности. Люди и животные задыхались на ходу; запасная вода быстро испарялась, а в свежих бурдюках портилась, издавала неприятный запах.

Но переходы не так еще были утомительны, как уход за верблюдами: придут на привал, сейчас же отрягается команда отогнать верблюдов на пастбище; животные разбредутся на несколько верст — надо за ними бегать по сыпучему песку, между буграми, и это в самый солнцепек, когда сдавлена грудь, сохнет горло и язык. Тем не менее, хотя с трудом и малыми частями, но в половине апреля отряд Маркозова стянулся у колодцев Игды, за 450 верст от Чикишляра. Дальнейший путь также пролегал по безводной пустыне, но в отряде никто не знал, как велико расстояние до ближайших колодцев Ортакуй. В степях расстояние измеряют мензилями, т. е. переходами, но каждый считает мензиль по-своему: 20, 30 верст и более, как кому вздумается. Проводники говорили, что до следующих колодцев 3 мензиля, и наши поняли так, что верст 60, не более 70, почему Маркозов и распорядился, чтобы конница прошла это пространство с одним ночлегом. 18 апреля в 12 часов ночи казаки сделали 20 верст и на другой день обогнали первый эшелон пехоты, выступивший раньше. На этом переходе они потеряли последние силы. Жара стояла страшная; к полудню термометр показывал 52 градуса, после чего лопнул. Лошади едва двигались: их большей частью вели в поводу; каждая сотня растягивалась на 2, на 3 версты. Вечерний переход был еще тяжелее, и люди вязли по колено в известковой пыли, стоявшей густым облаком и застилавшей глаза; во рту какая-то каша, нос буквально забит. Сквозь эту непроницаемую мглу солнце казалось неподвижным, раскаленным ядром, лишенным лучей. Обессиленные казаки сваливались в изнеможении с седел; шедшие пешком останавливались. Многим надо было подать медицинскую помощь, причем особенно благотельно действовал коньяк: глоток, даже несколько капель оживляли каждого, хотя на короткое время. В полночь главный наш проводник Ат-Мурат выразил сомнение, не сбился ли он с пути. Маркозов остановил казаков и послал Ат-Мурата с фейерверкером Гайнулой, из татар, разведать дальнейший путь. Прошло му-

чительных три часа. Ночь была невыносимо душная; многие не могли сказать слова; воды при колонне не оставалось ни капли. Тогда стало очевидно, что двигаться вперед безрассудно; если же повернуть назад, то можно было рассчитывать напиться воды у пехоты. Маркозов так и сделал: казаки повернули обратно, а в задние эшелоны было послано приказание вернуться к колодцам Игды. Обратный путь был еще ужаснее. С восходом солнца жажда усилилась; лошади падали уже десятками; люди бросали фураж, сухари, одежду, патроны, даже ружья, дальше стали раздеваться, швырять одежду. Одни зарывались в песок, чтобы из глубины вдохнуть воздуха; другие, в забытьи, бродили по сторонам, точно отыскивая воду. Наконец часов в 11 казаки добрались до кабардинского лагеря, где им дали по крышке воды. Отсюда их повернули в сторону, к колодцам Бала-Ишем.

В пехоте было эти дни не лучше. Во главе первого эшелона шла сборная рота, составленная из самых выносливых людей, которые могли бы подать своевременно помощь коннице, но на втором переходе и здесь осталось не более шести человек, способных нести службу; остальные или разбрелись на поиски, или лежали в изнеможении и просили пить, а 7 человек свалились без чувств. За ними ухаживал священник Бекаревич, чем и спас их от явной смерти. Только вечером того же 19-го числа доставили воду из колодцев Бала-Ишем, а на другой день сюда передвинулся и весь первый эшелон. Возвратившиеся с последней казачьей стоянки Ат-Мурат и Гайнула сообщили, что до колодцев Ортакуй оставалось не более 10 или 15 верст.

Воды в колодцах Бала-Ишем оказалось в изобилии. Целый день подавали помощь людям, обессиленным от жары; упадок сил был тем больше, что в эти ужасные дни почти никто не ел. Все понимали, что идти дальше нельзя. Отряд оставался без посуды, лошадей и верблюдов, без провианта. Кавказцам угрожала гибель на длинном безводном пути до Змукшира. После долгого размышления и совещания с офицерами Маркозов отправил в задние эшелоны такую

записку: «Кавалерия наша почти вся легла; безводье здесь поразительное, дальше идти нельзя. Прошу отступить к колодцам Игды, откуда выслать навстречу воду. Отступая, старайтесь помогать друг другу». Эта записка произвела в рядах солдат потрясающее действие. Как ни тяжел был пройденный путь, но еще тяжелее было узнать, что все труды, лишения пропали даром! Солдаты, выслушав записку, продолжали идти вперед; надо было остановить их, потом повернуть кругом, скомандовать: «марш!», и тогда только они повернули назад. При выступлении с колодцев Бала-Ишем более 200 человек пришлось положить на верблюдов. В средних числах мая отряд Маркозова возвратился в Красноводск. Пройденный путь обозначался трупами палых верблюдов, баранов и лошадей, распространивших зловоние. Лошади все погибли, верблюдов уцелело менее половины: из 3 тыс. — 1400. Как увидим после, Маркозов поступил совершенно разумно, возвратившись назад.

II

В лагере, собранном у Киндерлийского залива, весело встречали предстоящий поход. Кавказцы были так настроены, как будто собрались на веселую пирушку. Музыка не умолкала ни днем ни ночью. В день Пасхи, после заутрени, все собрались у начальника отряда полковника Ламакина, возле кибитки которого были расставлены столы с пасхальными яствами для солдат и офицеров. В ту пору прошел слух, что состав отряда будет уменьшен. Казаки и офицеры со слезами просили Ламакина не наказывать их, взять всех в поход: «Мы сами пойдем пешком, потащим на лошадях на полмесяца овса, лишь бы нас взяли». В рядах дагестанского конно-иррегулярного полка находились старики, украшенные Георгиевскими крестами, сподвижники Бартинского, укротившего Шамиля. Эти люди не нуждались в обозе: несколько фунтов муки и чеснок — вот весь запас, с которым дагестанец проходит сотни верст. Пехотные

солдаты твердили свое: «Бог даст, не посраим свой полк!» Тут были представители старых кавказских полков, вынесших на своих плечах кровавые войны восьмью десятилетиями. Ламакин не устоял, сдался: состав отряда был оставлен такой же, как и у Маркозова, только орудий несколько меньше, всего шесть. Когда пригнали первую партию верблюдов, кавказцы, никогда их не видавшие, бросились из лагеря все до последнего навстречу странным животным, по виду свирепым, на самом же деле довольно кротким. Сначала никто не решался к ним подойти, но потом нашлись смельчаки, стали даже их трогать. Тощий и голодный верблюд зол; он ревет, если к нему подходит посторонний человек, а если тронет, то непременно обрызжет его жвачкой, что на себе и испытали наши смельчаки. Много им пришлось впоследствии повозиться с верблюдами, пока они с ними свыклись, стали терпеливо, с лаской обращаться, вовремя облегчать или поправлять груз, давать вздохнуть им. Впрочем, иногда и самый здоровый верблюд, без выюка, ляжет, и уж ничем его не поднять. Тогда солдат становился перед ним на колени и усердно отвечивал поклоны, но когда и это средство не помогало, то вскакивал и принимался бить верблюда, приговаривая: «А, и просьбы не слушаешь! Так вот же тебе!»

Из проводников один только киргиз, по имени Кобак Ермамбетов, знал путь в Хиву. Он вел войска всем на удивление, по прямехонькой линии. Был еще проводник Кал-Нияз Туркестанов, которого с пути отправили в Хиву с почтой. Он сбился с дороги и, чтобы утолить мучительную жажду, зарезал обеих лошадей; когда кровь иссякла, он зарыл почту в песок, повесил на палке свою шапку, чтобы можно было разыскать пакеты, и затем спокойно умер. Вообще, в хивинском походе между проводниками были люди, нам преданные и в то же время пылавшие мезьей к Хиве, где у них томились в неволе отцы, братья или дети.

14 апреля на песчаном пустынном берегу моря войска киндерлийского отряда, выстроенные покоем, благоговейно слушали напутственный молебен. «Мы идем за святое

дело, — говорил в напутственном слове отец Андрей Варшавский, — выручать из неволи наших братьев. И Христос сказал: "Нет выше любви к ближнему, как положить за него душу свою"». В тот же день первый эшелон выступил к колодцам Он-Каунды. Солдаты зашагали быстро, налегке, в гимнастических рубашках; кроме ружей, они имели при себе запас сухарей на 4 дня, мундир, шинель и сапоги.

Офицеры могли взять с собой несколько смен белья, мундир, пальто, запас чаю, сахару и табаку; о походных кроватях никто и не помышлял; сам Ламакин спал на простом войлоке; пищу ели все из солдатских котлов.

Хорошо идти, когда верблюды сильны, седла на них исправны, вьюки пригнаны ловко и солдаты знают свое дело. Нет тогда ни остановок, ни падений, ни перетаскивания тюков, не слышно рева животных, перебранки людей, разве при захождении солнца, когда киргизы забывают все на свете, чтобы сотворить вечерний намаз. Тогда передовой верблюд останавливается и начинает пощипывать травку, за ним другой, третий. Все сбивается в кучу. Унтер-офицер, приставленный к ротным вьюкам, заметив беспорядок, подбегает к вожжаку и торопит его кончать молитву: «Верблюд, работай!» — говорит он ему. Киргиз не обращает никакого внимания. «Ты ведь на службе царской! — уже кричит унтер-офицер. — Верблюд, работай!» Дело кончается тем, что вожжака берут за шиворот и водворяют на место. В остальное время тишина: ни говора, ни песен, ни шума. Иногда раздастся солдатский голос: «Нуда и забрался этот хивинский хан в проклятую сторонушку!» Офицеры идут по своим местам; если сойдутся двое-трое, то начинается разговор. Один говорит, что, как придет в Хиву, первым делом припадет к пресной воде; другой мечтает поесть свежего хлеба; третьему надоела баранина... Вдруг колонна оживилась: выскочил из норки тушканчик. Сейчас же нашлись охотники за ним гнаться. Крик, гиканье не умолкают до тех пор, пока прыгунчик не скроется или не будет пойман. Это «красные» дни похода, каких на долю киндерлийского отряда выпало не много. Уже на третий

день похода с раннего утра поднялся удушливый ветер. Несмотря на это, 1-й эшелон прошел положенные 20 верст. Стали на привал. Жгучее солнце, поднимаясь все выше и выше, накаляло мертвую пустыню, расслабляло все живое, все, что имеет способность двигаться. Роздали солдатам сначала по три чарки воды, потом еще по две; в запасе оставалось немного, а до ближайших колодцев Сенек не менее 50 верст. Тогда Буровцев, начальник колонны, отрядил на всю ночь капитана Усачева с ротой солдат и Сушевского-Ракусу с сотней кизлярцев, чтобы они выслали воды навстречу. Вечером тронулась и колонна. Солдаты с места начали уставать, потом все чаще и больше. Офицеры несли на себе их ружья, амуницию, делились с ними водой, мятными лепешками. Кое-как к полуночи собрались все на бивак. Запас воды оставался только в двух ротах. В лагере никто не спал; солдаты бродили, как тени; многие, побродивши кругом лагеря, окружили Буровцева и молча, со вздохами и умоляющими взглядами, ожидали от него помощи. У некоторых появились признаки холеры. Канонир Василий Иванов помешался: он бегал по лагерю и своим бредом наводил на всех ужас. Положение отряда казалось безнадежным. Все упования возложили на Господа Бога. Часа за два до рассвета музыкант принес чайник воды, стакана два, и сказал Буровцеву, что купил за 2 рубля у какого-то проводника. Стали разыскивать этого проводника, даже делали по указанию музыканта обыск, однако не нашли ни воды, ни денег. В надежде встретить казаков, колонна поднялась часа за два до рассвета. Шли, едва передвигая ноги. С восходом солнца задул знойный ветер, точно из плавильной печи. Со всех сторон начали раздаваться стоны; хриплые голоса умоляли дать водицы; те, которые еще сохраняли силы, вырывали из глуби песок, сосали его почернелыми губами, обкладывали грудь, горло, голову. Все освежающие напитки, капли, лекарства из походной аптеки — все было роздано. Начались солнечные удары. Надо много труда, чтобы привести в чувство такого больного: ему силой раскрывают рот и по капле вливают воду, пока

не начнет работать желудок. Во время этой суматохи один солдатик забрел куда-то далеко и наткнулся на лужу дождевой воды. Буровцев сейчас же послал владикавказскую сотню с оставшейся посудой. Действительно, часа через два казаки привезли 10 ведер какой-то белой грязи, благодаря чему колонна прошла еще верст пять. Тут явились киргизы, посланные с приказанием ускорить доставку воды, и объявили, что следом за ними едут и казаки Ракусы-Сущевского. Не прошло двадцати минут, как показался на горизонте хорунжий Кособрюхов: он неся в карьер, держа высоко над головой бочонок с водой; вслед за ним скакало человек 20 с бурдюками, бочонками, бутылками. Раздались радостные крики: «Вода, вода!» Колонна была спасена.

Буровцев с офицерами сами раздавали воду, по порядку, причем многие пускались на хитрость: выпьет, обойдет офицера сзади и опять станет в шеренгу. По мере того как люди набирались сил, их частями отправляли дальше; самых слабых довели до колодцев Сенек на верблюдах. Больных оказалось 150 человек, в том числе 8 безнадежных.

Солдаты прозвали переходы 17 и 18 апреля «мертвыми» станциями.

К бедствиям жажды присоединялись обманы зрения — явления, обычные в пустыне и известные под именем миража. В то время когда отряд тянется по раскаленному песку, глазам чудятся впереди быстро бегущие ручейки, озера и по берегам их ветвистые деревья. Менее опытные пускаются бежать с манерками, чтобы зачерпнуть водицы. Бывалые всячески их удерживали, говоря, что это «черт смущает». В полдень 17 апреля показалась какая-то партия вдали. «Колонна, стой!» — скомандовали. Построили каре, сложили впереди вьюки, за ними рассыпали стрелков, в середину каре поместили верблюдов, орудия зарядили гранатами. В такой готовности простояли около часа, и все исчезло. От начальника колонны до последнего лауча (верблюдожоватого) все были уверены, что видели неприятеля, но оказался мираж.

На 13-й день пути отряд вступил на Усть-Урт. Это оказалась ровная поверхность — ни холмика, ни впадины, точно безбрежное море, где глазу негде остановиться. Кое-где попадалась полынь да кустики гребенщика и саксаула; ни зверя, ни птицы. Дожди тут бывают редко, погода всегда ясная. Человек, вступивший впервые в эту часть пустыни, невольно содрогнется от мысли, что ему никогда из нее не выбраться. Солдаты говорили, что здесь обитает сам черт: кто же другой станет морочить людей призраками ручейков или деревьев? Колодцы здесь попадались глубокие, до 30 сажений. У каждого колодца одна и та же история: как только набегут передние солдаты, сразу опускается около десятка разных посуды. Давка страшная. Веревки путаются, посуда или остается в колодцах, или вынырнет наполовину и даже вовсе пустая. Через некоторое время подходят верблюды с вьюками, а с ними и ведра. Тут уже ставят караул, под начальством офицера, после чего соблюдается очередь: раздают воду порциями по одной, по две крышки, смотря по запасу воды, по величине перехода. Случались колодцы, где каждая капля воды была на счету. Вообще же не брезгали и самой плохой: «Была бы только мокрая», — говорили солдаты. Обитатель пустыни лучше других знает цену воды. Он говорит: «Капля воды, поданная жаждущему в пустыне, смывает грехи за 100 лет». Недаром сооружение колодца считается делом богоугодным и имена строителей увековечены: колодцы называют их именами.

В ночь с 10 на 11 мая передовой отряд последний раз ночевал на Усть-Урте. Ночь была холодная, в колодцах вместо воды оказалась соленая каша. Почти все продовольствие было израсходовано; оставалось немного джугары, которую толкли камнями и из этой муки пекли лепешки. Такие лепешки продавались по рублю. Когда утром спустились на дно высохшего озера Айбугир, то прежде всего стали попадаться птицы, затем небольшие ивы, наконец, наткнулись на киргизское кочевье. Кругом вдали пасся скот, лошади; ближе к аулу — бараны. Киргизки повылез-

ли из кибиток и с изумлением смотрели на пришельцев; старики поднесли Ламакину вместо хлеба-соли айран, или кислое молоко. Вскоре открылся настоящий базар: появилось молоко, ячмень, рис, баранина, живой скот. После стольких лишений наши лакомились теперь пилавом на бараньем жиру, рисовой молочной кашей и прочими азиатскими блюдами. Не были забыты и лошади: несчастные животные, завидя торбы с ячменем, срывались с коновязей, бились, кусались, рвали торбы на куски.

За деревней Айран глаз, привыкший за 1,5 месяца к однообразию мертвой пустыни, отдыхал на окружающей зелени полей и деревьев. Это был уже оазис. В канавах, орошавших сады, солдаты в первый раз утолили жажду водой из Амударьи, и никогда вода не казалась так вкусна, как в ту пору. Еще дальше, в Кунграде, встречались обработанные поля пшеницы, сорго, риса, хлопчатника, кунжута, и все это было изрезано канавами подобно мелкой сети.

Лошадей и скот кормят там люцерной, которую за девять месяцев, с марта до ноября, снимают до шести раз — такова производительность почвы. За полторы версты от Кунграда кавказцы увидели оренбургского казака, стоявшего на пикете. Сытый конь, полное лицо и чистая одежда казака удивили кавказцев, оборванных, на худых заморенных лошаденках. Кунград оказался уже занятым русским гарнизоном из отряда генерала Веревкина, вступившего раньше в оазис. 14 мая за 25 верст от Кунграда оба отряда благополучно соединились.

Войска оренбургского отряда, в составе 9 рот линейцев и 9 сотен казаков, шли старым, уже изведанным и самым длинными путем — на Эмбу и далее на Кунград. От Оренбурга до Кунграда считается 1200 верст, а собственно до Хивы 1400. Выступили они рано, по зимнему пути, в сопровождении большого верблюжьего транспорта. На случай буранов за войсками везли 400 войлочных палаток; до Эмбы и далее до Усть-Урта солдаты шли в полушубках с меховыми воротниками и в валенках, обшитых кожей. На остальном пути они не терпели такой жары, как кавказцы,

почему и вступили в оазис со свежими силами, при самых малых потерях.

На другой день генерал Веревкин приветствовал кавказские войска и благодарил их за славный поход. Он не заметил ни усталости, ни изнурения, больше всего удивлялся простоте их быта, изумительной выносливости. Рубахи у солдат едва держались на плечах, офицерские кителя были обрамлены бахромой; некоторые ходили в башмаках. Плечи у пехотинцев покрылись ссадинами и струпьями, а лица загорели до такой степени, что ничем не отличались от киргизских рож. Но это не портило общего вида. Напротив, бодрость солдат, казаков, горцев, их воинственная выправка, неумолкаемые боевые песни и загорелые лица были так внушительны, что казалось, для них нет ничего невозможного. Войска закалились: их ничто уже не страшило. «Чувствую глубокое удовольствие и горжусь честью хотя временно командовать такими войсками», — писал Веревкин князю Меликову на Кавказ.

Дальнейшее движение соединенных отрядов вплоть до столицы было победоносным шествием, потому что войска шли окруженные толпами конных хивинцев. Собственно жители попутных городов не желали драться и охотно сдавали оружие. Защита страны ограничилась высылкой конных полчищ, числом до 6 тыс., которые боялись огня пехоты, еще пуще боялись наших ракет и никогда не выдерживали натиска казаков. Между прочим, мосты через арыки на пути следования оставались целы, высокие стены садов не были приспособлены к обороне. Такая небрежность и незнакомство с военным искусством избавили нас от многих хлопот.

III

В то время, когда кавказцы наступали на Хиву с востока, а оренбургский отряд с севера, главный отряд, туркестанский, под начальством самого Кауфмана, был направлен двумя отдельными колоннами — одна от Казалинска и

другая от Джизака. По составу этот отряд был больше других, именно 5250 человек и 1650 лошадей, под тяжестью 10 тыс. верблюдов. Претерпевая те же беды, и холод, и зной, особенно в песках Кизыл-Кума, обе колонны в конце апреля соединились у многоводных колодцев Хал-Ата. Отсюда до Аму оставалось 120 верст: один переход до колодцев Адам-Крылган в 40 верст и другой до Аму, совершенно безводный, в 80 верст. Здесь же были получены сведения, что хивинцы готовят впереди встречу. Как только стало это известно, Кауфман выслал 3 роты с 50 казаками занять колодцы Адам-Крылган, а в ночь на 30 апреля поднял и весь остальной отряд. Глубокие сыпучие пески настолько измучили лошадей, что солдаты должны были тащить орудия на руках, при помощи лямок. Ровно через сутки одолели и этот переход. Колодцы Адам-Крылган, что значит «человеческая гибель», находятся среди барханов белого песка, без всяких следов растительности. Эта стоянка, верст на 60 кругом, считалась всегда самым страшным местом пустыни: здесь погибали не только караваны, однажды погибло целое бухарское войско.

Оставался последний переход, опасный уже потому, что каждую минуту можно было ожидать встречи с неприятелем. После суточного отдыха, в час ночи на 3 мая ударили подъем. Люди, лошади, орудия утопали в песке. Расчет был такой, чтобы в два перехода достигнуть Аму, но наступившая жара сразу изменила все расчеты. Отряд шел, а полз, переваливая с одной, песчаной гряды на другую. Более 200 верблюдов осталось позади на расстоянии каких-нибудь 20 верст, солдатам пришлось нести на руках порох и снаряды. Несколько раз генерал, желая ободрить войска, пропускал их мимо себя, опять их обгонял и опять пропускал.

Головная часть отряда стала на привал в 10 часов утра, а арьергард подошел лишь в 5 часов вечера; конница еле дотащилась ночью. На этом привале сожгли все излишние тяжести, все, без чего можно было обойтись: офицерские палатки, в том числе и палатку генерала, походные крова-

ти, мундиры, белье, запасные сапоги, крупу, штурмовые лестницы; часть понтонов зарыли в землю. Затем оставалось решить роковой вопрос: что же делать дальше? Продолжать движение при суточном запасе воды значило погубить отряд; отступить — еще хуже, просто позорно: исчезла бы вера в неодолимость русских, и тогда вся Средняя Азия поднялась бы как один человек. Как ни жутко приходилось изнуренным солдатам и офицерам, лежавшим теперь в забытии, но положение генерала было в десять раз хуже: он страдал не только за жизнь вверенных ему людей, но за будущее всего края, им сплоченного, им устроенного...

В числе джигитов был один оборванец, самый последний человек в отряде. Он шел отомстить хивинцам, которые умертвили его жену и детей, а братьев и отца продали в рабство. Этот джигит объявил, что найдет воду. Кауфман дал ему походную фляжку и сказал: «Принеси ее, полной воды, получишь 100 рублей». Ему дали лучшую лошадь. В светлую лунную ночь джигит вихрем умчался в пустыню. Прошло два часа, мучительных, страшных. Вдруг гробовая тишина этого живого кладбища сразу была нарушена криками неудержимой радости: «Вода, вода! Джигит нашел воду!» Послышались вопли, многие плакали, другие безумно хохотали. Джигит подал генералу фляжку: вода мутная, невкусная, но все же вода. За 6 верст от караванного пути оказались колодцы, известные под названием «Алты-Кудук» («Шесть колодцев»). В ту же ночь отряд передвинулся на эту стоянку; колодцев оказалось не 6, а только 5, притом очень глубоких; их оцепили часовыми, и началась тяжелая работа. Как ни усердно таскали воду, к вечеру стало очевидно, что всех людей не напоить, не говоря уже о животных. Лаучи, получавшие воду всегда в последней очереди, жалобно вопили: «Су! Су!» («Воды! Воды!») и тут же на глазах всех умирали от жажды. Тогда Кауфман составил военный совет, на котором было решено всех животных отправить назад, на Адам-Крылган, напоить их там и доставить с ними большой запас свежей воды. Так и сделали. Начальство над транспортом поручили генералу

Бардовскому. На третий день прибытия этого транспорта к колодцам Адам-Крылган, как ему, так и всему отряду угрожала новая беда: хивинцы сделали попытку отогнать верблюдов. Известный разбойник Садык, грабивший в степи караваны, собрал на этот раз около 500 туркмен, обошел Алты-Кудук и на самой заре подкрался к верблюдам. К счастью, в отряде Бардовского не дремали и вовремя ударили тревогу. Туркмены нападали смело, решительно. Садык, на чудном белом коне, с хивинским знаменем в руках, гарцевал перед ротами на расстоянии ружейного выстрела. Наши стрелки, вытянувшись длинной цепью, дали несколько залпов, а ракетная батарея окончательно разогнала скопище. Казаки гнались за ними по пескам версты 4 и привели в отряд двух пленников. Им давно хотелось поймать хоть одного туркмена, да все как-то не удавалось. Пленные сейчас же завопили: «Су! Су!» Они три дня не пили, так как все колодцы в пустыне были заняты нашими отрядами. Туркмены показали, что до Аму не более 40 верст и что там ожидают нас 3,5 тыс. хивинцев. Это была первая серьезная стычка, после которой хивинцы упали духом. Как только Бардовский вернулся с запасом воды, Кауфман скоординировал выступление. Это было 9 мая, День святого Николая. Оставался последний переход. Надо было или одолеть его, или полечь костью в пустыне. Солдаты бодро зашагали по этому песчаному морю, они то поднимались на кряж, то спускались в ложину с крутыми спусками, — и все песок, песок. На третий день вечером опять показалось скопище туркмен. Войска построили каре и в таком виде заночевали, оберегаемые пикетами. На рассвете тронулись дальше, но уже в боевом порядке: впереди стрелки, по бокам и сзади сомкнутые части при орудиях. Давши вытянуться, туркмены свернулись, по азиатскому обычаю, в темную тучу и с криком «ур! ур!» стали кидаться, повторяя атаку за атакой. Их встречали то залпами, то перекатной пальбой; по временам кидали гранату, от которой туркмены рассыпались мгновенно. Грозно, в полном порядке отряд продвинулся верст на 10, когда вдали засверкала зеркальная по-

верхность воды, не то реки, не то озера. Радостная надежда осветила лицо главнокомандующего; он перекрестился и свободно вздохнул. Солдаты надбавили шаг, спеша к заветным берегам. Но это оказалась не река, а озеро Сардаб-Куль, у берегов которого стояло хивинское войско, высылавшее в степь разъезды. Раздался выстрел фальконета, картечная пуля провизжала над головой генерала. Наши ответили гранатами; на несколько минут все скрылось в облаках пыли и песка; когда же пыль улеглась, туркмены уже скрылись. Пока все это происходило, ни один солдат не вышел из рядов зачерпнуть в озере воды: такова была выдержка, привычка к повиновению. Объезжая войска, генерал поздравлял их с окончанием похода, благодарил за труды, за молодецкую службу. Никогда, может быть, не были так отзывчивы сердца солдат! Здесь, вдали от отечества, стоял небольшой русский отряд, который два месяца боролся с ураганами и палящим зноем и все это вытерпел, готовый всякую минуту броситься на врага. Со времени Александра Македонского сюда не проникало ни одно европейское войско.

Составили ружья, стали варить пищу, поить верблюдов; бедные животные не пили четверо суток. Кавалерия ушла на разведку. Генерал проехал со свитой к реке, до которой оставалось еще 10 верст. Тихо протекала Аму в своих отлогих песчаных берегах; вода мутная, желтоватая, но на вкус приятная. На отмели реки сидел каюк с десятком туркмен, из числа тех, которых разогнали наши казаки. Уральцы вызвались овладеть этим каюком. Они разделись до рубашек и, держась за гривы лошадей, пустились вплавь. Туркмены, видя беду, прыгнули в реку; половина из них доплыла до другого берега, остальные потонули. Тогда уральцы стащили каюк с мели и вернулись обратно. В каюке оказалось 30 баранов, лошадь и корова. Это была первая добыча в хивинском походе; она досталась на долю лихих уральцев; кроме того, генерал подарил им 100 рублей, а каюк должен был служить для предстоящей переправы.

Утро 18 мая было ясное, не жаркое. Солнечные лучи скользили по широкой речной пелене; на той стороне виднелись густые вязы, фруктовые деревья, из-за которых местами выглядывали серые стены жилищ. Безмолвная и пустынная, раскинулась по речному берегу эта дикая неведомая страна. Зато наш берег кипел жизнью: группы верблюдов, коновязи с рядами лошадей, скачущие казаки, снующие солдаты. На воде — шум, крики, смех! В одном месте тащат в каюк пушку, в другом подгоняют лошадь или нагружают багаж; каюки поочередно отплывали и возвращались обратно. Заправляли всем саперы. Бравый это народ: во время похода они рыли колодцы, спускались на дно, измеряли глубину, а теперь нагружали на этом берегу и разгружали на том. К вечеру переправили 4 роты с двумя орудиями. Со стороны неприятеля не было помехи. И на этом конце своих владений хивинцы показали свою неспособность к защите!

В полночь, когда в отряде царила мертвая тишина, раздалась тревожная дробь барабана. Солдаты мигом бросились к оружию, но то были не хивинцы, то старый Оксус, точно оскорбленный незванными пришельцами, стал вздыхать и мало-помалу готовился всех затопить. Вода поднялась почти на сажень. Среди шума и сумятицы войска должны были перебраться на другую позицию, а поутру уйти вверх еще на версту. Река разлилась так широко, и течение ее было так быстро, что переправа на новом месте шла гораздо медленнее; лошадей пускали вплавь, а верблюдов отправили назад к колодцам, где были оставлены небольшие отряды.

Жители ближайшего городка Мангита вывезли на базар в изобилии муку, овощи, птицу, овец, рис, сахар и чай, пшеничные лепешки, абрикосы и шелковицу; для лошадей — клевер и джугару. Солдаты рассыпались между телегами; кто знал по-татарски или киргизски, тот скоро кончал дело; прочие объяснялись каждый по-своему, кто как умел, знаками, жестами. Хивинцы не хотели брать наших бумажек; за все платили им серебром. Одеты они были

очень грязно, в длинных ватных халатах, без обуви и в высоких мерлушечьих шапках. Народ невысокий, жилистый и худой, с длинными черными бородами и недобрый выразительностью лица. Наши солдат хивинцы несколько не боялись, брали за каждый пустяк втридорога, а прежде думали, вот придет урус, все даром заберет!

Такая сутолока продолжалась три дня; на четвертый день хивинцы прекратили подвоз. После узнали, что ханские войска пригрозили жителям, чтобы они не смели выезжать на базар. Тогда Кауфман выслал на фуражировку и для обозрения местности небольшой отряд при двух орудиях, под начальством Чайковского. Через полчаса пути наши вступили в плодородную страну, где по обе стороны тянулись поля, засеянные хлебом; немного дальше начинались сады, в которых росли всевозможные фруктовые деревья, склонившиеся под тяжестью плодов; высокие столетние вязы простирали свои ветви над небольшими водоемами; над дорогой свешивалась шелковица, усеянная белыми сладкими ягодами. Жилье узбека везде огорожено крепкими высокими стенами, с башнями, по углам и со сводом посередине: здесь — вход, который запирается тяжелой дверью. При каждом доме, под сенью вяза, бассейн чистой воды, где семья узбека проводит весь летний день. Тут готовится пища, и тут же она подается; а женщины, освободившись от стряпни, прядут и сучат золотистые нити шелка. Внутри домов мрачно, темно; стекол нет, свет проходит через большое отверстие в стене. У богатых узбеков дома убраны коврами, яркими циновками, одеялами и подушками. Чайковский сам заходил во дворы и, где хозяева были дома, объявлял, чтобы они везли в лагерь все, что имеют продать, без всякой опаски; если же хозяев не было, там разрешалось брать фураж для лошадей даром. Выйдя из садов, наши увидели под стенами крепостцы толпу туркмен; после 2—3 выстрелов они укрывались за стены Хазар-Аспа — так называлась хивинская крепостца. Постоявши около часа, Чайковский вернулся в лагерь.

На другой день по той же самой дороге выступил весь туркестанский отряд. Хазар-Аспа заняли без выстрела. Это оказалась довольно порядочная крепость, окруженная частью озером, частью садами; стены довольно высокие, с зубцами; по обе стороны громадных ворот — кирпичные башни. Заслышав о походе русских, многие из окрестных жителей перебрались сюда, в надежде, что крепость будут защищать; скопилось их, таким образом, тысяч около шести. Сначала они робели, но когда Кауфман объявил, чтоб продолжали заниматься своими делами, то сейчас же открылся базар. В крепости нашли большие военные запасы, между прочим, старинную карету на высоких рессорах. 27 мая отряд двинулся дальше. По всему пути стоял народ, заявляя свою покорность; в знак мира жители подносили хлеб, абрикосы, иные тащили ягнят, даже баранов. На ночлеге было доставлено от хана письмо, в котором он писал, что хивинцы драться не желают и сдают столицу без боя. Старик, привезший письмо, жаловался, что русские уже берут город, причем убили двух хивинских богатей. Как после оказалось, это был отряд Веревкина, занявший после бомбардировки шах-абатские ворота, причем сам генерал получил тяжелую рану. Первые сведения от него Кауфман получил, когда еще был у берегов Аму. Трое джигитов, посланных из Кунграда с донесением, попали в руки хивинцев. Их привели к хану на суд. «Зачем вы ехали к русским?» — спросили у них на суде. Джигиты ответили, что они ехали не к русским, а в Бухару, собрать деньги за проданных баранов. Однако им не поверили и засадили в тюрьму, а деньги и донесение Веревкина представили в совет. Бумага вместе с кредитными билетами переходила из рук в руки заседавших в совете; никто не мог ни прочесть, ни разобрать, в чем дело. Тогда послали за одним купцом, бывавшим в России. Хитрый старик скоро смекнул, что бумага важная; долго и внимательно он пересматривал кредитки, потом и говорит: «Эта белая бумага ничего не стоит, а весь секрет в цветных бумажках с царскими портретами: их надо беречь, пока найдется человек,

сумеющий прочесть». Под шумок купец стащил донесение и унес его под полой халата домой, а потом с надежным человеком отправил к Кауфману.

Когда стало известно, что кавказцы уже стоят под стенами столицы, генерал послал им приказание прекратить бомбардировку и присоединиться к туркестанцам. На последнем переходе к Хиве повстречалась толпа всадников, на чудесных жеребцах, украшенных богатейшей сбруей и с щегольскими чапраками на седлах. Наши думали, что выехал хан, но оказалось, что это его дядя Сеид-Умар, умный старик, лет 70-ти, одетый в шелковый ярко-зеленый халат и большие белые сапоги с загнутыми вверх концами. Такие сапоги в старину носили наши бояре. Когда все уселись в кружок, Сеид-Умар объявил, что его племянник покинул столицу; однако ни он сам, ни его подданные не желают воевать. Кауфман сказал на это, что он очень огорчен бегством хана; пусть его возвращается в столицу, иначе будет посажен другой хан. К концу этой беседы прискакал офицер и доложил главнокомандующему, что неподалеку стоят кавказцы, готовые к встрече. Через четверть часа показались стройные ряды пехоты, конницы, артиллерии. Полковник Саранчев скомандовал: «Смирно, слушай, на кра-ул!» Музыка апшеронского полка заиграла встречу, генерал начал объезд. Он останавливался перед каждой отдельной частью и благодарил за службу. У ворот Хивы почти одновременно сошлись отряды, пути которых были разъединены на полторы тысячи верст. Тут стояли бородатые уральцы и оренбуржцы, лихие сунженцы, в самых нарядных костюмах дагестанцы, боевая кавказская пехота, обтерпевшиеся в степных походах линейцы... После блестящего смотра солдаты и офицеры всех трех отрядов перемешались, разыскивая друзей или знакомых.

Когда доложили генералу, что его последнее приказание исполнено и пушки со стен сняты, войска построились и двинулись дальше. Вот наконец открылась и Хива, освещенная вечерними лучами солнца, близкого к закату; за ее высокими зубчатыми стенами виднеются верхушки

деревьев, торчат остроконечные вершины минаретов, купола мечетей; посреди возвышается круглая башня, блестящая, как фарфор. Издали столица показалась очень красивой. На улицах и перекрестках уже стояли наши войска; музыка играла вступающим встречу, громкое единодушное «ура!» оглашало воздух. Улицы в Хиве узкие, кривые, покрытые страшной пылью; дома глиняные, темные. У домов и стен толпился народ с хмурыми бронзовыми лицами, в нахлобученных бараньих шапках.

Голова отряда вступила на просторную площадь, к которой примыкал ханский дворец. Здесь остановились пехота и дивизион конной артиллерии; остальное пространство занял народ. Выехал на площадь генерал, еще раз раздалось победное «ура!». Хивинцы сняли шапки...

Народу было объявлено, что он может заниматься своими обычными делами, ничего не опасаясь: «Войско Белого Царя пришло не разрушать, а чтобы водворить в Хивинской земле порядок; все же старые провинности хивинцев забыты». Затем, оставив в разных частях города караулы, войска расположились лагерем версты за полторы от Хивы, в большом тенистом саду, принадлежавшем хану; тут стоял и его летний дворец.

Живописная издали, столица ханства и бедна, и некрасива внутри. Лучшая, но вместе с тем и самая безмолвная часть города та, которая сплошь покрыта садами. Густолиственные вязаы, фруктовые деревья, водоемы и мелкие каналы проточной воды дают здесь приятную прохладу и тень. В остальной части города невыносимо жарко и душно, но зато болеелюдно, особенно у мечетей и на базарах. В Хиве 14 мечетей и 22 медресе, где муллы ведут праведную жизнь и поучают. Самое священное здание — мечеть Полван-Ата. Она стоит в глубине маленького сада и славится красивым куполом, покрытым ярко-зелеными изразцами и увенчанным позолоченным шаром. В этой мечети гробница Полвана, покровителя Хивы. Внутри купол также выложен узорчатыми изразцами, но швы между ними так тонки, что он похож на опрокинутую фарфоровую вазу. Когда

мулла читает молитву, то эхо повторяет в куполе дословно; присутствующие хивинцы думают, что таким путем молитвы правоверных доходят до Аллаха. В углублении стены за медной решеткой стоят гробницы трех ханов, в том числе Шир-Гази, предательски истребившего отряд Бековича. В сторонке от главного отделения, в одной из небольших комнат, стоит гробница Полвана. Тут темно, низко; одно небольшое окошечко освещает серые стены, выложенные изразцами. За мечетью глиняная постройка, разделенная на множество клетушек, занятых слепыми. В крохотных кельях замечательный порядок и чистота; на полочке стоит кухонная посуда, на полу овчина с двумя одеялами и каменный кувшин для воды; в углу прилажена печурка, в которой слепец заваривает себе чай или же готовит себе пищу. Ежедневно обитатели этого дома милосердия получают чай, рис и порцию хлеба; 2—3 раза в неделю им дают мясо; кроме того, их щедро одевают на базарах.

При первой возможности хивинец спешит укрыться от зноя в галерее, где помещается базар. Это та же улица, но прикрытая бревнами, присыпанными сверху глиной. Лавок здесь нет. На одной стороне сидят на помостах купцы с товаром, на другой стороне — цирюльники, мясники, портные и мелочные торговцы. На базаре — все, что производит Хива и доставляют соседи: спелые и сухие фрукты, пшеница, рожь, джугара, клеверное семя, сахар, чай, русские бумажные и шелковые бухарские материи, одеяла, обувь, русские самовары, чугунная посуда, чашки, блюда, английский дешевый ситец и кисея. Тут можно усесться под стеной и скушать холодный арбуз, а не то подадут плов с горячими лепешками и потом зеленый чай. Сидя в стороне, легко наблюдать пеструю волнующуюся толпу людей и животных. Узбека можно узнать и по одежде, и по всему его складу. Как уже упомянуто, это потомок завоевателей, здешний помещик. Он высок ростом и хорошо сложен, нос прямой, густая борода, худошавая жилистая фигура и жесткое выражение лица, свойственное всем ази-

атам. Преважно восседа на верблюде, проезжает мимо киргиз, с широкими скулами, глупым добродушным лицом. Над ним смеются: он — кочевник, приехал за 100 верст продать пару овец, а взамен купить чаю, сахару, новый халат для себя и горсть бисера для жены или дочери. Там вдали показалась белая чалма и яркий блестящий халат — это бухарский купец, приехавший сюда, чтобы надуть хивинского купца и в случае удачи закупить рабов. В той же толпе, не глядя по сторонам, едет всадник на кровном коне, и толпа почтительно жмет к сторонке. Это нелюбимый всеми туркмен-иомуд; чуть что не по нем, он обнажит саблю, и горе обидчику. Следом за ним пробирается осторожно маленький человек, с хорьковыми бегающими глазками и кошачьими ухватками: это, конечно, персиянин, верная добыча в набегах туркмен. Из персиян-то главным образом и пополнялся невольничий рынок в Хиве, откуда уже рабы раскупались на все четыре стороны, по вольной цене, как скот. Русские пленники, попадавшие сюда чаще всего с рыбных промыслов на берегах Каспия, продавались от 200 до 400 рублей, персияне шли вдвое дешевле. О судьбе этих страдальцев уже в своем месте рассказано. Сколько было радости, когда они только слышали о приближении русских! И первым распоряжением русского «сардаря» было освобождение рабов: особые глашатаи всенародно возвещали на улицах и площадях именем Белого Царя освобождение всем рабам, у кого бы они ни находились. У Маш-Мурад-Диван-Беги их оказалось 400 человек. Многие из пленников приходили в наш лагерь, показывали рубцы на подошвах и раны на икрах, куда был насыпан мелко изрезанный конский волос. Вскоре после освобождения открылась война между рабами и хозяевами, причинившая немало хлопот временному совету, заправлявшему делами ханства.

Через несколько дней после занятия Хивы возвратился из бегства хан и представлялся русскому сардарю. Генерал принимал его перед своей палаткой, на мощеной кирпичной площадке, устланной коврами. Когда хан подъе-

хал к своему же дворцу, то слез с коня и смиренно шел пешком; поднявшись на площадку, он, по хивинскому обычаю, уселся на ковре, поджав под себя ноги. По виду это был крепкий и грузный мужчина, без малого сажень ростом, в нарядном ярко-синем халате, без оружия. Хан сидел с поникшей головой, едва осмеливаясь взглянуть на русского генерала.

Тут каждый присутствующий был свидетелем победы ума над грубой силой, превосходства военного искусства над первобытным способом войны. Во времена рыцарства этот могучий великан мог бы разметать сотни врагов, а теперь последний русский солдат, пожалуй, был сильнее его.

— Так вот, хан, — сказал Кауфман, — вы видите, что мы наконец пришли вас навестить, как я вам и обещал три года назад.

— Да, на то была воля Аллаха!

— Нет, вы сами были причиной этому. Если бы вы послушались моего совета, делали то, что я вам говорил, то никогда не видели бы меня здесь. Но перейдем к делу. Что вы думаете теперь предпринять?

— Я предоставляю вам это решить. Мне же остается пожелать одного — быть слугой великого Белого Царя!

— Очень хорошо. Если хотите, вы можете быть не слугой, а его другом. Это зависит от вас. Великий Белый Царь не желает свергать вас с престола. Он слишком велик, чтобы мстить вам. Он показал свое могущество и теперь хочет вас простить.

— Я знаю, что поступал очень дурно, — ответил хан. — Мне давали дурные советы. Вперед я буду знать, что мне делать. Я благодарю великого Белого Царя и славного ярим-падишаха (полуцаря) за их великие милости ко мне. Я всегда буду их другом.

— Теперь вы можете возвратиться в свою столицу. Скажите своим подданным, что русские не разбойники и не грабители, а честные люди. Они ничего не тронут, ни их жен, ни их имущества. Пусть мирно живут и занимаются своим делом.

Затем хан уехал.

После того он бывал еще много раз вместе со своим братом и однажды присутствовал на смотре русских войск. С каким любопытством, с каким удивлением смотрел он, когда проходили мимо наши солдаты твердым мерным шагом, под звуки музыки. Особенно удивительно ему казалось, когда войска дружно, как один человек, отвечали на приветствие генерала: «Рады стараться, ваше превосходительство!» Этот отклик поражал его своей необычайностью; он казался ему чем-то волшебным. «Так вот, — думалось ему, — урусы, которые покоряют мусульманские народы! Одна их горсть валила в Самарканде целые полчища правоверных, несколько сотен взяли приступом великий Ташкент с его стотысячным населением, а теперь, — много ли их тут? — хозяйничают у меня, как дома!..» Так думал хан, пока проходили мимо него стройными рядами славные русские войска.

Кауфман хорошо понимал, что удар, нанесенный Хиве, пропадет бесследно, если не припугнуть туркмен-иомудов, кочевавших по ту сторону Аму. Они не платили хану никаких податей и, если читатель помнит, обязаны были только выставлять конное ополчение для защиты страны. Пользуясь своей силой, туркмены держали хана в руках и, конечно, по удалении русских войск, могли заставить его нарушить договор. Для ознакомления с этим племенем, равно и для сбора контрибуции, которой их обложил Кауфман (300 тыс. рублей), выступили из Хивы два отряда: оренбургский — на Куня-Ургенч, другой, генерала Головачева — из 8 рот при 10 орудиях и всей конницы — к Хазавату. Здесь Головачев узнал, что иомуды не только не приступают ко взысканию контрибуции, но даже намерены отразить русских силой. Тогда он двинулся вглубь их кочевий, к Змукширу и Ильялы. В начале июля авангард из пяти сотен казаков, с ракетной батареей, нагнал большой туркменский караван, причем отбил скот, арбы, а иомудов загнал в речку, где их много погибло; в то же время отрядом Головачева все попутные жилища и запасы предавались огню.

В ночь на 14-е число отряд расположился на ночлег у брошенного села Чандыр, окруженного садами. Сотник Каменецкий, с 8 казаками, выехал для проверки сторожевой цепи. За версту от бивака он встретил свой пост, отступавший к лагерю: «Держаться не можем, — доложил урядник, — он одолевает!» «Пустяки, братцы, шашки вон, за мной!» — скомандовал лихой сотник и бросился в объезд кургана, только что покинутого урядником; но тут же налетел на партию иомудов, которые моментально изрубили его и всех казаков. Подскакал резерв, но уже нашел лишь обезглавленные трупы: с одного маха страшные удары острых как бритва ятаганов поснимали головы. Это событие горестно отозвалось в сердцах доблестных казаков. Ночь прошла спокойно. За час до утренней зари отряд снялся с бивака и только что стал вытягиваться по дороге на село Ильялы, как туркмены, точно выросши из-под земли, наскочили на наш авангард: три сотни, бывшие впереди, в беспорядке подались назад, но скоро оправились и снова выдвинулись; к ним подоспели еще сотни, подскочила ракетная команда — иомуды были отброшены. Вторую и третью атаки, уже сомкнутым строем, они направили и на конницу, и на пехоту. Тут отличились две роты 1-го Стрелкового батальона, Ботмана и Рейнау, оба из шведов. Они распоряжались так спокойно, командовали так громко, отчетливо, точно были на ученье, а не под ятаганами иомудов. Вот несется на них размашистым галопом туча всадников со сверкающими ятаганами в руках. Ботман командует: «Смирно!» Уже отчетливо видны свирепые лица врагов: «Клац! Не торопиться, целить хорошенько!.. Пли!..» Это уже за 100 шагов. Снова раздается зычная команда: «Клац! Пли!» — под самые морды лошадей. Сотня их свалилась, но усидевшие всадники как исступленные врубились в ряды, сбросили сидящих за спиной товарищей и почти все погибли на штыках солдата. У Рейнау после команды «клац!» один солдат второпях выстрелил.

— Кто стрелял без команды? — спрашивает Рейнау. — Отставь! Слушать команду!

После внушения следует залп уже в лицо иомудам. Более 80 трупов оказалось за фронтом стрелков — такова была стремительность атак и выдержка пехоты.

Во время боя наши ясно слышали пение и одобрительные крики туркменок, засевших в ближайших садах; по временам они выбегали оттуда, для ободрения своих мужей и братьев, не обращая никакого внимания на то, что кругом свистели пули. В этом горячем деле наши впервые узнали храбрость туркмен, которые, в свою очередь, удивлялись стойкости русских. Отбитые на всех пунктах, они потеряли 800 убитых; у нас переранили 35, убили 6 человек. Через два дня казаки после короткого боя овладели тремя большими таборами (вагенбурги), приспособленными для обороны, причем захватили 3 тыс. арб и более 5 тыс. разного скота. После такого разгрома туркмены явились в Ильялы, куда к тому времени прибыл Кауфман; они просили генерала пощадить народ и разрешить ему вернуться на старые насиженные места. Генерал согласился на их просьбу, на уплату контрибуции дал отсрочку. Покончив с этим делом, Кауфман возвратился в Хиву, где вскоре был подписан мирный договор с ханом. Тогда Россия оставила за собой весь правый берег Аму и заставила Хиву уплатить военные издержки (2 200 000 руб.).

Все участники Хивинского похода, особенно кавказцы, сожалели о неудаче Маркозова. Начальство могло подумать, почему же он повернул назад, тогда как другие отряды, испытав те же беды, добрались до Хивы. Отважный Скобелев вызвался проверить путь от Ильялы до колодцев Игды, т. е. как бы намереваясь идти навстречу Маркозову. Получив разрешение Кауфмана, Скобелев выехал из Ильялы в сопровождении трех туркмен, оренбургского казака и своего слуги Мишки. Все они были одеты по-туркменски, на добрых конях и хорошо вооруженные. Все, что встречалось на дороге, Скобелев аккуратно зачерчивал на карту и записывал расстояние от одного колодца до другого, сверяя ход лошади с часами. Чем дальше отважные путники углублялись в пустыню, тем корма попадались хуже,

колодцы все реже и реже, наконец они погрузились в песчаное море, каким брели и солдаты Маркозова. На третий день пути, когда Скобелев расположился у колодца на отдых, его люди заметили приближающуюся партию иомудов. Проводники немедленно уложили Скобелева на землю, прикрыли кошмами и заказали отнюдь не шевелиться. В партии оказалось 30 человек. Туркмены напоили лошадей, уселись в кружок, и начались расспросы — куда, откуда, зачем. Проводники бойко на все отвечали, а когда зашла речь о человеке, лежащем под кошмами, они объяснили, что это их караван-баш (начальник каравана), заболевший лихорадкой. Скобелев после признавался, что его действительно в продолжение пяти часов бросало то в жар, то в холод... Наконец иомуды, наговорившись вдоволь, поднялись и, благодаря Бога, скрылись в степи.

На шестой день езды, все по сыпучим пескам, наши всадники хотя и сделали 40 верст, но лошадей до того измучили, что едва дотащили их в поводу до колодцев; это и были Игды, т. е. конец разведки. Ночь прошла благополучно; на другой день утром, выспавшись хорошенько, вся компания беззаботно беседовала о том-другом, и никто не заметил, как молодой пастух, бросив стадо баранов, подошел к колодцу, напился воды, затем, растянувшись на песке, стал прислушиваться. Через час или более того уже случайно увидели, когда он пустился бегом в степь, оглашая воздух пронзительными криками. Проводники сообразили, какая грозит им всем опасность, если мальчишка успеет дать знать в соседнее кочевье о их присутствии. Не теряя ни минуты, они оседлали лошадей, и все шестеро пустились карьером в обратный путь. Своим спасением, как говорил после Скобелев, они были обязаны лишь резвости коней.

Спутники Скобелева получили знаки отличия Военного ордена; кроме того, Кауфман дал каждому по 50 рублей, а Скобелеву кавалерская дума присудила Георгия 4-й степени. Совершив такой подвиг, он доказал на деле, что колонна Маркозова вся бы погибла, не поверни он ее ввре-

мя назад. Такая весть порадовала кавказцев, была приятна и великому князю наместнику.

Прошло почти три десятка лет со времени хивинского похода. Те же безводные пустыни окружают Хивинский оазис, но они уже не так страшны, как бывали раньше; замолкли слухи о разбоях, о грабежах караванов, не слышно воплей рабов. На правом берегу Аму, у ворот Петро-Александровской крепости, стоит стражем мира и тишины русский часовой, но ничто не тревожит его зоркий глаз ни по сю, ни по ту сторону реки: всюду царит порядок, водворенный мощной рукой. И не напрасно многие думают, что Аму — русская река, что Хивинское ханство — та же губерния.

Таковы плоды похода 1873 года.

Желтая земля (Фергана)

I

Очертание Ферганской долины похоже на фигуру миндального ореха. Это — впадина, подобная той, которую занимает Каспийское море, но окаймленная величественными скалистыми стенами, седловины и проходы которых возвышаются над дном долины до трех верст. Единственный вход в Ферганскую долину находится у города Ходжента⁷. Отсюда взорам путника открывается чудное зрелище: и справа и слева горизонт замыкается крутыми изрытыми предгорьями, с верхушками, окрашенными в красноватый цвет; позади них второй зубчатый ряд сумрачных скалистых цепей, а за ними возвышается до самых туманных облаков еще третий ряд высочайших гор, одетых снеговым покровом с перламутровым отливом. Ослепительную красоту представляет этот тройной ряд кулис, когда вечернее солнце бросает прощальные лучи на горные выси, которые представляют собой не что иное, как расщепления могучего Тянь-Шаня. Таким образом Фергана окружена белым кольцом снеговых залежей; располагаясь по зубцам гор, они облегают мощные ледники, и там-то, в этих вечных ледниках, получает начало живительная влага, стекающая в изобилии в нашу долину. Все горные реки в Фергане питаются этими ледниками, но наиболее богат водой Нарын, дающий начало Сырдарье. В начале бурный, он пробивает себе путь через скалы выше города Намангана и, свернув круто на юго-запад, спокойно катит свои мутные волны по мягкому руслу долины. Почва здесь особен-

⁷ См. карту.

ная: смесь извести и мелкоземистой глины, желтого цвета, — желтозем; под знойными лучами солнца она твердеет до того, что ее не берет никакой заступ, при обильном орошении дает урожай сам-сто. Уже с давней поры население Ферганы работает над распределением вод, причем раздробляет их на мелкие ручейки и потоки. Тысячу лет тому назад каналы в Фергане были такие же, как и ныне, — до 15 сажень шириной и 2 — 3 сажени глубиной; от них мелкие арыки проведены к каждой усадьбе, огороду или саду. Еще более заслуживают удивления оросительные каналы, вырубленные в скалах, откуда вода отводится в долину на 50 — 60 верст. Здесь мы видим совершенно обратное тому, что привыкли видеть у себя дома: чем дальше от истоков, тем больше дробится река, и наконец ее могучий поток, истощив свои запасы, теряется в бесконечной пустыне.

Крутые скалистые горы не раз спасали Фергану от наплыва кочевников, не щадивших труда человеческих рук, почему она издревле прославилась как один из благоденнейших уголков земли.

Один ученый араб, посетивший много лет тому назад Ферганскую долину, говорит так: «Это прелестнейшая страна на Божьей земле, богатая деревьями, изобилующая реками, оглашаемая пением птиц... Весь Согд словно плащ из зеленой парчи, с вышитыми голубыми лентами проточной воды и украшенный замками и домами...» Такова долина Ферганы, или, по древним сказаниям, Согд, по крайней мере в той ее части, которая обильно орошается левыми притоками Сырдарьи, вытекающими из Алайского хребта. Кроме большого оазиса, который тянется извилистой лентой, где шире, где уже, а в длину до 250 верст, есть отдельные небольшие участки, напоенные влагой, — вот тут-то желтозем и дает громадный урожай пшеницы, ячменя, джугары, кукурузы, риса, кунжута, мака, льна, конопли, хлопчатника, табаку, люцерны и прочих хлебных, красивых или лекарственных растений. Остальные места так же бесплодны, как и все среднеазиатские пустыни. Здесь, в этой стране, безводная пустыня в соседстве с мно-

голюдным оазисом; лошадь, верблюд, бык, осел, овца, коза пасутся чуть ли не на одном пастбище. То же можно сказать и про климат. В то время когда на горах царит ледяной холод, у подножия этих гор только прохладно, а в остальной долине жарко, душно. Бывают летом дни, когда можно испечь на земле яйцо; термометр в тени показывает 35—36 градусов. Лучшее время года — сентябрь и октябрь, когда летний зной спадает и дышится полной грудью.

Хотя горы, окружающие Фергану, суровы, но между горными цепями встречаются долины, дающие приют стадам кочевника. Такова, например, долина, известная у киргизов под именем «Рай». С перевала Хатын-Арт, что на Алайском хребте, где не раз бывали наши войска, перед зрителем разворачивается роскошная долина Рая (Алай), покрытая богатым пестрым ковром; вдали белеет снеговая линия Заалайского хребта с белыми шапками пика Кауфман и других громадных ледников. На тучных пастбищах Алая самая захудалая лошаденка в двухнедельный срок становится неузнаваемой. Временные обитатели долины, кара-киргизы, проводят зиму или в ущельях, или уходят поближе к городам. Как ни коротко лето, однако они успевают два раза убрать люцерну, кроме того, высевают пшеницу и ячмень, но главное их богатство — курдючные овцы и лошади; затем они держат еще рогатый скот, двугорбых верблюдов, ишаков и яков.

Местами и горы имеют свою прелесть, конечно, летом. Вот горная речка чистой прозрачной воды шумно бежит по каменистому дну; по берегам разрослись березы, шиповник, барбарис; у березы корни подмыло, и она точно плачет, наклонившись над водой. По пути встречается каменная гряда, порог, с трещиной, куда врывается речонка, и теперь она скачет как бешеная, пенится, клубится, брызжет во все стороны. Чем дальше вниз, тем чаще и шире раскидываются ковры роскошной зелени с самыми причудливыми цветами; вперемежку с зелеными лугами темнеют рощи арчи и елок; еще ниже — клен, яблоня, малина, смородина; шумный холодный поток совсем скрылся в

этих кустарниках, и его можно проследить только по глыбам камней, обросших мхом. Наступил вечер. Киргизы кружками сидят на траве и слушают рассказы своих краснобаев; ребятишки ловят телят, чтобы привязать их на ночь; бабы доят коз, коров. Повсюду говор, ржание лошадей, рев скота, блеяние коз и баранов. Днем, в жару, тихо: киргизы спят по кибиткам, дети тоже спят или резвятся в речонке; только киргизки, вечные работницы, сидят с веретенем и пучком шерсти. Наверху, на горе, стоит, понуря головы, табун лошадей; между кустами мелькают козы, а внизу, у речки, отъевшиеся на приволье быки и коровы. Стражами мирного пастушеского быта стоят вдали гранитные громады с темными пятнами по уступам: то еловые рощи. Там, на горных высях, ползучая арча, похожая на наш можжевельник, дикий лук и мелкие травы покрывают большие пространства между скалами, на которые смело взбирается дикая коза, горный баран, или марал. Небесные выси оживляют цари пернатых — громадные грифы, орлы, выслеживающие издалека свою добычу; поближе к стадам держатся беркуты, соколы, коршуны.

Среди киргизских кочевков проходит караванный путь из Бухары через Кокан на перевал Терек-Даван, в Кашгар. Издревле Китай и Средняя Азия обменивались товарами этим путем, и безопасность его коканские ханы покупали дорогой ценой — то деньгами, то подарками. Уже долина Фергана была в наших руках, когда кара-киргизы, думая, что их кочевья неприступны, по весне 1876 года провозгласили ханом какого-то юродивого и перерезали наших джигитов, разосланных для поимки разбойников. В 25 верстах от города Гульчи мятежники заняли позицию в узком ущелье Янги-арык, вход в которое запирался скалистым отрогом. Начальником края был тогда молодой генерал Скобелев. С небольшим отрядом он подступил к ущелью и, осмотрев позицию, нашел, что с фронта она неприступна. Тогда барон Штакельберг с 30 стрелками полез на скалы справа, а Боголюбов — слева. По мере того как они поднимались все выше и выше, кара-киргизы,

сами укрываясь, поражали их пулями и меткими ударами камней. Наконец Боголюбов взобрался выше, чем сидели киргизы, открыл по ним пальбу во фланг и тыл, а в это время Скобелев со своим конвоем и кучкой стрелков взял штурмом завал, откуда повел атаку прямо на лагерь. Тут сошлись все три отряда и общими силами захватили лагерь, 8 фальконетов, до 100 ружей. В числе мятежников находились первейшие разбойники, как, например, Валихан-Тюря, Абдула-бек, Омар-бек и другие вожди мятежа, принимавшие участие в предыдущих битвах с русскими войсками. Это был последний подвиг Скобелева в Туркестанском крае — подвиг, окончательно умиротворивший страну.

Главное занятие оседлого населения Ферганы составляет хлебопашество, и надо сказать, что сарт выжмет из своей земельки все, что возможно. Он не бросит ни одного клочка; каждый прутик, травка — все идет в дело: или скормит скоту или сожжет в печи. Так дело ведет и богатый пахарь, и бедный. Кроме земледелия, садоводства и некоторых ремесел, великое множество народа промышленности мелким торгашеством, главное — барышничеством, что особенно по душе сарту. Торгаши перепродают лошадей, скот, зерно, красный товар, — что попало; они снуют между кишлаками, с базара на базар, клянутся, божатся, обмеривают и обманывают — и все это из-за копеечного барыша. На базарах всегда снуют особые промышленники, которые высматривают, не затевается ли где торг. Как только завидят, что сарт торгует лошадь или теленка, они врываются между продавцом и покупателем и сводят их на сходную цену. «Продал?» — «Купил?» — спрашивают они сотни раз, пока получают в ответ «да». Тогда дело считается законченным. Заработав несколько копеек, голодный сарт бежит в другое место. И так изо дня в день... Закон запрещает торговлю на дому, равно как и за продажу товара, которого нет на лицо; его надо передать сейчас же из рук в руки. Если сарт захочет продать свой домишко или земельку, он должен объявить сначала соседям и только тогда

может продать постороннему, если никто из них не пожелает купить. Постройки в Фергане, как городские, так и деревенские, глиняные, такие же и заборы. У более зажиточных двор делится на две половины — мужскую и женскую, с отдельным для каждой половины жильем. В каждом дворе имеется несколько деревьев и небольшой арык, а не то пруд с грядками цветов. Летом хозяин никогда не сидит в сакле, и если дома, то проводит целый день под деревом, на бугорке. Дворы у них содержатся чисто; их по несколько раз в день метут. Если приезжает к хозяину гость, его принимают в особой комнате, которая называется селямлик, гостиная. После обычного приветствия перед гостем расстилают дастархан — широкое полотенце, бумажное или полушелковое, — на котором ставят поднос с лепешками, изюмом, фисташками, а кто побогаче, то подает блюдечки с сахаром, леденцы, халву, летом — фрукты и непременно чай. Все садятся на землю, и кто-нибудь из присутствующих разламывает лепешки на кусочки. Откусывать у сартов считается неприличным. Тогда хозяин предлагает откусать: «Обратите ваши взоры на хлеб». Обычай требует съесть прежде всего кусочек хлеба, потом уже чай, фрукты, сласти. Начиная есть, каждый произносит шепотом: «Во имя Аллаха милосердного». Самое любимое и в то же время самое парадное блюдо сартов — пилав; им обмениваются родные и знакомые накануне больших праздников. «Палау» готовится из бараньего супа и риса; кроме того, прибавляют поджаренное мясо, морковь, лук. Из напитков самый употребительный — чай, который заваривается, как у нас, в чайниках или же кипятится в котле, с примесью молока, масла, перца и соли. Из спиртных напитков пьют втихомолку бузу, вино, даже русскую водку. Летом и городское и сельское население питается преимущественно хлебом, фруктами, кислым молоком.

Длинные зимние вечера сарты коротают на сходке у одного из своих выборных, вроде артельщика. Он закупает в складчину провизию и расходует ее на угощение. Пока варится пилав, компания, обыкновенно человек 10–15,

болтает, поет песни, смотрит пляску мальчишки и просит живаёт таким образом до полуночи. Вообще сарты любят быть на людях, предпочитают улицу своему дому: там разговоры, новости; однако это нисколько не мешает им любить свою семью и нянчиться с ребятами.

Сартянки, жены и дочери сартов, характера вообще живого, веселого; как бы круто ни приходилось, сартянки никогда не прочь поболтать, посмеяться, спеть песню, особенно в молодые годы. Просидеть несколько часов одной, молча, для сартянки мука; если возле нее нет детей, с кем бы можно переброситься словом, сартянка уходит из дому к соседке хоть на четверть часа поболтать, посплетничать. Редко случается, чтобы сартянка сидела одна-одинешенька: или у нее соседка, или она сама у соседей. Они часто собираются на посиделки и особенно охотно идут туда, где можно рассчитывать на угощение — чай, лепешки, пилав, — а главное всласть наговориться, послушаться новостей.

Насколько сартянки любят злословить и сплетничать, настолько же они великие мастерицы лгать и лстить. Впрочем, и мужское население всей Средней Азии только тогда не лжет, когда наверно знает, что это невыгодно: лгут без всякой надобности. Кроме того, и те и другие страшно хвастливы. Сартянка не пропустит ни одного случая, чтобы не прихвастнуть перед соседками; хвастаются даже боями: «Так исполосовал меня муж, что вся спина в узоррах!» — «А покажи спину», — говорят соседки. «Да уж все прошло»... Если сартянке покажется, что муж перестал ее любить, она идет к мулле с просьбой сделать наговор на что-нибудь съестное и дает это незаметно мужу, чтобы он съел. Есть наговоры привораживающие и есть отвораживающие. Из множества поверий приведем два: если качать пустую колыбельку, ребенок непременно умрет; при входе в дом калоши надо поставить у дверей, иначе враги того дома размножатся и одолеют хозяина. Колдовство, знахарство, гадания в большом ходу; ими промышляют муллы, грамотные сарты, цыгане и старушки сартянки.

Из развлечений самое желанное, как и в Бухаре, богомолье, посещение могил покойников, прославленных святостью. Таких могил, или мазар, очень много в предгорьях Ферганы, почему для их посещения обыкновенно избирается лето. В эту пору тянутся по дорогам целые караваны пеших и конных богомольцев; если дорога позволяет, женщины и дети едут в арбах. Кому надо получить исцеление от головной боли, кому от ломоты, сартянке надо вымолить ребенка, у всякого что-нибудь наболело. Добравшись до мазара, молятся, потом режут барана или козла; шкура и часть мяса отдается шейхам, т. е. старшинам, оберегающим мазар, а остальное мясо съедается богомольцами. Такое жертвоприношение называется божеским. Бедняки довольствуются тем, что сварят какую-нибудь кашу, съесть которую тут же, на мазаре, почитается не менее душеспасительным.

Сарт, если бы и пожелал чему-нибудь научиться, то не может, потому что учение у них, как и у бухарцев, чисто книжное, которое дает очень мало знаний. Зато книжники в большом почете. Попала в котел мышь, животное нечистое. Что теперь делать? Есть из такого котла нельзя, бросить котел жалко. Идут к книжнику. Он пошарит в своих книгах и даст такой совет: трижды его накали в огне, трижды вымой и трижды высуши — тогда очистится! При каждой мечети есть школа, где ребятишки обучаются грамоте. Учитель не получает жалованья, а довольствуется тем, что по четвергам школьники приносят ему деньги, хлеб, больше или меньше, смотря по достаткам. Перед праздником Рамазана мальчишки ходят по дворам, причем распевают:

Пришел месяц Рамазан;
Дайте праздничный подарок;
Я отдам его учителю,
А вас за то в день Судный
Наградит Аллах!

Весь сбор поступает к учителю.

Как только мальчишка подрастет, отец ведет его в школу, несет с собой блюдо пилава и просит учителя: «Господин! Мы поручаем вам нашего ребенка. Учите его, бейте. Если даже убьете, мы не будем сердиться. Мясо ваше, кости наши!» Учение начинается с заучивания букв, потом слогов, что продолжается с полгода. Затем следует чтение Корана на арабском языке, которого и сам учитель не понимает; так же точно без понимания читаются и другие книги на персидском языке. После всего учат письму. Задавши с утра уроки, учитель отколотит ленивых и потом уходит на целый день по своим делам. Детишки орут во весь голос; каждый выкрикивает свое, что ему задано, и такой невыносимый гам раздается с малыми перерывами с утра до вечера. По окончании этой школы мальчики или поступают в писцы (мирза), или переходят в медресе, высшую школу, где обучаются арабскому языку, изучают мусульманскую веру, законы. Здесь ученики живут постоянно, в маленьких кельях, и есть такие, которые проводят там всю жизнь. Их можно узнать по бедной одежде, по привычке говорить тихо, опустив глаза долу, есть мало и украшать свою речь арабскими или персидскими стихами.

Девочки обучаются отдельно, у своих учительниц, на дому, но грамотных сартянок очень мало. Если жена соскучится по мужу и захочет послать ему весточку, она заворачивает пучочек соломы и уголек. Этим она хочет сказать, что от тоски пожелтела, как солома, и почернела, как уголь. Когда девочке минет 10 лет, ей дарят кольца, ожерелья, браслеты, и с этой поры она начинает украшать себя, учится ходить мелкими шажками, картавит, шепелявит, подкрашивает брови и ресницы, накануне праздников красит шафраном ногти, ладони; если она хочет что-нибудь спросить, то спрашивает ужимками, например, чуть-чуть приподнимет брови. В 12 — 13 лет про девушку уже говорят: «пришла в возраст» или «начинает нравиться». Теперь она выходит из дому не иначе, как накрывшись волосяной сеткой, поверх которой еще накидывается паранджа, вроде халата. Брачные дела устраивают родители, причем за

невесту уплачивается калым от 10 рублей до сотен, смотря по состоянию, а в кишлаках расплачиваются скотом или хлебом.

В назначенный день приходит в дом имам с женихом и свидетелями: невеста должна сидеть в углу, за занавеской. Имам спрашивает, согласна ли она, потом читает молитву; после угощения все расходятся по домам. Отвозят молодую к жениху, не сейчас, иногда через несколько недель. Перед отъездом ее одевают в белую кисейную рубаху, а на голову навязывают несколько платков, вроде чалмы. В таком костюме она садится посреди комнаты, окруженная всеми родственницами и знакомыми. После продолжительных причитаний молодую выводят во двор, где уже стоят арбы; все садятся в одну, и поезд трогается, сопровождаемый толпой мальчишек; они бьют в бубны и орут во все горло свадебные песни. У родителей жениха ждут с угощением, но молодая должна непременно просидеть трое суток за занавеской, прежде чем показаться своей новой родне.

II

Как кочевому, так и оседлому населению худо жилось под ханской властью. Особенно ненавидели хана кипчаки, полукочевники, обитавшие в числе 10 тыс. семейств в окрестностях столицы. Худояр-хан был ставленником родовитого кипчака Мусульман-кула, который в продолжение десяти лет самовластно управлял страной, держа своего питомца взаперти; лучшие места и должности были предоставлены родичам и землякам правителя. Наскучив опекой, Худояр-хан подговорил узбеков, и те подняли народ; Мусульман-кул должен был спасаться бегством в горы. Под Маргеланом он был разбит и взят в плен с пятью сотнями главных сообщников. Два месяца хан праздновал свое освобождение, и каждый праздник сопровождался казнью пленных кипчаков, и все это происходило в присутствии Мусульман-кула, которого приглашали как почетного гостя. Когда дошел черед до него самого, старик только ска-

зал: «Аллах анбар!» (Аллах велик) и спокойно подставил свою голову под нож палача.

Однако страна ничего не выиграла от этой перемены. Говорят, за три года управления Худояр-хан истребил до 20 тыс. своих подданных. Помимо жестокости, он был алчен к наживе; народ стонал под тяжестью налогов и нескончаемых поборов. На базарах брали и с продавца, и с покупателя; были обложены такие предметы, в которых нуждается последний бедняк, например, камыш, хворост, колючка. Хан раздавал купцам деньги под проценты, завел собственных верблюдов и отдавал их внайм под тяжести или рассылал по базарам с солью. Такими путями он скопил миллионы. Между прочим, в числе его придворных находился молодой и статный сын Мусульман-кула, Абдурахман, в должности автобачи, вроде нашего камер-пажа⁸. Хан его побаивался, но в то же время заискивал перед ним то угощением, то подарками, даже женился на его сестре. Это не мешало Абдурахману держать себя надменно и в то же время под рукой сноситься с кипчаками, питавшими надежду отомстить за смерть его отца и казнь соплеменников; ненависть к русским внушал Абдурахману мулла по имени Исса-Аулие. В середине лета 1875 года они скрылись из столицы и объявили хазават, т. е. священную войну против христиан. Как раз в ту пору наше посольство находилось в Кокане; с ним был и полковник Скобелев, которому Кауфман дал поручение проехать в Кашгар. Только благодаря этому офицеру да горсти конвоя хану удалось скрыться под нашу защиту, в Ходжент. На место Худояр-хана был посажен его сын Наср-Эдин.

Было время, когда властители Кокана повелевали богатым и плодородным краем по всему течению Сырдарьи. Безурядица и мятежи, неудачные войны с соседней Бухарой, а главное, победы русских генералов — Черняева, Колпаковского, Кауфмана — сократили владения ханов более чем наполовину: города Ташкент, Туркестан, Ходжент ото-

⁸ «Автоба» — кувшин; обязанность автобачи подавать умываться.

шли к России, часть кочевников признала ее подданство, прочие не хотели признавать ничьей власти. Русский царь никогда не искал новых завоеваний; при мирном и спокойном состоянии ханства оно могло бы существовать и поныне в пределах той же Ферганской долины, но каждая безурядица в Кокане отзывалась на границах наших владений, смущала умы наших новых подданных. Кауфман не раз подавал хану добрые советы, и тот советы выслушивал, а поступал по-своему. С такими же советами было отправлено из Ташкента последнее посольство, принужденное покинуть столицу по случаю мятежа. Почти вслед за ним разбойничьи шайки наводнили наши пограничные владения. Они взбудоражили мирное население кишлаков, сожгли несколько почтовых станций между Ходжентом и Ташкентом; в числе проезжающих захватили в плен доктора Петрова с малолетней дочерью и прапорщика Васильева; оба были зарезаны, а девочка отправлена в Кокан. Более сильное скопище коканцев подступило к Ходженту. Абдурахману хотелось уничтожить мост через Сырдарью, и рассказывают, будто он хвастался таким образом: «Я сначала посижу на русском мосту, а потом его подожгу!» Случись это — нашим сообщениям с Ташкентом грозила бы большая опасность. Однако барон Нольде, начальник ходжентского уезда, со своими ничтожными силами не только не допустил Абдурахмана до моста, но даже отогнал его скопище далеко от города. В то же время, по первым вестям из Ходжента, обывкые в походах туркестанские войска спешили сюда из Ташкента, проходя в сутки по 50 — 60 верст, так что в середине августа уже составилс отряд достаточно сильный: 16 рот пехоты, 8 сотен конницы, 20 орудий и 8 ракетных станков. Для защиты Ташкента были призваны отпускные и запасные, больше войск в крае не было.

Лазутчики донесли Кауфману, что Абдурахман занял частью пехоты крепостцу Махрам, а прочие войска расположил в укрепленной позиции, за крепостью, вдоль реки. Махрам считался у коканцев лучшей крепостью. Она имела вид четырехугольника, окруженного садами и кишла-

ками; толстые и высокие стены, по пяти сажений, пересекались посередине башнями и имели башни по углам. Кауфман не хотел сразу посылать на штурм, а задумал обойти неприятельскую позицию и атаковать скопище с фланга и с тыла — тогда крепость падет сама собой. Как только отряд снялся с последнего ночлега, тучи всадников спустились с гор, с гиком и трубными звуками; они стали наступать справа и с тыла. Вся покатошь была усыпана конными: они кружили, вертелись возле отряда, то собирались в толпы, то снова рассыпались; их было не менее 15 тыс. Отряд шел с минутными остановками: в смельчаков, которые подскакивали слишком близко, палили стрелки, а в скученные толпы стреляли ракетами. Густые облака пыли по временам скрывали и своих и чужих. Наконец, с левой стороны показалась крепость Махрам, дальше — неприятельская позиция вплоть до садов соседнего кишлака. Кауфман еще продвинулся вперед и потом завел войска правым плечом, так что они повернули лицом к окопам. 12 орудий тотчас открыли огонь по неприятельской позиции, а сажений за 100 генерал Головачев перестроил стрелков в ротные колонны и повел их на приступ, частью с фронта, частью в обход с левого фланга. Через четверть часа окопы уже были в наших руках, вместе со всеми орудиями; защитники, пораженные обходом, переполошились, бросали пушки и спасались в крепости. Но Головачев был слишком опытен, чтобы пропустить такую минуту: под сильным огнем из бойниц солдаты 1-го Туркестанского батальона, имея впереди офицеров, выломали двое ворот и с криком «ура!» ворвались в крепость. Защитники толпами бросились к берегу, но не многие успели спастись вплавь: большинство погибло под пулями, завалив телами овраг. Туркестанцы потеряли всего двух человек. В то время когда пехота штурмовала окопы, Скобелев схватил оренбургскую и уральскую сотни и вынесся с ними к махрамским садам. Впереди протекал глубокий арык. Казаки перешли его вплавь, и только что устроились, как заметили толпы коканцев, отступавших с махрамской позиции вдоль берега.

Вывхавтив шашки, казаки понеслись вихрем. Первыми врубились Скобелев и его конвойные Евграф Греченко, войсковой старшина Решетников и вахмистр Крылов. Этот Греченко был беглый русский драгун, проживший в Кокане 20 лет; свою вину он искупил тем, что во время пребывания посольства в Кокане первый предупредил его о близости восстания. Коканцы никак не ожидали такого удара; среди них раздались крики: «Джау! Джау!» (Неприятель); пехота бросилась к берегу, конные пустились наутек. Казаки спрыгнули с крутого берега, истребили пехоту и погнались за конницей. Уже 10 верст продолжалась погоня: и люди и лошади стали утомляться, а между тем с гор подваливали новые толпы конных врагов, на свежих лошадях. Скобелев остановил казаков и, оглядевшись, увидел за версту от себя около 10 тыс. неприятельских всадников, спешивших на выручку; у него же под рукой только 4 сотни. Коканцы уже заметили их; раздались зловещие крики восторга, и они стали охватывать казаков, чтобы сбить их к горам. Минута была опасная, даже Скобелев задумался. Но среди туркестанцев укоренилась привычка взаимопомощи; они не ждали особого приказания и при виде опасности беззаветно бросались на выручку. Этот раз вынесся с ракетными станками капитан Абрамов. Подскакав на самый близкий выстрел, он выпустил полтора десятка ракет: испуганные кони заметались, стали опрокидываться, топтать всадников, и скопище отхлынуло.

Лихие казаки притащили к ставке командующего войсками 2 орудия, множество значков и бунчуков. Всего было взято под Махрамом 39 орудий и 1,5 тыс. ружей.

По словам пленных, там были собраны все наличные силы мятежников, т. е. кипчаков и кара-киргизов, приблизительно около 30 тыс. Абдурахман бежал одним из первых; он проскакал с 3 тыс. всадников мимо Кокана, по направлению к Маргелану.

Давши отдых войскам, Кауфман выступил по дороге в Кокан. Дорога уже пролегла между густо заселенными кишлаками и полями, отлично обработанными под хлеб-

ные растения, люцерну, хлопчатник и марену; чем более отряд углублялся в оазис, тем участки становились мельче и мельче, а обработка все лучше и лучше; чаще стали попадаться глиняные заборы, из-за которых возвышались рядами шелковица с сладкими ягодами и тополь; между посевами попадались бахчи, огороды с дынями, арбузами и корнеплодами; еще ближе к Кокану — только виноградники и огороды. Каждый крошечный участок, кроме забора, обсажен двумя рядами деревьев — тополь, тал, карагач, грецкий орех; в садах произрастают гранаты, яблоки, груши, сливы, черешни. По дороге то и дело встречались пешие и конные, арбы, нагруженные доверху плодами этой благодатной земли. На каждом ночлеге являлись к генералу окрестные жители с дастарханом и заявлением покорности, а под самой столицей явилось посольство от хана, с которым были возвращены и все наши пленные. По расспросам оказалось, что доктор Петров и прапорщик Васильев были окружены шайкой мятежников на почтовой станции, где они долго отстреливались, пока их не схватили и не зарезали. Несчастная девочка видела, как отрезали голову отцу, ее вытащили полумертвую из тарантаса и отправили верхом в Кокан. Теперь все глядели на сиротку с сожалением, а многие не могли удержаться от слез. Впоследствии она с сестрами была обласкана государем императором и помещена на воспитание в казенное заведение.

Приближаясь к столице, Кауфман уже знал ее расположение и все к ней подступы: Скобелев, в бытность свою в Кокане, нанес на план все, что имеет значение в военном деле, как то: направление стен, расположение ворот, помещение и силу батарей, даже обозначил окрестности верст на пять кругом; этот замечательный труд был исполнен скрытно и подвергал храброго офицера большой опасности. Кауфман расположил свой отряд в трех верстах от городской стены против Сары-Мазарских ворот, и в тот же день часть стены была занята нашей пехотой. Когда роты подходили уже к воротам, генерал получил телеграмму, в которой государь император благодарил его и весь отряд за

молодецкое дело под Махрамом. Царское «спасибо» туркестанцы встретили с восторгом: могучее «ура!» огласило окрестности и переполошило город; свидетелем этого события был сам хан, выехавший навстречу генералу с многочисленной свитой.

Столица ханства расположена в двадцати верстах от Сырдарьи, на равнине, и окружена 4-саженными стенами и тройным рядом рвов, которые могут быстро наполняться водой из городских оврагов. Кокан гораздо лучше и опрятнее, чем все остальные города: улицы в нем широкие, есть бульвары и много кирпичных зданий совершенно таких же, как строят у нас, с большими окнами, дверьми, с печами и зеркалами. Эти дома принадлежат коканцам, подолгу проживавшим в России. Но главным украшением города служат вековые карагачи, до сажени в поперечнике, разбросанные между домами и мечетями. Коканский базар самый богатый во всем Туркестане. Там можно найти все, что производит страна; кроме того, привозные товары из России, Персии, Англии и Индии. На месте приготавливаются ткани, мало чем уступающие бухарским; коканские медники искусно выделывают котлы, посуду, а на монетном дворе отливали в свое время пушки и сверлили ружья. В центре города помещается цитадель, урда, где дворец хана. Это высокое и красивое здание, на небольшом холме; стены дворца блестят, как узорчатые ткани; разбросанные там и сям арабские надписи придают еще больше красоты пестрой мозаике. Вся внутренность урды застроена саклями для помещения придворного штата и сарбазов. Назначение урды заключается не в том, чтобы дать отпор неприятелю, а в обеспечении большей безопасности ханской особы, на случай заговора. Для этой цели к воротам выставляется караул из сарбазов, а на ночь отряжаются особые часовые, которые обязаны наигрывать безостановочно на свирели. Особый дозор обходит по ночам часовых, да и сам хан зачастую их проверяет. Несмотря на все эти предосторожности, жизнь азиатского владыки находилась всегда в опасности, особенно в Кокане, где трон

бывал легкой добычей любого насильника. Кроме того, она однообразна и скучна. Худояр-хан, отец Наср-Эдина, вставал обыкновенно очень рано и после молитвы переходил в приемную, где его ожидало человек 10 – 12 самых близких. Он по очереди их подзывал и выслушивал доклады, а если уставал от долгого сидения на полу, то вызывал в особую комнату, что считалось большим почетом. Часов в 9 утра во дворец собиралось до сотни и более народа на «ассальям». Каждый, которого представляет уданчи, или церемониймейстер, говорит «ассальязи-aleyкум» (желаю здравствовать), на что хан отвечает поклоном, жестом или же словами, смотря по заслугам и благоволению. Так проходит время до 12 часов. В 2 часа хан обедал с кем-нибудь из родственников или любимцев, а остальную часть дня проводил во внутренних комнатах. Любимым развлечением Худояр-хана было стравливать животных и птиц. Одно время он только и делал, что занимался травлей собак, пока хозяева не вышли из терпения и не стали ежедневно толпами осаждать урду. Тогда он взялся за перепелов. Однажды бедный сарт, купив на базаре за несколько копеек перепела, поднес его хану с клятвой, что он вывез этого редкого бойца из Ходжента. Хан щедро одарил сарта, но, когда выпустил перепела на бой, тот забился в угол. Хан пришел в такую ярость, что велел немедленно разыскать продавца. Однако мошенник успел вовремя скрыться.

Наср-Эдин почти ежедневно приезжал в лагерь, чтобы заявить о спокойствии в столице. Правда, население было покорно, но оно находилось под страхом: лавки были наполовину закрыты, базары пусты, пожитки зарыты в землю или запрятаны в укромные места. Происходило же это оттого, что восточная половина ханства волновалась; из городов Маргелана, Асаке, Андижана, Оша никто к генералу не являлся, а, напротив, приходили дурные вести, что Абдурахман застрашал всех жителей и намерен драться; по всем дорогам стоят его караулы, никого не пропускают. Молодой хан был слишком слаб, да и неопытен, чтобы успокоить страну, и поневоле приходилось русским взять на

себя его дело. Как только подошел из-под Махрама транспорт с палатками и кошмами, генерал передвинул свой отряд к Маргелану, за 75 верст от столицы. Маргеланцы сейчас же притащили из города свои 9 пушек и поставили их перед палаткой генерала; затем явились казии (судьи), аксакалы, а также торговые люди с обильным дастарханом. Они умоляли пощадить город. В ту же ночь Абдурахман, покинув часть лагеря, ушел из-под Маргелана с толпой кипчаков. Для его преследования был составлен летучий отряд из 6 сотен, 2 рот пехоты на арбах в 4 конных орудий, под начальством Скобелева. Этот не знавший усталости офицер дни и ночи преследовал по пятам мятежников — без дорог, по гористой пересеченной местности; войска переходили вброд арыки, поднимались на крутизны, спускались в глубокие овраги, где во тьме бурлят горные потоки. На ур. Минтюбе Скобелев нанес первый удар Абдурахману; тогда казаки гнали его скопище на протяжении пяти верст, причем захватили немало ружей, значков, лошадей и 10 арб с имуществом.

Располагая еще накануне пятью тысячами всадников, Абдурахман с 4 сотнями джигитов и 4 пушками бросается сломя голову на Ош. По дороге ему уже не дают добровольно ни клевера, ни баранов; наконец он бросает и пушки. Аксакалы из Карасу так рассказывали о его бегстве: «На рассвете мы услышали топот и увидели, что автобачи скакал вправо от дороги, впереди толпы; люди и лошади были измучены; половина джигитов сидели по двое на коне. Автобачи бросил и свой значок, а значок этот он вывез из Мекки, когда ездил на богомолье». Абдурахман проскакал тогда в 18 часов 80 верст.

Скобелев упредил его и в Оше. Этот отдаленный городок не признавал ханской власти: кочевники считали его своим городом, и в нем никогда не стояли сарбазы. Он расположен у самого выхода плодородной и здоровой долины, по которой войска наши — через Лянгар и Гульчу — двигались на Алай и Памир. Поросшие лесом горы окружают уступами город; из них славится уединенная скала,

с 4 остроконечными главами: это знаменитый Соломонов трон «Тахт-и-Сулейман». Одни говорят, что Соломон, восседая на вершине горы, вызывал ангелов, чтобы передать им свои веления; другие объясняют иначе: будто Соломон был тут умерщвлен, почему набожные богомольцы, проходя мимо, повергаются ниц. В усеянной мелкими камнями горе сохранилось углубление, в которое больные опускают головы в надежде исцеления. С площадки мазара, стоящего на вершине горы, открывается зеленеющая долина, прегражденная на юге изрытыми громадами Алая; под ногами бурлит серебристой лентой Ак-буру, по ущелью, разверстому всемогущим словом Соломона. Несмотря на столь надежную охрану, жители Оша по первому требованию Скобелева немедленно выдали все оружие, доставили для лошадей фураж, а для людей мясо и лепешки. Аксакалы и жители встретили отряд с дастарханом.

Стремительное движение Скобелева по этой окраине ханства, а также кавалерийское дело на ур. Мин-тюбе возымели свое действие. В генеральской ставке под Маргеланом перебивали старшины от всех городов и кишлаков, а также от всех аулов кочевников с изъявлением покорности; они торжественно клялись и уверяли, что отныне будут свято и беспрекословно исполнять волю ярым-падишаха (полуцаря). Тогда же явились и главные сподвижники Абдурахмана: Атакул-батыр-баши и Халаак-Назар; последний из них, после удержания муллы Аулие-асса считался во главе священной войны.

Обманутый такими заявлениями, Кауфман считал замирение страны оконченным и в конце сентября отвел войска за Сырдарью к городу Намангану. Не успели наши устроиться на новом месте, как были получены известия, что Абдурахман и киргиз Фулат-бек объявили в Андижане хазават, снова подняли на ноги кара-киргизов и кипчаков. Такое вероломство со стороны андижанцев, недавно заверявших в покорности, не могло, конечно, остаться безнаказанным. Главный начальник немедленно вырядил отряд силой в 1400 человек под начальством генерала Троицкого.

По пути к Андижану уже замечались признаки восстания: кишлаки были пусты, встреч никаких, вдали показывались вооруженные шайки; наши джигиты, выезжавшие на разведки, подвергались преследованию. Наконец стало известно, что на главных улицах города устроены завалы и что все окрестные жители согнаны в город; говорили, что число защитников простирается до 70 тыс., кроме 15 тыс. киргизов, расположившихся за городом, для перехватывания наших путей. Заручившись такими сведениями, Троцкий выслал Скобелева осмотреть подступы и выбрать место для вагенбурга⁹. С 1,5 сотнями казаков Скобелев чуть не добрался до самого базара. Более 6 тыс. конницы наседали на казаков во время отступления, потом подбежала пехота и открыла учащенную пальбу из-за стен и саклей. Стесненные в узкой лощинке, они то отступали, то выносились вперед; по временам вылетали ракеты со свистом и шипением, приводя в неопиcуемый ужас как всадников, так и лошадей. Уже на самом выходе из города подоспели на помощь две сотни с графом Борхом.

Андижан был некогда столицей ханства и по виду совсем азиатский город. Улицы в нем узкие; по обеим сторонам глиняные дома, низкие, с плоскими земляными крышами и без окон. В глиняных заборах маленькие ворота и калитка. Тут же на улицах в пыли играют ребятишки, и голодные собаки провожают пешехода со злобным лаем вплоть до базара. Близость базара можно узнать прежде всего по запаху кунжутного масла, на котором готовится разная снедь, потом — людской гул, стук молотов, ржание лошадей. Сутолока страшная. Вот ряд с тюбетейками: лавчонки маленькие, открытые; разложены ряды разноцветных тюбетеек, расшитых цветами; мальчишки стоят толпами и пялят глаза на красные тюбетейки. В длинных красных рядах торгуют красным товаром. Мимо них плывет дробной походкой молодая сартянка: она отпросилась к

⁹ Вагенбург — обоз, следующий за армией, и укрепление, устроенное из него.

матери, а шмыгнула на базар; ей хочется взглянуть на каннаусы, потом выбрать себе бусы, но из страха встретиться с отцом или мужем у нее сердце так сильно бьется, что она почти ничего не видит. В другом месте стоит толпа юродивых, в красных высоких шапках, с длинными посохами; она ревет какую-то дикую песню, за что получает с хозяина несколько тилей. Под маленькими навесами из плетенок сидят шорники, кузнецы, портные, медники, все за работой; попеременно с ними — мясники, бакалы (лавочники) продают мясо, масло, рис, табак, овощи.

В одном месте варят пельмени, в другом пекут пирожки. Продавец халвы кричит во все горло: «Шакар-дак!» (Как сахар); еще пуще дерет другой: «Шарбат! мус-дак!» (Как лед холодный шербет). На углу, прижавшись к стене, сидит сгорбленная старушонка; у нее на коленях корзинка с лепешками. Ей нельзя ни кричать, ни говорить: закон запрещает. Она должна сидеть хоть целый день, пока не выручит себе на хлеб. Через толпу народа пробирается угрюмый сарт: это ткач. Он сегодня получил за работу рубль и должен на эти деньги купить кусочек мяса, сала, 2—3 фунта риса, чечевицы, муки, луку и дров, а дело жены позаботиться, чтобы этой провизии хватило на всю неделю. В кучке праздных зевак афганец заставляет обезьяну показывать, как ходит с ружьем «урус» или как охотник подкрадывается к дичи...

Не таков был Андижан в ночь под праздник Покрова, накануне штурма. Оттуда доносились не базарные крики, а зловещие призывы к оружию; между городом и ставкой Фулат-бека сновали партии конных, поднимавшие облака пыли. В отряде почти никто не спал в ожидании скорейшей развязки, и как только рассвело, уже все были в строю, на своих местах. Солдаты сняли шапки, перекрестились; раздалась команда: «Ружье вольно, шагом марш!» Три крохотные колонны двинулись к городу. Эту минуту стерег Фулат-бек: давши им отойти с полверсты, он налетел на вагенбург, но тут его встретил полковник Травло гранатами из двух конных орудий. Киргизы мгновенно рассея-

лись. В это время Скобелев во главе 1-й колонны уже втянулся в предместье. Пороховой дым впереди до того застилал глаза, что казаки совершенно неожиданно очутились перед завалом, вооруженным пушкой. Они крикнули «ура!», мигом овладели завалом и ворвались в самый город. Верхом перескочил через завал Скобелев и остановился: его красивая статная фигура, благородная осанка и спокойная отчетливая команда производили чарующее действие: солдаты мигом свезли пушку, разобрали завал и устремились дальше. Андижанцы дрались отчаянно; они пользовались каждым закрытием, стреляли с крыш, деревьев, дрались на улицах, во дворах, в саках и мечетях. Сопротивление еще больше разжигало удай охотников, шедших впереди; то и дело раздавался звук трубы, наигрывавшей наступление: это значило, что они почти безостановочно переходили от одного завала к другому. На базаре 1-я колонна наткнулась на громадный завал, огражденный толстыми брусьями. Тут выехало наше орудие, и после нескольких залпов неприятель разбежался. С таким же трудом пробивалась шедшая сзади колонна Аминова: ее теснила с тыла неприятельская конница. Тогда капитан Арванатаки повернул назад два орудия и заставил конницу отхлынуть; дальше шли, прикрывшись сзади цепью стрелков. Вторая колонна Меллера-Закомельского двигалась правее Скобелевской. Поперек ее пути встречались завалы, сложенные из арб и укрепленные брусьями. Впереди охотников шел молодой офицер Хомичевский, который всегда первым появлялся на завале. Кроме пяти завалов, туркестанцы должны были еще овладеть укрепленными саками и особенно долго провозились возле одной мечети. Наконец все три колонны сошлись в урде, очистили от мятежников дворец и после короткого отдыха вышли обратно к вагенбургу, причем поджигали все попутные постройки. Путь арьергарда обозначался заревом пожара, раздавались выстрелы и боевой клик андижанцев: «Ур! ур!» В два часа отряд был уже на месте, потеряв 8 убитых и около 50 раненых. Чтобы довершить разрушение Андижана, Троицкий

сейчас же выслал Скобелева с шестью орудиями и приказал бомбардировать город, направляя выстрелы главным образом на базар и в места пожаров.

Наступила ночь. Пламя бушевало вовсю, сопровождаемое треском и грохотом, точно пушечная пальба не умолкала ни на минуту. Абдурахман с трудом собрал своих сподвижников на маслахат (совещание). Тут были Фулат-бек, Батыр-тюря, Исфандияр, Халикул-перваначи и несколько других вождей мятежа; их окружали джигиты, толпа андижанцев. Призывая шепотом имя Аллаха, каждый из присутствующих ожидал, что скажут муллы. Вдруг, на высоте нескольких саженьей, лопнула русская граната: то был заревой выстрел, на этот раз боевой. Разлетевшимися осколками многих поранило, около 15 человек убило. Пораженные ужасом мятежники разбежались, покинув даже оружие. Об этом событии сообщили в лагерь перебежчики евреи. Они рассказывали, что в Андижане собрались кочевники и жители всех соседних городов, не исключая Кокана; что они дали клятву отстоять город во что бы то ни стало; аксакалы же, частью по охоте, частью под угрозой смерти, работали на завалах; затем, будто сам Абдурахман, слышав русское «ура», до того оторопел, что скрылся в толпу, и больше его никто не видел.

Как тогда, так и в наше время на андижанцев действует одурающе призыв к оружию во имя веры, а следовательно, борьбы с христианами. Можно сказать, на наших глазах (18 мая 1898 г.) в андижанском лагере среди спящих солдат появился с толпой пеших и конных, вооруженных шашками, пиками, батиками — вообще холодным оружием — Дукчи-Ишан, он же Мадали, объявивший хазават. На передней линейке нашего лагеря остановился старый мулла с книгой и развернутым знаменем зеленого цвета, обрызганным русской кровью. Ишан обещал мятежникам, что на врагов подует «ветер разрушения» и они будут побиты дреколием. Стрелки отбили нападение, виновники восстания были разысканы и наказаны, а кишлак Мин-тюбе, где вербовалась мятежная шайка, скрыт до основания. Несмот-

ря на продолжительное господство русской власти в этом крае, на водворение в нем правды и закона, кипчаки все еще надеются вернуть прежние времена, когда они распоряжались судьбами страны. Муллам это на руку: при всяком удобном случае они разжигают ненависть к русским, пророчат в борьбе с ними верный успех. То же самое происходило в Андижане и 26 лет тому назад.

Погром 1 октября не образумил андижанцев. Русским войскам пришлось еще раз в нем побывать, зимой, как раз на рождественские праздники; но на этот раз защитники, не дождавшись штурма, разбежались. Войсками командовал их любимец, молодой генерал Скобелев, недавно произведенный в этот чин за отличие в предыдущих делах. Во дворце хана было отслужено благодарственное молебствие. Едва замолкли звуки «Тебе, Бога хвалим!», сопровождаемые пушечной пальбой, как были получены новые тревожные вести. Скобелев выделил частицу из своего отряда и в середине января двинулся по дороге в город Асаке. Пройдя мимо этого городка, русские открыли на соседних высотах значительные силы пеших и конных коканцев, приблизительно до 15 тыс. Это была последняя попытка Абдурахмана изведать счастье в открытом бою. Обстреляв предварительно высоты, наши сбили неприятеля с гребня, после чего коканцы атаковали нас во фланг со свойственной им запальчивостью и криками «Ур! ур!». Их отбросили залпами, картечью, и сейчас же конные стрелки с казаками ринулись в погоню. Они гнали мятежников более 10 верст, изрубили почти всю пехоту, а конницу разметали так, что она не могла уже более собраться. Эта победа вконец убедила Абдурахмана, что ему не под силу бороться с русскими, и через неделю он с главарями восстания, в числе 26 человек, в 8 верстах от Андижана, в Гинду-кишлаке, принес повинную, отдавая себя милосердию государя императора. Не явился лишь Фулат-бек, именем которого вершились дела в столице. Признанный нами хан Наср-Эдин уже был в ту пору изгнанником; в поспешном бегстве к Махраму, под охрану русских, он сам едва уцелел. Оставалось

покончить с Фулат-беком. Перерезав из мести братьев Абдурахмана, он бежал на Алай, намереваясь скрыться в далеких горах. Для его преследования выступили из Андижана 6,5 сотен казаков и эскадрон конных стрелков, при 4 орудиях и 6 ракетных станках под начальством ротмистра Меллера-Закомельского. Отряд передвигался быстро, но скрытно, давая ложные сведения о своем направлении. По пути было получено известие, что Фулат-бек, покинув Маргелан, с 5 тыс. конницы, 5 пушками и со всем своим имуществом направился к Алайским горам и что на 28 января он будет ночевать в кишлаке Уч-Курган, за 30 верст от Маргелана. Несмотря на то что войска сделали уже 40 верст, они двинулись дальше попеременно то шагом, то рысью. Дорога шла между грядями каменистых гор; по сторонам попадались курганчи (глиняные крепостцы); пользуясь темнотой ночи, их обходили потихоньку.

Обширный, в несколько сотен дворов, кишлак Уч-Курган растянулся на 2,5 версты в глубокой ложине, вдоль горной речки. В дальнем его конце стояла урда, где расположился на ночлег Фулат-бек. Хотя отряд сделал в этот день 90 верст, без пищи и без отдыха, однако Меллер-Закомельский решил сейчас же произвести нападение. Спешенные стрелки и сотни сибирских казаков, под начальством капитана Куропаткина¹⁰, спустились с обрыва в кишлак и быстро двинулись к урде; их вел недавно усмиренный Исфандияр; остальной отряд, разделенный еще на две части, занял оба пути, которыми Фулат-бек мог проскочить на Алай.

В безмолвии ночи отрядец Куропаткина быстро двигался вдоль кишлака, но вот стали раздаваться выстрелы, появились одиночные всадники, наконец и пешие сарбазы прямо бросаются на колонну. Пришлось пустить в ход оружие; несколько конных партий удалось даже обратить в бегство дружными залпами. Пробиваясь все дальше и дальше, колонна приблизилась к деревянному мосту, перекинутому через речку: на другом ее берегу, у подножия

¹⁰ Ныне военный министр.

горы, стояла урда, где и ночевал Фулат-бек со свитой. По пятам бегущих колонна ворвалась в ворота урды; защитники ее, обезумев от страха, заспанные, в ночной темноте, метались во все стороны, куда бы выскочить. Кто не успел спастись бегством, был приколот. Оставив тут часть стрелков, Куропаткин с казаками и остальными стрелками бросился по извилистой крутой тропинке наверх. Там, на высоте, помещался сарбазский двор и возле него стояли 5 пушек, которые могли обстреливать лежащий у подножия кишлак. Встреченные уже огнем, наши не сделали ни одного выстрела и, не останавливаясь ни на секунду, вскочили на завал: впереди сам Куропаткин, с ним стрелки Сикидин, Шнуков и горнист Карабанов. После горячего штыкового боя все защитники батареи остались на месте, у своих орудий; сарбазы кидались с обрыва.

По занятии урды из кишлака выносились толпы всадников, искавших спасения на Маргелан или в горы, но их всюду встречали залпами из орудий, не то ружейным огнем: все пути бегства были искусно перехвачены. Много их тогда погибло, остальные рассеялись, сам Фулат-бек едва спасся с десятком джигитов, позабыв второпях даже свой костыль, без которого не мог двигаться. Кроме пяти медных орудий было захвачено более 100 фальконетов, множество разного рода оружия, пороху, снарядов и все имущество Фулат-бека, в том числе его бунчук, щиты, 200 верблюдов. Только опытные туркестанские войска могли беззаветно штурмовать урду, ночью, на совершенно незнакомой и к тому же пересеченной местности. Затем, если вспомнить, что на другой день в 11 часов ночи они уже были в Асаке, т. е. в 1,5 суток сделали 150 верст, то нельзя не удивляться их изумительной выносливости.

Оставляя край, Кауфман поручил начальство над войсками Скобелеву. Его смелые походы, всегдашняя готовность броситься навстречу опасности, затем — штурмы городов, разорение и пожары мятежных аулов, наконец лихое уч-курганское дело явно показали безнадёжность дальнейшего сопротивления. К тому же население горо-

дов и кишлаков было утомлено безначалием и смутой; оно жаждало отдыха, возвращения к мирному труду, от которого чаще всего его отрывали силой под угрозой ножа. И вот, со всех концов ханства стали являться в Андижан одни за другими депутаты, на этот раз искренно заявляя безусловную покорность; маргеланский бек привез и сдал Скобелеву 17 пушек и ханские экипажи; явился последний из ярых вождей хазавата — Турсункул, со всеми почетными жителями города Маргелана. Тогда Скобелев спешно двинул свой отряд к Кокану. По пути, во время ночных переходов, жители освещали дорогу кострами, а за 15 верст от столицы были высланы 29 пушек. Отдельные небольшие отряды, разбросанные в долине Ферганы, также спешили со всех сторон на соединение с главным. В Кокане было найдено еще 62 орудия, большие запасы пороха и снарядов. Когда приехал временно командующий войсками Г. А. Колпаковский, то скоро убедился, что население не желает иной власти, кроме Белого Царя. 19 февраля 1876 года состоялось высочайшее повеление о присоединении всего Коканского ханства к русским владениям под названием Ферганской области. Военным губернатором этой области был назначен Скобелев.

Хан Наср-Эдин, Абдурахман автобачи и несколько других главарей были высланы из края; прочие получили прощение, кроме Фулат-бека.

Последний подвиг Скобелева в Фергане уже рассказан: это поражение скопища Абдул-бека в ущелье Янги-арык, за 25 верст от Гульчи. Абдул-бек с братьями Махмудом и Хасаном бежал в горы, по направлению к Памиру, ловко увертываясь от преследующих его казаков под начальством князя Витгенштейна. Наш летучий отряд чуть было не погиб тогда около озера Кара-Кул во время страшной метели, оставшись без провианта и фуража. На обратном пути казаки встретили мать Абдул-бека, в сопровождении четвертого ее сына Канчи-бека и племянника Мирча-Паяса, в поспешном их бегстве на плохих киргизских лошаденках. Во время коканского ханства это была законная царица

Алая; такой ее признавали и коканский хан, и бухарский эмир, присылавшие ежегодно правительнице Алая богатые подарки. Ее звали Курбан-джан-датха. Однажды жадный Худояр-хан сделал попытку обложить податью алайских кочевников; но датха не только не допустила до этого, но еще принудила хана подписать льготную грамоту. Она управляла Алаем очень долго и прославилась своей мудростью. Ее сыновья, которые уже названы, были верными помощниками; каждый из них заведовал особым участком. Имена этих беков, как батырей и лучших джигитов, были известны далеко за пределами Алая. После окончательного умирения Ферганы, когда заволновалось горное население Алая, то, конечно, не без ведома датхи, раздался со снежных высот призывный клич Абдул-бека, под бунчуки которого и собрались все узбеки, киргизы, уцелевшие от погромов в Андижане, под Асаке, в Уч-Кургане. Судьба этого скопища также рассказана (стр. 219).

Особый конвой под начальством офицера должен был доставить датху и ее батырей к Скобелеву. После поражения скопища Абдул-бека он в ту пору подвигался с отрядом к Алаю. Когда датхе объявили эту весть, она сказала: «Я теперь раба русских; они могут делать со мной, что им угодно, — такова воля Аллаха!» Это была хотя и не молодая, но красивая женщина, небольшого роста; одета в парчовый халат, отороченный мехом, и в такой же шапочке. Когда она говорила, крупные слезы блестели в узких прорезах ее глаз. Датха бодро проехала весь путь верхом на казачьей лошадке. Когда пленники предстали перед Скобелевым, оба батыря отвесили ему низкий кулдук (поклон), а царица, опустив голову, стояла неподвижно. Скобелев подошел к ней и протянул руку. Датха сначала растерялась от неожиданного приветствия, но сейчас же радостная улыбка осветила ее лицо, и она что-то сказала по-киргизски.

— Скажите датхе, — обратился Скобелев к переводчику, — что я рад ее видеть в добром здоровье. Я много слышал о ее мудром управлении и знаю, что она заслужила

уважение от соседних ханов; уверен, что она поймет бесполезность вражды к русским и сумеет кочевое население Алая склонить к миру. Еще скажите: как мать, она может гордиться своими сыновьями; пусть она знает, что русские уважают храбрых врагов. Если она уговорит своих сыновей возвратиться на Алай, то я награжу их, как подобает награждать батырей, а теперь прошу датху принять дастархан.

По приказанию генерала принесли огромный поднос, на котором целой горой возвышались разные лакомства; после того Скобелев собственноручно надел на царицу парчовый халат.

Умная датха поняла, что времена изменились, и тут же дала обещание верно служить России; поручилась, что мир и тишина водворятся в долине Алая, пока она жива. Действительно, один из ее сыновей со многими батырями вернулся домой, но Абдул-бек не послушался матери, ушел в Мекку и по дороге туда умер. Остальные сыновья были назначены правителями волостей и под надзором матери усердно служили Белому Царю.

Война с текинцами

I

У нынешних турок есть за Каспием бедные родичи, которых называют туркменами. Между турками и туркменами большая разница: турки народ мирный, добрый; туркмены народ воинственный, склонный к грабегам и разбоям; турки давно уже живут как народ оседлый; между туркменами еще много кочевников, которые со своими стадами переходят с места на место, укрываясь от зноя и дождя в кибитках. Так называются круглые войлочные палатки. Лет 400 тому назад туркам посчастливилось занять богатейшие земли греческих царей, овладеть заветным Цареградом; туркмены же остались при той же Богом обожженной пустыне, которая тянется верст на 600 в длину, с востока на запад, да почти столько же в ширину — где немного шире, где уже. Туркмения, как и вся Закаспийская степь, служила некогда морским дном, на котором сливались воды Каспия и моря Аральского; теперешние каменные горы были тогда островами. Почва там больше песчаная или солончаковая; если попадает глина, то такая гладкая и твердая, точно укатанная; деревьев нет; растет, правда, чахлый саксаул, но его нельзя назвать ни деревом, ни кустом — без листьев, вместо коры твердая и толстая броня, как у черепахи; если рубить его топором, сыпятся искры. Наше дерево не может там расти. Жгучий ветер высушил бы его в неделю. Вообще растительность скудная. Вода добывается только из колодцев, но очень глубоких, до 30 саженьей, а в мелких колодцах такая же горько-соленая вода, как и в озерах. По древнему руслу большой реки Аму, которая прежде впадала в Каспий, попадают плесы соленой

воды, камыш, можжевельниковые кусты и сочные травы; тут водятся кабаны, гуси, утки: в зарослях камыша встречаются тигры, пантеры, барсуки; многочисленные стада туркмен откармливаются на Узбое. Так называется старое русло Аму. К северу от Узбоя кочевки туркмен доходят до Усть-Урта; к югу, т. е. со стороны Персии, Туркмении отделяют горы Копетдаг. С крутых и коротких отрогов Копетдага стекает множество реченок, благодаря чему у подножия гор осело племя ахал-теке. Длина оазиса 300 верст, ширина от 10 до 30 верст, лишь в одном месте 60 верст. Это самый благодатный уголок пустынной Туркмении; тут произрастают персики, абрикосы, виноград, орехи; пашни, орошаемые, как и везде в Туркестане, из арыков, дают обильные урожаи гороха, люцерны, бобов, табака, хлопчатника, ячменя, пшеницы и сорго. Селения текинцев непохожи на наши: глиняные заборы разгораживают пашни и дворы, а внутри дворов стоят войлочные юрты, окруженные высокими стенами, или же мазанки, вроде ящика, с низенькой дверью и такими же окнами. В каждом поселении есть несколько кал: это маленькая крепостца из толстых глиняных стен, с башнями и бойницами. Дальше, к востоку, по реке Мургабу, другой цветущий уголок Туркмении — Мервский оазис. Там существует поговорка: «От одного зерна пожни сто». Длина и ширина оазиса 60 верст. По глинистой равнине, подернутой песком, протекает река Мургаб; огромная плотина делит ее воды на две половины, которые, в свою очередь, дробятся на сотни канавок, равномерно орошающих весь оазис. Пространство между каналами разгорожено глиняными стенками и покрыто посевами или огородами с бесчисленным множеством арбузов, дынь, или же садами, виноградными и фруктовыми. Под защитой какой-нибудь башни не то калы ютится поселение мервцев, большей частью по 3 — 4 кибитки на участке. На берегах Теджента и Мургаба красовались некогда цветущие города, Мерв носил название «Владыки мира»: там царствовал знаменитый Альп-Арслан (Большой лев), которому, по преданию, поклонялись 1200 царей. В Мерве и теперь ле-

жат останки повелителя царств и народов; говорят, в нем было тогда до миллиона жителей, более половины которых перебили монголы. Остальная Туркмения, т. е. все пространство между Узбоем, Амударьей, Афганистаном и Персией мало пригодно даже для кочевки: это пустыня, поросшая полынью, бурьяном и мелкими травами, которыми питаются овцы и верблюды. Лучшие места для кочевки там, где встречается песок; тут чаще попадается гребенщик, саксаул и почва рыхлее. Путник-новичок, попавши первый раз в пустыню, удивляется, как это вдруг в его глазах исчезают целые караваны, точно проваливаются сквозь землю; какой-нибудь бугорок вырастает в целую гору, крутой обрыв реки кажется утесом, орел — верблюдом, бурьян — лесом. Такой обман глаз повторяется на каждом шагу. Когда солнце поднимется высоко и накалит почву, нагретый воздух дрожит, переливается, будто над раскаленной печью; если же небо покроется тучами, поднимается ветер, нагоняющий горячий песок, и тогда все кругом кажется окутанным красной мглой. Зной в пустыне доходит до 50 градусов R. Зима там хотя и короткая, но страшная, потому что бураны бушуют по целым неделям. Песчаные бури и снежные бураны одинаково страшны для путника. Лучшее время — ранняя весна, когда угрюмую наготу заменяет зелень; только продолжается она не долго: под палящими лучами солнца степь принимает свой обычный вид — однообразный, пыльный, скучный. Однообразие пустыни нарушают только немногие ее обитатели: то проползет змея, пробежит скорпион или ящерица, проскочит мышка или зайчик; иногда в облаках пыли пронесется стадо диких ослов (куланов). Вот они остановились, втянули расширенными ноздрями пыльный воздух и снова поднялись в галоп, от которого гулкая земля точно звенит. В поисках за добычей рыскают волки, гиены, шакалы. Неприглядна в эту пору туркменская степь. Одиноким путник, конечно, не решится углубиться в пустыню; необходимость заставила людей соединяться в караваны, которые ходят издавна по Туркмении между побережьем Каспия,

Персией, Афганистаном и Хивой. Караваны придерживаются колодцев и выпасов, кроме того, запасаются про случай и водой; топливом служат сухая трава или же кизяк¹¹. Колодцы — это станции, по которым рассчитывают свои переходы и воинские отряды. С незапамятных времен их берегут как величайший дар Божий, без которого нельзя углубиться в пустыню даже на самое короткое время. Идут долго, особенно верблюжьи караваны; лошадиные караваны ходят скорее, но зато лошади скорее и устают, кроме того, требуют лучших кормов. От Александровского укрепления до Хивы верблюжий караван идет без малого месяц.

В оазисах туркмены живут более скученно; кочевники, или «чарва», наоборот, любят простор степи. Следует заметить, что оседлый туркмен (чомур), у которого много скота и лошадей, зачастую снимает свою кибитку и таким образом превращается в чарву. Кочевники живут богаче, чем оседлые, зато они менее воинственны. В войнах с нашими они почти не участвовали. Ближайшее к нам племя туркмен называется иомудами. С наступлением весны иомуды переходят реку Атрек и расходятся на летние кочевки — одна половина вдоль морского побережья, а другая по реке Сумбару. Огурджалинцы живут на островах и побережьях Каспия, где занимаются рыболовством, добычей соли, нефти. На острове Челекенъ насчитывается до 3 тыс. колодцев с нефтью; один такой колодец выбрасывает фонтан нефти до 10 саженей высотой и дает в сутки 10 тыс. ведер. Благодаря такой богатой добыче многие огурджалинцы разбогатели. Главный улов рыбы производится в устьях реки Атрека, где стоит аул Гассан-Кули, имеющий до 1,5 тыс. кибиток. Сотни лодок снуют по заливу, а дальше, на глубине, колышутся мачтовые суда: это армяне-скупщики наехали с Кавказа за рыбой. В заливе ловятся: сомы, осетры, карпы; сомы попадаются до 3 саженей длины. Прочие оседлые туркмены этого побережья занимаются хлебопашеством, причем самым выгодным продуктом счита-

¹¹ Высушенный навоз.

ется сорго, дает урожай сам-200 и более. Текинское племя самое многочисленное, около 100 тыс. кибиток, и вместе с тем самое храброе; их военный крик «уран! уран!» всего чаще раздавался в Туркмении. Половина их, под названием ахалтекинцев, как уже сказано, расположена у подножия Копетдага, а другая половина, под названием мервцев, на реке Мургабу. По причине малоземелья текинцы привыкли жить за счет соседей, занимаясь грабежом и разбоем (аламанами). Между ними как и между всеми остальными туркменами, есть кочевники и оседлые. С наступлением лета кочевники покидают аулы и уходят со стадами на пастбища, а осенью, когда пройдут дожди и в оазисе зазеленеет травка, они снова возвращаются в аулы. Туркменские племена никогда не жили между собой в мире; достаточно было самого пустого предлога, чтобы одно племя разоряло, изгоняло из насиженного места другое. Так, лет 30 тому назад текинцы до того теснили иомудов, кочевавших по берегу Каспия, что те принуждены были передаться в подданство России; немало доставалось от них же сарыкам и салорам как ближайшим соседям. Хотя они все говорят одним языком, поклоняются единому Богу, причиной розни и вражды служит то, что пограничные туркмены от частой женитьбы на персиянках переродились сами, стали немного похожи на персиян. Вот почему каждый прославленный воин непременно должен иметь одну туркменку и дети ее считаются более благородного происхождения, чем дети от других жен. Вообще же туркмены резко отличаются от родственных им народов — киргизов, каракалпаков, узбеков, и главное отличие — гордая воинственная осанка, смелость в поступки и острые, как бы пронизывающие глаза; роста они высокого, смуглы, редкая черная борода, короткие густые волосы и широкие оттопыренные уши. Женщины также хорошо сложены, встречаются и красавицы, особенно в молодости. Одеваются как мужчины, так и женщины в красные шелковые рубахи, длиною до лодыжки; мужчины надевают сверху халат, в парадных случаях — парчовый или шелковый, с широким кушаком, за который

засовывается кинжал или пистолет; вместо обуви они носят туфли, ходят и босые, на голове расшитая ермолка, поверх которой надвинута черная баранья шапка. Туркмены любят при случае принарядиться: поверх рубахи надевают шелковый халат желтого цвета, шею украшает ожерелье, в ушах серьги, на ногах цветные сапожки; головной убор унизан монетами, разными цветными камешками, золотыми и серебряными побрякушками. Зажиточные текинцы носят шаровары; поверх стянутых внизу шаровар — юбка и шелковый или суконный бешмет; на руках и ногах толстые серебряные браслеты. Женщины не прячут своих лиц под покрывало, как это принято в остальном Туркестане; это не рабыни своих мужей, а полноправные хозяйки, ни в чем не поступаются своим мужьям и даже могут подавать советы на маслахатах.

Брачные дела начинаются притворным бегством: завернувшись в длинное покрывало, невеста садится верхом, берет на руки козочку или ягненка и скачет с ним во весь опор, стараясь не попасть в руки жениха, который преследует ее во главе целой шайки друзей. После поимки мулла прочтет над ними молитву и брак считается свершенным. На 3-й или 4-й день невеста должна совершить новое бегство, уйти к родителям, где остается иногда долго — год и более того, пока муж разбогатеет настолько, чтобы уплатить калым. За молодую и красивую девушку надо уплатить 500 — 600 рублей и более; за пожилую 100 — 150 рублей. В прежнее время это богатство наживалось только разбоем или воровством у соседей. Покойников оплакивают, как и везде, но у них еще новый обычай: в продолжение целого года, в тот самый час, когда умер туркмен, все, его родственники и друзья испускают продолжительный вой, хотя бы этот час приходился во время еды — едят и воют. Великому воину насыпалось «ексу» курган: каждый храбрец того племени приносит не менее 7 корзин земли, и таким образом вырастет горка в 3 — 4 сажени, заметная в степи и доселе. Туркмены вообще свято чтут могилы отцов. Однажды молодой текинец Ораз украл у муллы Омера чудного коня.

Омер был в отчаянии; он заклинал вора именем пророка вернуть ему драгоценную лошадь, но Ораз только посмеивался над муллой. По его просьбе собралась сходка. Старик сначала добром уговаривали Ораза возвратить коня. «А ты сам, Сурхан, не лучше ли поступил с кобылицей Хаджи?» — спросил дерзко Ораз. Старик Сурхан умолк, а Ораз удалился, распевая богатырскую песню. Тогда мулла отыскал ночью могильный холм деда Ораза, воткнул наверх копьё и навесил на него изломанный лук. Этим он как бы приносил жалобу покойному предку Ораза. В таких случаях все племя должно взяться за оружие, чтобы отомстить обидчику. Угроза подействовала. Как только Ораз увидел копьё на могиле деда, он отвел лошадь к мулле и поставил ее на то же самое место, где она стояла раньше: «Лучше лежать в черной земле, чем нарушить покой дедов», — говорил после Ораз. Хотя туркмены считаются магометанами, но у них нет ни мечетей, ни минаретов; молятся они под открытым небом; муллы и выборные старшины не пользуются большой властью. «Мы народ без главы, мы все равные, и каждый из нас царь. Нам не надо тени дерева, не хотим быть под сенью начальника», — говорили туркмены, пока не осилили их русские. Правление у них всенародное; если и избираются ханы, то власть их была невелика, за исключением походного времени. Во время нашествия неприятеля или по случаю другой какой беды выбирают хана уже целым племенем; таков был, например, избранный текинцами Нур-Верди-хан, сын Берды-Мурада. У ханов имелись советники из сердарей, батырей, но все важнейшие дела решались на съезде всех ханов, мулл, выборных от каждого аула. Правят и судят в стране по обычаю, завещанному отцами, и никто не посмеет нарушить обычая, хотя бы и сам хан. Преступников карают пеньей, иногда очень крупной, например, за убийство — до 2 тыс. рублей. Эта сумма уплачивается родичам убитого; если убийца не в состоянии уплатить, то за него расплачивается весь аул, где он проживал. За грабеж одноплеменника грабитель изгоняется из племени. Но помимо суда, оби-

женный зачастую расправляется самосудом, отчего между родичами возникает смертельная вражда — тут уж бесильны все власти.

От окружающих их народов туркмены отличаются более строгой честностью и чистотой нравов. У них не заимодавец, а должник хранит расписку, чтобы не забыл, сколько он должен. Ложь, обман считаются преступлением; имущество в ауле остается без всякого присмотра, никто и не тронет чужого. К людям незнакомым туркмены относятся осторожно, подозрительно, а с людьми знакомыми простодушны и доверчивы; они любят свою родину, что и доказали на деле, когда защищались против наших; в бою себя не жалеют, но врагов не щадят: тут сии жестоки. Это не мешает им быть жалостливыми к животным. Рука туркмена не подымется убить животное, которое он не может захватить с собой; если он встретит в степи заблудшего верблюда или барана, непременно поделится с ними водой. «Человеку надо любить животных: они кормят его», — говорит туркмен. Неразлучные спутники кочующих туркмен — верблюд и лошадь. Большинство верблюдов одногорбые, поменьше ростом и слабее двугорбых, но зато выносливее; они могут делать переходы по 40 верст в день с кладью от 9 до 12 пудов. Пасутся на воле без пут вокруг кибиток; случается, что многие из них уходят в степь и там дичают. Туркменские лошади ведут свою породу от прославленной арабской, хотя и не так красивы, но во всем свете нет им равных по выносливости; говорят, что они способны пробежать тысячу верст в пять суток, легко переносят голод и жажду. Это самое кроткое и смышленное животное, растет под кровом хозяйской кибитки, вместе с детьми; ее ласкают женские руки. Часто можно видеть в бедной изодранной кибитке хозяина и всю его семью в лохмотьях, тогда как лошадь покрыта богатой попоной. В такую ужасную пору, когда солнце прожигает насквозь, туркмен укутывает ее в войлочные одеяла, отчего она сохраняет поджарый вид, каким отличаются английские скакуны. Табунов туркмены не держат; у каждо-

го мало-мальски зажиточного хозяина 3—4 лошади, которых он держит на привязи, недалеко от кибитки. Цена таких лошадей от 200 до 500 рублей. Уход за животными и вообще все хозяйство лежит на руках женщин; мужчины, кроме поездок на совещания, проводят жизнь в праздности. Любимые их разговоры о новостях (хабар); еще любят играть в шахматы, играют очень искусно и быстро. Из-за новостей туркмен делает охотно 40 или 50 верст, чтобы по пути рассказать в аулах, что он слышал или видел. Таким образом новости быстро передаются за сотни верст. От прежней вольной жизни, когда туркмены нагоняли страх и ужас на соседних трусливых народов, остались лишь рассказы, сказания да песни. Молодое поколение и до сих пор с жадностью слушает рассказы бывших бойцов, в которых истина перемешалась с вымыслом. Туркмен по природе рожден для грабежа, который его обогащал и прославлял.

Арабы, турки и вообще все мусульмане вели длинные войны с соседями во имя Аллаха и Его пророка: то были священные войны. Когда 450 лет тому назад турецкий султан, взявший штурмом Цареград, въехал в столицу греческих царей, он первым делом приказал обратить христианский храм в мечеть и тут же первый воздал хвалу Аллаху. Туркмены вели войны, делали набеги ради корысти; они не различали правоверных от неверных, лишь бы была добыча; особенно жадны на добычу текинцы — самое разбойничье племя. В грабежах туркмен жесток, зарезать человека, истребить целое поселение ему ни по чем. «Туркмен на лошади, — говорит пословица, — не знает ни отца, ни матери», или: «Если враг твой нападет на кибитку твоего отца, пристань к нему и грабь вместе». Такие мудрые правила передавались из поколения в поколение. Сотни некогда цветущих деревень и теперь лежат в развалинах по границе Персии; густо заселенная страна превратилась в пустыню; только там удержалось население, где нашло приют между скалами в тущобах. Афганские, хивинские и бухарские владения также страдали от их набегов, даже

суда на реке Аму не всегда могли проскользнуть благополучно. Пограничные жители Персии запирались, бывало, в деревнях, похожих на крепости; караульные стояли днем и ночью на страже; в открытых местах были устроены башни, на 25 — 30 саженой одна от другой; наконец, они стали воздвигать громадные стены на несколько сотен верст, остатки которых можно видеть и теперь. Разбои и набеги только тогда утихли, когда персияне додумались поселить на границе курдов, кочевое, также разбойничье племя. Число людей, уведенных из Персии в неволю за одно столетие, считают до миллиона; случалось, что одновременно томилось в рабстве около 200 тыс. невольников. Горе пастухам, которые, бывало, заберутся на соседние пастбища. Разбойники, спрятавшись где-нибудь за бугорками или в оврагах, отрежут путь отступления и гонят стада вместе с людьми, обремененными цепями. Целые орды кочевников не имели другого занятия, как разбой, торговля невольниками или же война с соседним племенем. И близкие, и дальние набеги туркмены всегда делали конные, за исключением тех разбойничьих племен, которые ловили людей на побережьях моря, в своих дрянных баркасах. Запрета никому не было: прослышит какой-нибудь из батырей, что вблизи проходит торговый караван, или же задумает сделать более дальнюю прогулку, в Хиву, например, не то на персидскую границу, и выставит у своей кибитки длинную пику с навешенной тряпкой. Тогда всякий желающий принять участие в набеге втыкает рядом и свою пику; когда наберется достаточное число охотников, объявляется место сбора, а также время выступления. Иногда призывается «ишан» чтобы благословить аламакшиков на «доброе» дело. Как хищные звери любят ночью накрыть добычу, так и туркмены поджидали где-нибудь наступления темноты; они внезапно налетают в тот момент, когда скот возвращается с пастбища: вместе со скотом разбойники врываются в загороди, другие в это время лезут на стены при помощи складных лестниц. Одни вяжут пленных, остальные отгоняют скот, баранов. Если местность гористая или скалис-

тая, туркмены ночью всползают, как кошки, и ждут рас- света. Как только откроются в селении ворота, хищники врываются в улицы, дома, и начинается та же работа. Иногда они вырезывали целые селения. Успех аламана зависел от выбора предводителя и соблюдения тайны. Туркмены очень дорожили теми из батырей, которые прославились удалю набегов; эти вожаки хорошо знали пустыню, расположение колодцев, умели скрытно подвести свою партию, лихо наскочить на беспечного противника, а в случае неудачи исчезнуть без следа в пустыню, безбрежную, как море. Догнать разбойничью партию так же было трудно, как ветер пустыни. И тайна задуманного набега соблюдалась строго. Если бы нашелся изменник, который предупредил врага о нападении, того всякий мог убить. Не было преступления выше измены. Вот почему во время войны с текинцами мы не имели ни одного лазутчика, тогда как наши секреты были им известны от наших же джигитов.

Вооружение туркмен было неважное: кривые сабли плохого качества, ружья разных образцов, начиная с фитильных и кончая охотничьей двустволкой; но стреляют они метко, хотя и медленно, а в рукопашной, когда вынимались шашки, туркмены могли быть и даже были страшны. «Где твоя душа? — спрашивает одна женщина у туркменского батыря и отвечает: — Твоя душа в твоём мече, твоя душа в золотой стреле». Туркменки мало в чем уступают своим мужьям: они так же жестоки, храбры, даже мужественны. Однажды персидский губернатор захватил в плен знатного туркмена, по имени Шаваль-хан, и приказал его расстрелять. Это было лет 30 назад. В следующую затем зиму туркмены сделали набег на персидскую границу, разграбили богатую деревню, многих ее жителей перерезали, а помещичьего сына увлекли с собой в надежде получить за него хороший выкуп. Узнала об этом жена Шаваль-хана, явилась к батырю, который водил партию, и потребовала, чтобы тот отдал ей знатного пленника. Батырь не согласился, и вдова пошла к хану.

— Почему ты, женщина, считаешь пленника своим рабом? — спросил у нее хан.

Вдова отвечала:

— Он персиянин. Моего мужа расстреляли персияне, и я хочу отомстить за его смерть.

— Женщина, ты права, — сказал хан, — возьми персиянина.

Туркменка вырезала собственноручно у живого пленника сердце, а труп бросила собакам.

Во время первого штурма текинской крепости Денгильтепе, около десятка наших конных дагестанцев окружили текинку, которая вела в поводу верблюда, нагруженного домашним скарбом. Завидя это, к ней подъехал офицер и сказал по-татарски:

— Ты не бойся, иди своей дорогой, эти люди не сделают тебе ничего худого.

Текинка, приподняв голову, гордо сказала:

— Чего мне бояться? Я и не боюсь их! — и продолжала свой путь.

Другая текинка сидела во время штурма на краю канавы с оторванной ногой и палила из пистолета в проходивших мимо драгун.

Когда персияне увидели, что ничем нельзя оградиться от дерзких набегов, они вырядили в текинский оазис целую армию — 13 тыс. пехоты, 10 тыс. конницы и 33 пушки — под начальством Мирзы-Эшмедита. Ему было поручено самим шахом истребить разбойничье гнездо. Весь оазис от мала до велика вооружился и выступил навстречу. Сблизившись с персиянами, текинцы то бросались в шашки, то отступали и наводили неприятеля на скрытые засады, где встречали его залпами; бегущих преследовали, рубили, пока, таким образом, не заставили всю армию повернуть обратно. Во время отступления конница успела частью спастись, но пехота и вся артиллерия попали в руки текинцев. На базарах Хивы и Бухары пленники продавались по 7 рублей. С той поры текинцы возмечтали, что они непобедимы, что равных им по силе и храбрости нет на

всем свете. Это внушило им непомерную гордость и презрение ко всем соседям.

Тяжка была участь пленных. Стариков и больных туркмены безжалостно умерщвляли, не потому только, что они негодны к работе, а потому, что кровь их угодна Аллаху; щадили только мулл, дервишей и прочих духовных, так как боялись проклятия. Молодых сильных невольников или продавали на соседние рынки, или обращали в рабов. С появлением русских на берегах Зарявшана и Аму, когда Хива и Бухара принесли покорность, рабство в этих странах было уничтожено, невольничьи рынки закрылись. Тогда текинцы стали жестоко обращаться со своими пленниками, чтобы заставить их просить выкупа. У них пробыл восемь лет в плену бомбардир Киндяев, и хозяин подвергал его разным истязаниям. Свяжет, например, туго-натуго указательный и средний пальцы и вбивает между пальцами деревянные гвозди; прикладывал к телу раскаленные угли, а в морозы привязывал раздетого к столбу. Такими пытками текинец заставил Киндяева написать письмо, чтобы его выкупили за 48 тыс. От начальства получился ответ, что деньги будут уплачены тогда, когда доставят Киндяева. Текинец стал мучить еще больше: заковал его в ручные и ножные кандалы; кроме того, приковал цепью, обернутой вокруг шеи, к столбу. В таком положении несчастный пленник не мог ни лечь, ни сесть как следует, а должен был или стоять, или держаться на корточках.

В 1869 году русский отряд высадился на восточном берегу Каспия и заложил город Красноводск. Таково начало прочного водворения власти Белого Царя в нынешней Закаспийской области. В последующие годы наши отряды доходили в одну сторону до Аму, а в другую до Ахал-Текинского оазиса. Тогда-то ближайшее туркменское племя иомуды и признали русское подданство, а текинцы пошли было на мировую. Через 8—9 лет после заложения Красноводска наши стали придвигаться все ближе и ближе к текинцам, но только не удерживали занятых мест: постоят и отойдут. Текинцы поняли это так, что русские их бо-

ятыся: они стали уже преследовать уходившие войска, делали набеги до Чикишляра и Красноводска и даже пытались ими овладеть. Перед хивинским походом толпа конных текинцев, до 600 человек, налетела среди бела дня на русский отряд, собиравшийся в ту пору под Красноводском. В этом отряде находился и Скобелев, в чине капитана. Пока солдаты похватали ружья, текинцы пронеслись через весь лагерь, кого кольнули, кого рубнули, а один смельчак накинул аркан на Скобелева, который выскочил второпях из палатки узнать причину суматохи. Плохо бы ему пришлось, не выстрели вовремя казак: меткой пулей он положил текинца на месте. Помимо того, текинцы угоняли скот, верблюдов, нападали на мирных иомудов; наши пленные с той поры у них не переводились: то схватят солдата, то поймают на берегу рыболова. Более всего казалось постыдным выкупать своих пленных, а если их вовремя не выкупить, то текинцы обращались с ними самым бесчеловечным образом, особенно с теми, которые пытались бежать. Вот что рассказывал побывавший в плену русский солдат Цивашев. «7 октября 1878 года я с шестью товарищами отправились на трех верблюдах без ружей за сеном. Только что мы начали косить траву, как из-за бугра выскочили пять доброконных туркмен, с ружьями и шашками. Мы пустились бежать, но туркмены скоро нас догнали, сбили в кучу и погнали в горы. Мы не шли, а бежали; кто отставал, того били нагайками. Канонир Макаров скоро совсем пристал. Тогда один из туркмен снес ему шашкой голову, затем слез с коня, стащил с Макарова сапоги, да еще раза три пырнул его ножом. Таким манером гнали нас до самого вечера, пока не остановились у какой-то речки напоить лошадей. Отсюда погнали дальше, на всю ночь, как есть до рассвета. Опять остановились у речки, напекли в золе лепешек и, проглотивши их, тронулись дальше. Когда солнце поднималось на обед, мы уже вступали в аул Каракала, где пробыли целые сутки. На другой день, отойдя от аула с версту, туркмены остановились, заставили нас раздеться и разобрали нашу одежду — мы остались в одном белье, без сапог. Пос-

ле этого поделили нас между собой: меня с Петиним два туркмена погнали влево, остальных товарищей погнали вправо. Больше мы с ними не виделись.

Мы то поднимались в горы, то спускались вниз; то бежали по каменистому грунту или же вязли в песке. У меня и Петина ноги распухли, покрылись ранами. Видно, наших хозяев взяла жалость, потому что они перестали стегать нас нагайками. Почти в такую же пору, как и третьего дня, мы подошли к какой-то ихней крепости. Сейчас собрался народ, окружили нас, стали раздевать, бить, толкать, плевали в глаза или кидали навозом в лицо. И эти надругательства не прекращались до самой ночи. Потом нас с Петиним развели по разным кибиткам: он пошел к своему хозяину, а я к своему. Мой хозяин сейчас же заковал меня в железные путы, каждая в 15 или 20 фунтов весу, и приказал ложиться спать. Его звали Куль-Ильды. Он был очень бедный человек: ничего не имел, кроме кибитки и коня; жена у него была лет 25-ти, собой некрасивая, и детей двое, мальчик да девочка. На другой день меня послали собирать на топливо колючку и носить воду. Ходить приходилось босяком; голову обрили, дали какую-то шапку да трепаный халат. И Петина так же вырядили. Недели через две пришли к моему хозяину старики, что-то переговорили между собой, потом пришли ко мне, чтобы я переменял свою веру. Тогда я ответил: "Хоть вы зарежьте меня, но веры не переменяю". А нужно вам сказать, что, еще когда нас разлучили, мы дали друг дружке клятву держаться своей веры. После моего отказа текинцы стали меня бить, хотели даже зарезать и зарезали бы, если б хозяин не заступился, не допустил. С Петиним было то же самое, и он отстоял свою веру. Текинцы не позволяли нам громко молиться или творить крестное знамение, так что мы все время молились "нишком" (про себя). Кормили, можно сказать, впроголодь: больше лепешками; раз в неделю давали баранину с рисом. Одно утешение имел — повидаться с товарищем, отвести с ним душу. Этого не запрещали, ходить по аулу мы могли, когда вздумается.

Месяца через три наш аул перекочевал в пески верст за 40 от прежней стоянки. Во время пути мне скрутили назад руки. Как только пришли на место, я узнал, что Петин убежал от своего хозяина. Весь аул поднялся на ноги, проездили всю ночь, а утром его нашли под кустом, в яме. Избивши немилосердно, Петина привели назад, после чего заковали в тройные кандалы, наглухо. Еще хорошо, что догадался он унести с собой свои путы; брось он их где-нибудь по дороге, его бы убили. На другой день я навестил Петина; их кибитка стояла верстах в двух от нашей. Поговорили, помолились вместе; я его утешал, советовал надеяться на помощь Божью. Петин признался мне, что хотел украсть у хозяина лошадь, да не мог, потому что лошади у них всегда прикованы на ночь: ну а пеший далеко ли уйдешь? Так как на новой стоянке вода была далеко, верст десять, то мне оставалась одна работа — собирать топливо. Хозяин мой стал ко мне как будто добрее: «Живи у нас, — говаривал, — прими нашу веру...» Как тут прошел радостный слух, что нас хотят откупить. А скоро слух стал сбываться. Приехал в наш аул Тырма-сардарь, должно быть, выкупил меня у хозяина и повез с собой. У него я встретился с канониром Пантюшиным, тоже, значит, выкупили. Сейчас меня расковали; работы не давали никакой, разве нарубить дров или напоить верблюдов, кормили же вволю: верблюжье молоко, баранина, лепешки, кукуруза...

Так поболтались мы недели три, пока шли переговоры, каким путем нас отправить. Наконец, Тырма-сардарь вырядил нас с своим сыном в другое, дальнее кочевье, куда выехал на встречу туркмен, высланный начальством. Он привез нам шинели, сапоги, рубахи, штаны, чаю, сахару — все это прислал наш добрый командир, полковник Гаитинов. После трех дней похода мы прибыли в Чат, где навстречу нам высыпал весь лагерь... И радость же была великая!»

Судьба Петина и его товарищей была много лучше, чем других пленников: иных перепродавали из кибитки в кибитку, пока не зачахнет бедняга; других приневоливали принять магометанскую веру или же убивали за попытку

к бегству. Никакая великая держава не могла потерпеть такого бесчинства; к тому же и персияне умоляли государя императора унять текинцев... Долготерпение в Бозе почившего монарха наконец истощилось: он повелел двинуть войска вглубь оазиса.

II

Начальство над экспедицией было поручено храброму кавказскому генералу Лазареву. Только этот поход не удался. Сам генерал заболел и во время похода умер, запасы продовольствия, фуража оказались невелики, верблюдов мало, и, вместо того чтобы сразу двинуть сильный отряд, пришлось вырядить только 10 батальонов и 14 сотен, при 16 орудиях.

Как только стало известно, что в Чикишляре начались сборы, текинцы ограбили под Красноводском своих родичей, а из-под Чикишляра угнали 200 верблюдов. На большом совете (джум-гурие) в Куня-геок-тепе все поголовно требовали войны. Было решено укрепиться возле бугра Денгильтепе, и сейчас же население приступило к работе: работали и женщины, и дети под надзором трех ханов. На каждые 10 семейств был назначен особый участок; однако ко времени появления отряда крепость не была еще готова.

Авангард наш тронулся 6 июня. Погода стояла жаркая. Шли берегом Атрека, а берег его на 6—7 сажений выше, чем дно, и чтобы достать воды, надо было делать спуски, на что уходило немало времени. Утомленные солдаты долбили твердую как камень землю, пока не выбьются из сил. Проходили в сутки не более 10—12 верст; все это вышло оттого, что путь не был раньше изведен, думали, что он ровный, гладкий, вода везде близко. Главный отряд выступил почти через два месяца, когда текинцы успели снять посевы, скопились в крепости и угнали в дальние места скот, словом, приготовились к встрече. Этого мало: несколько раз они тревожили в Бендесене наш авангард, поджидавший здесь главные силы. Чтобы отомстить за дерзкие по-

кушения, князь Долгоруков взял конницу, перебрался через перевал и возле Бами накрыл текинцев врасплох, причем отбил 6 тыс. баранов и 800 верблюдов. Добыча пришла к стати, продовольствие было на исходе, а когда с приходом главных сил сделали подсчет, то оказалось, что состав отряда надо уменьшить почти наполовину, и при всем том провианта и фуража оставалось лишь на 15 дней. Надо было в этот срок взять все укрепления, разбить текинцев и успеть вернуться назад.

Только 27 августа небольшой русский отряд под начальством полковника Ломакина подтянулся к аулу Яронис, за 18 верст от крепости. На 28-е был назначен штурм. Войска не смыкали глаз, а в 3 часа утра снялись с бивака. Темнота была такая, что брели наудачу, сбивались с пути, возвращались назад и опять, повернувшись, шли на ощупь. На расвете конные текинцы попытались было остановить отряд, но их отбили гранатами, от которых они разлетелись, как брызги. Когда же авангард подошел к буграм, за которыми было расположено укрепление, огромная толпа текинцев, размахивая шашками и подбрасывая вверх шапки, быстро вынеслась из крепости. Наши выжидали и после нескольких залпов заставили текинцев спастись в крепость. Тут у ворот произошла страшная давка; наши сгоряча гнались за ними со штыками почти до самых стен. Наконец текинцы скрылись, ворота были затворены и чем попало завалены.

Подошел главный отряд, и войска расположились для штурма: на правом фланге стал батальон Куринского полка и саперная рота, в центре стрелки и батальон кабардинцев; на левом фланге другой батальон куринцев и 2 гренадерских при 4 орудиях; сзади там и здесь также по 4 орудия; в резерве остался только Ширванский батальон; кавалерию усади за крепость, чтобы преследовать беглецов. День клонился к вечеру. Перед этим крохотным отрядом возвышалось укрепление, стены которого, сбитые из глины, имели высоты до 3 саженьей над дном рва; главное укрепление было прикрыто крепостцами малых размеров; там, за стенами, стояло целое племя, готовое умереть за пядь родной земли.

Грянул сигнальный выстрел. Батальоны поднялись, двинулись сначала шагом, потом бегом, с криком «ура!». Засевшие впереди укрепления текинцы были скоро выбиты и бросились к воротам; правофланговая колонна было настигла их, но в это же время попала под огонь передового укрепления, из которого расстреливали людей продольно и сзади. Куринцы с саперами бросились было туда — там разрываются наши же гранаты. Небольшая кучка солдат успела, однако, ворваться в крепость, но, растерявшись в узких переходах между кибитками, она вся там и осталась. В центре стрелки и кабардинцы добрались до рва, спустились, поглядели на высокую стену и стали отступать; гранадеры также отступили. По всей линии штурм был отбит; текинцы высыпали из крепости. Не подоспей на выручку ширванцы, наша артиллерия осталась бы на месте; уже артиллеристы палили из револьверов, рубились шашками. Батальоны отступали в беспорядке; в каких-нибудь полчаса третья часть пехоты была изрублена. Измученные и голодные войска спешили добраться до обоза, где располагались как попало, лишь бы поближе к верблюдам. Темнота ночи еще более усугубляла суматоху: стоны раненых, рев голодных верблюдов, хриплые голоса начальствующих наводили тоску, вызывали горькие слезы. Тяжела была эта ночь! Хорошо еще, что текинцы не догадались сделать нападение — тогда бог весть, чем бы все кончилось. Они в это время собрались на маслахат. На совете текинцы сообразили, что и у них потери немалые: оказалось до 2 тыс. убитых, главный предводитель Берды-Мурад-хан тяжело ранен, и что, пожалуй, им выгоднее просить мира. Наутро назначены были переговоры, но когда выборные собрались ехать в лагерь, русский отряд уже успел сняться с бивака. Еще прошел день, текинцы поняли наконец, что одержали победу. Началось угощение, скачки, пальба из ружей; все русские пленные были изрублены; с трупов несчастных собирали жир для заживления своих ран.

Обратный путь был горше переднего. Всех раненых не было средств поднять: каждый примащивался, где кто

мог — на лафете, на верблюде или казачьей лошадке. Отощавшие верблюды падали, и все, что было на вьюках, осталось на дороге. А тут текинцы, как аулы за кораблем, не отставали ни шагу; беда кто отставал: они моментально бросались и рубили на куски. Между ними были и женщины, вооруженные овечьими ножницами на длинных палках. Арьергард все время отстреливался, патронов не жалели; дружные залпы пехоты и артиллерии едва могли сдерживать стремительные атаки конницы. К счастью, преследование продолжалось недолго, хотя многие всадники проскакивали вперед, занимали попутные укрепления и оттуда встречали наших огнем. Изнуренный голодовкой отряд добрался через месяц до укрепления Бендесен, где встретил его генерал Тергукасов, назначенный вместо покойного Лазарева. Генерал не подал вида, что заметил бедственное положение солдат и офицеров; поблагодарил за царскую службу и распорядился поскорее отправить их на Кавказ. Так кончилась первая экспедиция против текинцев, показавшая, что с таким врагом нельзя действовать на авось, что это не простые «халатники», мнящие себя воинами, пока сидят за высокой крепкой стеной.

После неудачного штурма текинцы стали появляться на базарах Хивы и Бухары, где хвастались своей победой, а так как им могли не поверить, то они показывали русские ружья. Они являлись и к хивинскому хану, подарили ему несколько винтовок, револьверов: «Нам не надо их, у нас русских ружей много, а будет еще больше!» Бухарский эмир говорил тогда, что русским не справиться с текинцами, нужно 100 тыс. войска; хивинский хан повторял то же самое со слов текинцев. На всех азиатских базарах толковали, что если русские нападут вторично, то текинцы их разобьют. Базарные толки дошли и в кочевья: хивинские иомуды начали грабить киргизов, кочевавших на Эмбе, угоняли скот, верблюдов, баранов; текинцы снова стали терзать Персию. Грабежи подвластных нам кочевников и дерзость текинцев, прославленных теперь как народ непобедимый, могли пошатнуть недавно водворенную русскую

власть. Умы азиатских народов легко поддаются внушениям недоброжелателей тем больше, что они не понимали, в чем сила и могущество русской державы. Текинцы, например, думали, что в царстве «Ак-падишаха» вечная зима и, для того чтобы видеть лето, русские надвигаются на юг, отнимают у мусульман земли и всех их истребляют. Становилось необходимо повторить экспедицию, одним ударом разгромить текинцев, покончить с ними навсегда. Начальником этой экспедиции был назначен Скобелев, молодой генерал, всего 37 лет, тот самый, который закончил Коканский поход, а потом прославил свое имя за Дунаем. Уже самое назначение Скобелева показывало, что на текинцев стали смотреть иначе, чем прежде: в них увидели врагов, с которыми не стыдно помериться силами.

Б начале мая 1880 года Михаил Дмитриевич прибыл в Чижишляр, где встретили его уже передовые кавказские войска; остальные ожидались частью оттуда же, частью из Оренбурга и Ташкента, а всего предполагалось двинуть 64 роты, 9 казачьих сотен, 2 эскадрона тверских драгун, 97 орудий — 11 тыс. человек и 3 тыс. коней. Еще до приезда Скобелева началась кипучая работа по заготовлению всего необходимого для степного похода, начиная с продовольствия и кончая кошмами для подстилки. Пустынное побережье Каспийского моря оживилось — берегом сгонялись верблюды, передвигались команды; на пристанях шла выгрузка, от Михайловского укрепления укладывались рельсы железной дороги; но самым главным делом Скобелев считал занятие опорных пунктов, гарнизоны которых должны беречь путь, а в случае неудачи войска могли бы найти в них приют. Несколько укреплений по линии Атрека, Чат, Дуз-Олум уже были заняты раньше; Скобелев наметил Бами, как главный опорный пункт, который разрезал оазис на две части и в то же время связывал два пути: один из Чижишляра, по Атреку, 300 верст, другой — из Михайловского укрепления, 270 верст. До 10 тыс. верблюдов ходили по этим линиям несколько месяцев, снабжая укрепления запасами, так что, например, в Бами было дос-

тавлено без малого миллион пудов. Баами досталось легко, но зато текинцы сейчас же набросились на мирных киргизов, утнали 6 тыс. баранов у бухарских туркмен и стали нападать на наши транспорты; даже ближайшие к ним иомуды потеряли веру в нашу силу, отказывались нанимать верблюдов и говорили, будто текинцы истребят их всех, если они станут помогать русским. Набеги и грабежи текинцев продолжались до самого Рождества; для охраны мирных кочевников и отражения неприятеля высылались небольшие охотничьи команды, легкие, подвижные, способные к быстрым передвижениям. Служба в отряде была очень трудная: солдаты строили укрепления, сопровождали транспорты с верблюдами, перетаскивали кули и ящики в магазины и все это в жару, при знойном ветре, вздымающем облака пыли, за которыми могла скрываться конная толпа хищников. В середине лета прискакали в Бендесен два джигита с почтой и донесли, что на самом перевале по ним стреляли, причем убит казак Коломийцев. Таманцы его похоронили, но Скобелев заподозрил тут измену и выслал из Баами доктора Студитского, чтобы осмотреть труп. Не доезжая укрепления, Студитский оставил конвой у ручейка, а сам с двумя таманцами стал подыматься в гору, но в это время конвойцы, заметившие трех текинцев, окликнули его. Студитский сбежал вниз, и все 13 человек поскакали в погоню. Когда наши уж поднялись в гору, перед ними, точно из земли, выросла целая толпа, около 300 текинцев. Казаки спешили и сели в осаду, недалеко от могилы Коломийцева, в двух кучках — одна в 7 человек, другая в 5. На расстоянии 200 шагов началась жестокая пальба: одного казака убили, другого ранили. Затем текинцы бросились в атаку. Казаки дали залп почти что в упор: толпа отхлынула, но смельчаки бросились врукопашную. Неравная беспримерная борьба продолжалась 8 часов. Студитский распоряжался, пока не свалился мертвый; Иван Кучир, раненный в щеку навывлет, не покидал ружья; после второй тяжелой раны, когда ружье вывалилось само собой, он еще ободрял товарищей держаться до последнего, а тре-

тя пуля заставила его смолкнуть навеки. Раненый казак Дудка скатился вниз, вскарабкался опять наверх и подполз к товарищам. В 4 часа текинцы внезапно покинули свои позиции и двинулись к Бами, откуда вскоре раздались выстрелы: там они наткнулись на 10-ю роту Самурского полка и после неудачного нападения скрылись. Доблестный подвиг таманцев подействовал на войска ободряюще; все убедились, что текинцы вовсе не так страшны, что сила вовсе не в числе, а в отваге и стойкости. Все оставшиеся в живых были награждены крестами, семействам убитых и умерших от ран выслано пособие по 100 рублей каждому.

С самого приезда в Чикишляр Скобелев внимательно изучал новый для него край; особенно же интересовали его текинцы: их образ жизни, характер, военные привычки; многое он узнал от участников Лазаревской экспедиции; но этого ему было мало: он задумал познакомиться с ними поближе и в то же время показать текинцам, что в открытом поле они бессильны; кстати, заодно истребить их жатву. В ночь на 6 июля небольшой отряд в составе около 4 рот пехоты, 4 сотен, 10 орудий и 8 ракетных станков выступил из Бами. Никто из участников, кроме Скобелева и начальника штаба Гродекова, не знал, куда их направят: указан только Арчман. Когда на другое утро узнали, что предстоит познакомиться с текинцами на месте их пребывания, то все впали в уныние и думали, что Скобелев ведет отряд на верную смерть. Попутные селения были брошены; поля пшеницы и джугары не убраны. К тому времени постройка крепости Денгиль-тепе была окончена; около 25 тыс. текинцев со своими семействами готовились умереть за валами своей твердыни; распоряжался делом защиты Тыкма-сардар. С 13 лет он начал ходить на аламаны и на 15-м году попал в плен к курдам. Его засадили в тюрьму. Тогда жители Беурмы сделали складчину в 6 тыс. туманов и выкупили его. Через два месяца он уже возвратил беурмцам эту сумму. Начиная с 17 лет он имел свою шайку, с которой однажды отбил у персиян 40 тыс. баранов, за 800 верст от Беурмы. С этих пор Тыкма-сардар прославил-

ся как лихой наездник и самый искусный военачальник. На его призыв собирались тысячи всадников, уверенных в успехе задуманного дела, и действительно, богатая добыча, в разделе которой Тыкма-сардар был всегда очень справедлив, вознаграждала с лихвой участников набега. Между городами Тегераном и Мешедом 500 текинцев захватили однажды 300 богомольцев и караван навьюченных верблюдов. На обратном пути Тыкма-сардар встретился с персидским войском. Несколько дней продолжалась жестокая битва, в которой текинцы остались победителями. После смерти Нур-Верды-хана Тыкма-сардар, без особого избрания, стал во главе свободолюбивого племени. Это случилось как-то само собой.

Между тем наш отряд благополучно занял Егян-Батыркалу, в 12 верстах от укрепления, и сейчас же приспособил этот поселок к обороне. Тут сварили солдатам обед; Скобелев и штаб его ели то же, что и солдаты; потом он ходил по биваку, шутил с солдатами, пробовал пищу. Перед закатом солнца играла музыка, а перед зарей выпустили снаряд по направлению к укреплению. Ночь была темная и жаркая; кругом все спокойно. Спали крепко, не раздеваясь, под прикрытием секретов; не спал только Скобелев, обдумывая лихое дело: он понимал, что текинцы могли раздавить ничтожную горсть пришлецов. К утру он был совершенно мокрый от пережитых дум, а выехал к отряду на своей серой красивой кобыле, как ни в чем не бывало — в чистом кителе, украшенном Георгиевским крестом, свежий, расчесанный и раздушенный. Его сопровождал конный осетин с красным значком. Впереди отряда рыскали джигиты, потом казаки, имея на середине конно-ракетную батарею. Шли полями, местами засеянными хлебом; неприятель не показывался, только отдельные всадники кружили около крепости. Вдруг джигиты бросаются назад: оказалось, что в ложбине засели текинцы; широкой лавой, с гиком, они неслись галопом на своих высоких длинноногих рысаках. Казаки остановились. Ракетная сотня быстро спешилась и поставила станки. Первая ракета упала тут же; прислуга

отскочила в сторону. Завидя это, Скобелев подскакал ко второму станку — то же самое: ракета разорвалась, граната осталась возле станка. Офицер крикнул было «Ложись!», но Скобелев рассердился, наехал на гранату и сказал: «Тут не ложиться, а умирать надо!» Граната лопнула, несколько осколков задела лошадь генерала. В эту опасную минуту урядник подскочил к третьему станку и спустил ракету, она пошла удачно, гранату разорвало среди текинцев. Затем выскакала в сторонку батарея и пустила несколько картечных гранат, после чего текинцы рассыпались. Скобелев вызвал урядника ракетной батареи, потребовал Георгиевский крест и тут же прицепил его со словами: «Ты не растерялся в опасную минуту, оказал подвиг, за что награждаю тебя крестом». Заиграла музыка, весь отряд взял на караул.

Наступление возобновилось. В 11,5 часов отряд подошел к многоводному ручью Секиз-Ябу, орошающему все селения этой округи, известной под именем Геок-Тепе.

После получасового отдыха орудия выехали на позицию за 1,5 тыс. шагов от ограды Янгы-кала, за которой уже отчетливо виднелось укрепление Денгиль-тепе; текинцы скопились в Янгы-кала, откуда много раз пытались бросаться, но их всегда встречали метким огнем. Особенно беспокоила отряд партия пеших, засевшая в небольшом саду шагах в 400 от батарей. Скобелев послал взвод Красноводского батальона выбить их из сада. Текинцы, не дождавшись встречи, скрылись в селении. Канонада продолжалась часа два, пока Скобелев не присмотрелся к местности, а топограф Сафонов зачертил ее на бумагу. Наконец Скобелев послал приказание отступать. Ему показалось, что красноводцы слишком уж торопятся, точно убегают. Он со всем штабом подскакал к ним, приказал прекратить стрельбу и построиться в колонну. Когда это было исполнено, он проделал несколько ружейных приемов, потом вызвал песельников и сам во главе взвода повел его без выстрела к отряду. Текинские пули жужжали кругом, как пчелы.

Отряд, окруженный двумя цепями — пехотной и казачьей, — тихо, под музыку, отходил к месту ночевки. Те-

кинцы ободрились; около 10 тыс. всадников носились вокруг отряда, пытаясь то там, то здесь врубиться в наши ряды. По временам отряд останавливался: стреляли одновременно вперед, вправо и влево; офицеры, бывшие в цепи, стреляли из револьверов, обнажали в свою защиту шашки. Одного убитого урядника текинцы успели-таки подхватить. Скобелев, как коршун, следил за текинцами. Когда они притиснули казаков к отряду, Скобелев остановился, приказал подать складной табурет, уселся лицом к текинцам и стал разглядывать их в бинокль. Колонна между тем продолжала движение. Прошла пехотная цепь, а он все сидит; подошли последние казаки и, завидев генерала, остановились, стали стрелять. Только тогда Скобелев сел на лошадь, крикнув: «Спасибо, молодцы!» Так, шаг за шагом, отступали наши до самой Егян-Батыр-калы, где и расположились на ночлег.

Тыкма-сардар, завидя впервые наш отряд, думал, что это авангард, а что сзади идут главные силы; когда же посланные на разведку текинцы донесли ему, что сзади войск нет, Тыкма-сардар задумал ночью вырезать всех солдат. Сам он взял 1,5 тыс. конницы, а пехоту поручил двум ханам, которые должны были зайти с разных сторон. На биваке, окруженном густой цепью секретов, царила тишина, хотя мало кто спал; сам Скобелев, закусив солдатской похлебкой, лег на бурку под деревом. Эта мертвая тишина смутила текинцев; раздайся с нашей стороны хоть один выстрел, они бросились бы в атаку. Между ними началась сумятица: кто лез вперед, кто уходил назад, и сам Тыкма-сардар, видя, что замысел не удастся, быстро отступил частью в горы, частью и пески. В 4 часа утра был дан заревой выстрел по укреплению; музыканты проиграли зарю, «Коль славен», «Боже, царя храни»; войска пропели молитву. Текинцы находившиеся в горах, прислушивались к незнакомым звукам и, прекратив стрельбу, стояли, как бы пораженные торжественностью церемонии, происходившей в глубокой тишине и образцовом порядке.

Узнавши впоследствии, что в отряде находился сам Скобелев, Тыкма-сардар страшно досадовал, что ему не удалось

пленить «белого» генерала. Наши потери были невелики: 3 убитых и 8 раненых. Текинцы потеряли 200 убитыми.

С наступлением осени скученная и тревожная жизнь стала текинцам в тягость, к тому же запасы хлеба истощились. О назначении Скобелева командующим войсками они знали давно. Его действия, не похожие на действия других военачальников, пугали текинцев: «Мы боимся этого генерала, — говорили они, — будь на его месте другой, мы давно разбили бы кара-гяуров». Текинцы прозвали Скобелева «гез-канлы», что значит кровавые глаза. Соседи советовали им мириться. «Мы готовы на мир, — отвечали текинцы, — если бы наверно знали, что нас не перебьют. В случае чего мы еще можем переселиться в Персию». Однако персидский шах не очень обрадовался таким гостям, а хивинский хан наотрез им отказал, говоря, что боится русских. Запугивание вождей, уверявших народ, что русские, отобрав оружие, выселят текинцев в Сибирь, а жен их раздадут солдатам, взяло верх над рассуждениями более миролюбивых, а тут еще прибавило вражды золото и наущения англичан, которые клялись, что русские никогда не одолеют текинцев, особенно если они соединятся с мервцами и с прочими соседями. Так дело стояло, пока не закончились с нашей стороны все приготовления.

В начале декабря прибыл в Бами туркестанский отряд под начальством полковника Куропаткина. Встреча ему была радушная. Скобелев встретил туркестанцев, как отец встречает детей; это были его сподвижники славных походов и битв. После смотра он послал Кауфману приветственную телеграмму, где с большой похвалой отозвался о туркестанцах. Действительно, глядя на их бравый вид, чистоту в одежде, порядок и дисциплину, трудно верилось, что эти доблестные войска сделали до 700 верст, большей частью безводной пустыней, по сыпучим пескам, на колодцы Ортакуй и Игды. В отряде из 884 человек оказался только один больной.

Еще до прибытия туркестанцев главный опорный пункт был перенесен в Егян-Батыр-калу, переименованную в

Самурское укрепление, в честь самурцев. Появление тут русских войск было неожиданностью для текинцев; во время этого короткого перехода наши захватили 11 тыс. баранов и 800 голов скота, а возле Самурского укрепления еще 6 тыс. баранов. К праздникам Рождества здесь было сосредоточено 38 рот пехоты, 11 сотен и эскадронов, 68 орудий, а всего 7100 человек; остальные войска занимали попутные укрепления, охраняли транспорты и вообще оберегали 800 верст пройденного пути. Одновременно с приближением к крепости Скобелев изучал ее расположение и ближайшие к ней подступы. Тут помог бывший в плену Петин. Он вылепил из глины маленькую крепость, во многом сходную с текинской, причем рассказывал, как ее строили: сначала насыпали земляной вал, утоптали его и потом облицевали глиной. Оказалось, что укрепление Денгиль-тепе имеет вид неправильного четырехугольника более 4 верст в окружности; высота стен 2 сажени, толщина внизу до 5 саженьей, на верху вдвое меньше; на стене у обоих краев поставлены 2 глиняные стенки, в 2 аршина вышиной, и к наружной приделаны бойницы для стрельбы из ружей; подыматься наверх надо по ступенькам. Кругом всей стены — ров, местами 2 сажени глубины и до двух с половиной саженьей ширины. Выходов из крепости 9; все они прикрыты снаружи глиняными стенками. Местность между валами оказалась почти ровная; в дальнем углу возвышался курган, по имени которого названо и укрепление, Денгиль-тепе; его крутые бока служили кладбищем, что обозначалось множеством могилок, с воткнутыми флажками из цветных тряпок или четок; на вершине холма ханы держали советы. Вся внутренность крепости была заставлена кибитками, камышовыми или соломенными шалашами, с узкими проходами, но посередине крепости оставался свободный широкий проезд. Снаружи, поблизости стен, находилось несколько кал; они назывались у нас по-русски: Великокняжеская — из соединения трех кал: Главной, Охотничьей и Туркестанской; затем оказались весьма пригодными — Мельничная и Правофланговая. Собственно воо-

ружения крепость не имела, если не считать несколько медных пушек да пару зембурек, т. е. фунтовых чугунных пушечек; ружей всего было 5 тыс., а число защитников до 30 тыс., из них 11 тыс. конных. Все эти сведения доставались не даром, кровью: чтобы добыть их, надо было делать рекогносцировки, т. е. обозрение стен, ближайших подступов, что всегда сопровождалось потерями, правда, небольшими.

Соображая все, что было добыто расспросами, обозрением крепости и ее подступов, а также принимая в расчет и храбрость текинского народа, Скобелев решил взять крепость ускоренной осадой. Под осадой нужно разуместь постепенное приближение к крепости при помощи траншей (ровиков с присыпкой), как бы обнимающих укрепление с какой-либо стороны, а в то же время прикрывающих людей от неприятельских выстрелов. Самая дальняя и большая траншея называется первой параллелью; от нее подходят малыми коленчатыми траншеями и закладывают вторую параллель; вблизи самой крепости — третью параллель, из которой уже бросаются на штурм через готовый пролом или обвал. При долговременной осаде работы гораздо больше, следовательно, подступают к крепости гораздо медленнее, отчего осада затягивается надолго. По новости дела для текинцев способ, избранный Скобелевым, был самый подходящий; собственно же для текинцев был бы выгоднее штурм — один, другой, даже несколько штурмов; у них на это имелись свои сноровки, да и дело решалось скорее, тогда как осада могла расхолодить их пыл, истомить ожиданием, изнурить голодовкой. По примеру великого учителя Суворова, обучавшего войска под стенами Измаила, в Самурском укреплении кроме обычных учений упражняли солдат в эскалде стен, т. е. умении штурмовать крепость при помощи лестниц. Для таких упражнений служила особая кала, в которой сделали пролом. Солдаты подходили стройными рядами, с песнями под бой барабанов, с криком «ура!» стремительно бросались на брешь, откуда сейчас же открывали пальбу залпами. Следом за пехотой втаскивались картечницы и горные пушечки... Все

начальники получили от Скобелева наставление, как надо действовать против текинцев: «Когда раздастся священный бой к атаке, артиллерия должна забыть себя и отдаться на поддержку товарищей. Она должна беззаветно лечь вся, если это нужно для успеха атаки, точно так же, как пехота беззаветно кладет свои головы во время атаки. Пехота не выдаст артиллерию. Позор потери орудий ложится не на артиллерию, а на ее прикрытие...»

За три дня до праздников Рождества Христова перед неприятельской крепостью вырос целый городок из кибиток и джуламеек. Чтобы преградить беглецам путь в пески, Скобелев сейчас же распорядился занять стоявшую за крепостью курганчу и поручил это дело генералу Петрусевичу. Ни он, ни Петрусевиچ не знали, что курганча уже занята текинцами. Огражденная глиняными стенками, она была разделена на множество дворигов, а в середине ее стояла небольшая кала с двухсаженными стенками и тяжелыми воротами; кругом курганчи — сады, также разгороженные стенками. Местность вообще пересеченная, и по ней еще протекал ручей. В кале засел Куль-батыр с 30 охотниками, а около 400 текинцев разместились в дворигах курганчи.

В густом предрассветном тумане выступил генерал Петрусевич. За 120 шагов раздалась из курганчи выстрелы; Петрусевич приказал коннице спешиться и броситься на штурм. Казаки и драгуны ворвались в середину, где началась штыковая работа. В числе первых ворвавшихся был сам генерал: он пал смертельно раненный. Тело генерала переходило из рук в руки, кипел жестокий бой, каждый шаг вперед доставался дорого, уже 50 человек сложили в адской тесноте свои головы. Орудия, стрелявшие по садам и подбегающим текинцам, уже расстреляли снаряды, а кала все еще оставалась в руках неприятеля: нечем было разбить ее громадные ворота; подняться на высокую стену без лестниц также нельзя. В ту пору когда и коноводам текинцы угрожали обходом, подбежал из правофланговой калы майор Богаевский с 1,5 роты пехоты; под ее прикрытием

были подобраны раненые, убитые и стало возможным начать отступление. Таким образом попытка окружить Денгиль-тепе не удалась: у неприятеля осталось свободное сообщение с песками, где у него хранились запасы. Вечером, перед закатом солнца, позади лагеря торжественно хоронили убитых. Тут лежали на досках, прикрытых холстом, Петрусевиц, майор Булыгин, есаул Иванов и 19 солдат. Многие плакали при последнем прощании под грустные напевы погребальных молитв. Когда опускали тела в братскую могилу, раздался потрясающий залп всей артиллерии по направлению к крепости; в ответ слышались крики...

В этот же день была заложена 1-я параллель за 600 сажень от крепости; к ней примкнули редут (№ 1), за стенкой которой примостили осадную батарею, с таким расчетом, чтобы она могла обстреливать неприятельский бруствер вдоль (анфилировать). Начальником правого фланга осады был назначен полковник Куропаткин, а левого — полковник Козелков. С этого дня осадные работы шли непрерывно под зорким и бдительным надзором как Скобелева, так и его ближайших помощников; солдаты и офицеры мало отдыхали. Кроме земляных работ, войска отряжались в караулы для занятия ближайших к крепости кал, что сопровождалось схватками с текинцами, наконец от них требовалась полная боевая готовность встретить неприятеля, способного на вылазку. От этой обязанности не освобождались даже отпущенные на отдых.

С самого начала осады текинцы боролись насмерть. Особенно страшны были их вылазки. Они крадутся, как кошки, всегда ночью, а бросаются, как тигры, сразу. Идут на вылазку босые, рукава засучены, халаты подобраны, в руках шашки; у кого нет шашки — пика или русский штык; ружей на вылазку не брали. Обыкновенно впереди идут самые отчаянные, настоящие бойцы; подберутся к траншее, крикнут: «Алла! Магома!» — и в тот же миг пускают в ход шашки. За передовыми бойцами идет команда вроде наших санитаров, на обязанности которых уносить ране-

ных, подбирать убитых. Сзади же всех крадутся аламанщики, или грабители. В аламанщики берут мальчишек лет 14 — 15, и грабят они ловко: в несколько минут успеют обшарить всю траншею: подберут оружие, разденут донага убитых, ничем не брезгают. Наши пока не знали текинских сноровок, много терпели на вылазках.

На третий день Рождества в крепости собрался большой маслахат. Тыкма-сардар поклялся Аллахом, что истребит в эту ночь русское войско, и сам вызвался направлять вылазку. Охотников оказалось до 4 тыс., между ними было много мервцев с Каджаром во главе, за ними увязалось и несколько женщин. Ханы и старшины стали у ворот, чтобы рубить головы беглецам. В 6 часов вечера наши офицеры Яблочков, Черняк, Сандецкий вышли за 2-ю параллель разбить новую линию траншейных работ и заметили, что густые толпы текинцев вылезают из рва. В это время в ближайших траншеях находились апшеронцы; они разбирали свои сумки, чтобы идти в лагерь. Заслышав гул и топот, офицеры приказали заряжать ружья, но первый залп был выпущен поздно, через головы текинцев. Они всей силой наступали на правый фланг осадных работ и вскочили одновременно и в ближайший редут (№ 2), и на мортирную батарею (№ 5). Тут артиллеристы успели только выхватить револьверы да шашки. Там и здесь бились врукопашную; но текинцы одолевали: они вырвали знамя 4-го батальона Апшеронского полка, при защите которого погибли князь Магалов, Чикарев, Готто, знаменщик Захаров и почти вся 14-я рота; артиллеристы у горного орудия были перебиты. На мортирной батарее текинцы растаскали орудия по траншеям, разбросали снаряды, заряды и унесли все солдатские шинели и котелки; подполковник Мамацев был убит. Наши подступы, наши батареи постепенно переходили в руки текинцев, уже открывался путь в лагерь. Но дальний редут (№ 1) еще стойко отбивался залпами стрелковой роты 13-го батальона.

В эту опасную минуту войска спешили на помощь частью из лагеря, частью из соседних траншей. Так, Куропат-

кин, вытянув две роты ширванцев между обоими редутами (№ 1 и № 2), залпами остановил текинцев; орудия осыпали их картечью: редут (№ 1) был спасен, текинцы переколоты. Тогда же погиб геройской смертью неизвестный солдат Апшеронского полка. Он бежал с товарищами против ширванцев — те прекратили стрельбу. Тогда он закричал: «Стреляйте! Стреляйте! Нас мало, а за нами текинцев много!» Каждая минута была на счету; после залпа апшеронец пал от нашей же пули. Куропаткин продвинулся дальше и расставил солдат в два яруса — на бруствере и во рву редута № 2: огонь пехоты окончательно отогнал текинцев. В несколько минут все было кончено. Мы вернули наши позиции, текинцы скрылись в крепость, утачив знамя и горную пушку. Еще более успешно отбились самурцы, занимавшие отдаленную правофланговую калу. Комендантом там был моряк Шеман. Он расставил всех солдат по стенкам и держал орудия в готовности. Две темные густые толпы текинцев приближались с разных сторон к этой кале, когда нападение в траншеях уже было отбито. Гарнизон стоял безмолвно, не подавая признаков жизни. Вдруг из траншей послышалась музыка: текинцы опешили, остановились, потом бросились назад. После они признавались, что наша музыка нагоняла на них столбняк; при первых звуках имамы обыкновенно начинали молиться, остальные ждали штурма. Мы потеряли до 100 человек; почти у всех убитых отрезаны были головы, которые пошли на украшение кибиток. Текинцы возликовали, теперь они были уверены, что русские не возьмут крепости. На другой день они угощали нас нашими же пулями. Но Скобелев хранил заветы Суворова: он не привык ждать неприятеля к себе, а всегда и везде сам его искал, почему на каждую вылазку отвечал или штурмом отдельных построек, или же усиленной пальбой по крепости. Ни одна из вылазок не оставалась без наказания. На другой же день Куропаткин без больших потерь занял три ближайšie к крепости калы — Охотничью, Туркестанскую и Главную. Все они, как уже было упомянуто, получили название Вели-

ко княжеской, в честь великого князя Михаила Николаевича. С угловой башни Охотничьей калы открывалась как на ладони вся крепость; оттуда легко было следить за всем, что делалось внутри, ни одно движение не могло укрыться; чтобы ни затевали текинцы, сейчас же становилось известно генералу. Отсюда уже нетрудно было снять план крепости, сосчитать число кибиток, следить за разрушительным действием наших снарядов. Не дальше как на другой день дали знать в лагерь, что текинцы собираются во рву, слышны там крики: «Пойдем опять все! Идем вместе!»

Действительно, текинцы, ободренные успехом первой вылазки, собрались повторить, и на этот раз вызвалось уже 6 тыс., в том числе много женщин с мешками для сбора добычи. Часу в десятом вечера начали раздаваться на левом фланге наших работ одиночные выстрелы, потом залпы и пронзительное гиканье: то наступали текинцы на крайний редут (№ 3). Они перебили там артиллеристов, убили ротного командира Закаспийского батальона Яновского и овладели двумя горными орудиями. На помощь явились самурцы и дагестанцы: они вырвали редут, но текинцы успели увезти одно горное орудие. За первой параллелью помещался лагерь; там встретили неприятеля Попов со своим батальоном апшеронцев: после нескольких залпов прямо в лицо текинцы отхлынули в крепость; в тылу лагеря отбились денщики и писаря. Вместе с горным орудием текинцы потащили в крепость уцелевшего наводчика Агафона Никитина. Они ужасно обрадовались, что удалось захватить живьем «топчи-башу», т. е. артиллериста, в надежде, что он научит их стрелять из пушек. Весь текинский народ собрался смотреть на пленника. Подали ему гранату и показали на пушку: Никитин понял, что от него требуют, но не захотел обогреть свои руки в русской крови. Тогда обозлившиеся текинцы стали бить его плетьюми, и это не помогло: Никитин наотрез отказался стрелять. Ему отрубили пальцы на руках, отрезали уши, вырезали на спине полосу кожи, потом положили живого на огонь и снова стали бить... Так он и умер в страшных муках. Величайший под-

виг русского воина не забыт потомками: на месте мучительной казни сооружен памятник, на котором прописано его имя; родные Никитина получили пожизненную пенсию. После второй вылазки текинцы упали духом: «Пропала наша земля!» — кричали они. Многие стали собираться в пески. Еще более напугало их, что лагерь русских войск придвинулся вплотную к 1-й параллели: «Русский сардар пристал к нам, как рубашка к телу». Действительно, осадные работы шли ходко: вот уже готова 3-я параллель, поставлены новые батареи, ходы уширены, насыпи в редутах приподняты, рвы углублены. В дальних ходах безостановочно сновали люди — то на работы, то на отдых, но чем ближе к крепости, тем более соблюдалась тишина и порядок. На передовых позициях стояли шеренги солдат, тесно прижавшись к насыпи и положив ружья в бойницы, устроенные из ящиков и мешков. Они сторожили текинцев: пули то и дело жужжали над головой; нет-нет да и свалится солдатик, раненный в голову. В задних траншеях жилось свободнее: там варилась в котелках пища, заваривали чай; пехотные солдаты, как народ хозяйственный, устроили себе в брустверах печурки, тут же примащивались и на отдых, мало думая с текинцах.

За 25 саженей от крепостной стены вырос в одну ночь Ширванский редут, откуда намечено вести под крепость подкоп. Скобелев настаивал, чтобы заданные на тот день или ночь работы непременно были окончены, что бы ни случилось, и так оно исполнялось. Он много раз говорил и писал: «Отступления не будет: или штурм, или смерть под стенами крепости». Надо сказать, что захват орудий и нашего знамени все-таки вскружил головы текинцам; слухи об этом могли проникнуть далеко и повредить нам: было слышно, например, что иомуды готовятся поголовно к восстанию. Тогда текинцы порешили еще раз попытать счастья. Сын Тыкма-сардаря Ах-Верды, Коджар из Мерва и Кулбатыр с толпой народа от 6 до 8 тыс. под прикрытием темноты стремительно охватили оба наши фланга осадных работ. Наши секреты не успели даже выстрелить, как были

изрублены. На этот раз пехота встречала текинцев, стоя позади траншей. Подбежав под огнем, они должны были подниматься на бруствер, спускаться в ров, на что уходило много времени и в этот промежуток падали сотнями. Ставропольского полка У. О. Кривобородько, с одним взводом, отбил толпу до 500 человек. Те, которые лезли в амбразуры, хватались руками за штыки и рубили в то же время шашками. Однако их везде блистательно отбили; они потеряли много своих, почти каждая кибитка оплакивала покойника. В эту же ночь был убит на молитве старец Ходжа-Керим-Берды, ишан, считавшийся святым. Одни мертвцы потеряли более 200 человек; уцелевшие ушли домой, но их хан Коджар остался. Теперь текинцы ждали только одного — чтобы мы поскорее двинулись на штурм. Неудачные вылазки и настойчивость русского сардаря были причиной, что текинцы потеряли прежнюю бодрость. На их глазах подползали все ближе и ближе, точно живые, земляные валики: то копошились в земле саперы. Передний сапер, стоя на коленках, подрывает перед собой земляной валик: он начинает обваливаться. Тогда другой сапер отгребает землю и перебрасывает ее наверх. Ровик уширяется, валик подвигается все дальше и дальше. Текинцы стали бросать камни и комья глины, а высунуться за стенку, как бывало прежде, им уже нельзя: там, внизу, стрелки только этого и ждут. Прежде, хотя по ночам, текинцы могли скрывать свои замыслы, теперь же вся крепость освещалась ракетами или особой лампой Шпаковского. И днем и ночью неустанно летели со свистом гранаты, поднимались крутой дугой бомбы, и все это лопалось над крепостью, распространяя кругом смерть от множества осколков. Ни один снаряд не пропал даром, потому что текинцы скучились на тесном пространстве, многие зарылись в ямы. По временам с крепости раздавались крики: «Смотрите получше! Видите, урус роется, точно свинья. Это не к добру: смотрите и следите!» По ночам муллы и ханы обходили кибитки, призывая народ к борьбе насмерть: «Не спите, не проводите время в праздности, теперь надо драться! Бросимся же на гуя-

ров, сомнем их, отнимем пушки у этих собак. Велик Аллах и Магомет Его пророк: да будет благословенно наше оружие».

После вылазки 4 января много убитых текинцев осталось между нашими передовыми траншеями и неприятельским рвом. Трупы начали гнить, заражая воздух несносным смрадом. Скобелев послал полковника Юмудского, родом туркмена, заключить перемирие для уборки тел. У нас выкинули белый флаг, штаб-трубач заиграл отбой: все трубачи тотчас подхватили этот сигнал, и долго он наигрывался, пока не утихла пальба. С нашей стороны вышло для переговоров три человека и со стороны текинцев трое. Обе партии уселись одна против другой, как раз посредине между рвом и нашим редутот. По обычаю азиатцы спросили друг у друга о здоровье, после чего Юмудский объявил, что генерал Скобелев, уважая храбрый текинский народ, согласен дать два часа на уборку тел. В ответ на эти слова с крепостной стены, где собралось множество народа, раздались крики: «Нам не надо их! И так валяется в крепости довольно этих собак!» Убитые были больше из соседних кочевьев, жители которых недавно покинули крепость, чем текинцы остались недовольны. Пока шли переговоры, народа на стене все прибывало да прибывало. В высоких бараньих шапках, в разноцветных халатах текинцы смотрели богатырями. Почти у каждого в руках тяжелая кривая шашка с роговой рукояткой, ножны деревянные. Ружья у текинцев старинные, больше кремневые, при стрельбе кладут их на подставку. Между толпами текинцев расхаживал в красном халате, с копьём в руках, Мурад-хан. Он громко покрикивал: «Не смей стрелять по русским: кто выстрелит — тому смертная казнь!» И с нашей стороны толпы любопытных покрыли все ближние насыпи. Первый раз после трех недель осады враги смотрели друг на друга добродушно. Послышались шутки, веселые разговоры, зазыванье в гости. Текинцы в ответ улыбались, звали шапками к себе в крепость.

«Вы бы лучше бросили воевать, — говорили наши, знавшие по-татарски. — Белый Царь силен! Вам нельзя с ним

бороться! Лучше сдавайтесь: генерал помилует». Текинцы ничего не отвечали. В это время Скобелев прошел траншеями к передовым позициям, откуда внимательно осмотрел крепостную стену. С нашей вышки успели зачертить план крепости, и когда сделали примерный расчет, сколько она может вместить кибиток, вышло, что их должно быть 15 тыс. По окончании уборки текинцы сказали Юмудскому: «Ну, теперь ступай, да хранит тебя Аллах! Стрелять будем!» Как только халаты текинцев скрылись за стеной, было сделано по три выстрела в воздух, потом пошла обычная пальба. После узнали, что во время уборки тел в кибитке Махмут-Кули-хана собрался маслахат. Многие были не прочь покориться, но Тыкма-сардар сказал: «Теперь уже поздно об этом говорить!» Возле кибитки скопилась толпа молодежи; заслышав, что речь идет о покорности, она ворвалась с обнаженными шашками в кибитку и застращала старейших: «Не допустим! Не хотим мириться! — кричали молодые текинцы. — Смерть гяурам!» Тогда совет разошелся, давши знать на вал, что текинский народ не желает вести переговоры о мире.

И текинцы ждали штурма, как освобождения от томительной изводящей их осады, так равно и русские войска ждали штурма, чтобы разом покончить с текинцами; они были утомлены осадными работами, тяжелой службой, озлоблены гибелью товарищей, поруганием их трупов. Предвестниками близости конца было заложение брешь-батарей и устройство подкопа. Брешь-батарея должна была сбить часть крепостной стены настолько, чтобы могла подняться штурмовая колонна; при помощи подкопа рассчитывали взорвать часть стены. Прежде чем приступить к этой работе, надо было сделать точный промер рва. На такое смелое дело вызвался сотник Кулаковский. Под огнем с вала он вышел из Ширванского редута, спустился в ров и вымерял его — сначала на глаз, потом тесьмой: оказалось, что глубина его в два аршина, а ширина семь аршин; до рва оставалось пройти сапой только 29 саженей. Куропаткин с отборной командой зорко следил, пока отважный сотник

не вернулся в редут. Из ближайшей траншеи саперы сделали спуск в сажень ширины, такой же глубины, и работа закипела. У самого входа была поставлена машина, которая при помощи длинного кожаного рукава вгоняла в галерею чистый воздух. Особые рабочие безостановочно вертели рукоятку.

Машина гудит, колеса визжат под сильными руками солдат. А в галерее темно и тесно, как в могиле, можно двигаться только на четвереньках; в конце галереи светится огонек: там работают заступы, лопаты, стучат кирки. Вдоль всей галереи сидят солдаты и передают друг другу мешки с землей; последний, который сидит у входа, выкидывает мешок наверх, а там уж другие его подхватывают и высыплют. Духота страшная, все обливаются потом, свечи оплывают. Когда сделали отдушину, стало легче. Галерею вели с таким расчетом, чтобы ее конец пришелся под неприятельской стеной на две сажени ниже. На третий день после Крещения загрохотала и брешь-батарея, расположенная в конце 2-й параллели. 13 орудий били в крепостную стену и целили так, чтобы подсесть ее примерно наполовину высоты. Стенá, как уже сказано, оказалась довольно толстой; однако через 2 часа меткой пальбы глина стала обваливаться, засыпая крепостной ров, и скоро брешь обозначилась довольно широким обвалом. Несмотря на жестокий огонь, текинцы исправляли стену на наших глазах. Вслед за гранатой то мелькнет лопата, то опустится корзинка с землей. Многие из них поплатились тогда за свою отвагу. Но Скобелев больше всего рассчитывал на действие мины. Он посулил минерам, если они окончат к 10-му числу, 3 тыс. рублей и 4 креста на 30 человек. Те выбивались из сил, чтобы заслужить щедрую награду. Главная галерея оканчивалась под стеной особой камерой, т. е. помещением для закладки пороха. Теперь рабочие, сидя в галерее, передавали, как прежде землю, мешки с порохом. Когда втиснули 72 пуда пороха, в один из мешков всунули горячий запал, от которого проложили вдоль галереи две проволоки. После всего «забили» камеру, т. е. заложили ее дерном, мешка-

ми с землей, приперли щитами. Текинцы не имели понятия о подземной войне, и хотя догадывались, что русские идут подкопом, но думали, что этим путем они хотят попасть прямо в середину крепости. Текинцы с нетерпением ожидали, что вот-вот где-нибудь начнут показываться головы урусов: они же будут только стоять да рубить их.

Когда донесли Скобелеву, что мина будет готова на 11-е число, он назначил штурм на 12-е, Татьянин день. В разных местах осадных работ были приготовлены лестницы, туры, пучки фашин, мешки, назначены места для помощи раненым и, наконец, распределение отряда между штурмовыми колоннами.

Полковнику Куропаткину с 11 ротами и 6 орудиями приказано овладеть большим обвалом, который сделает мина; полковнику Козелкову, с 8 ротами при 3 орудиях, идти на артиллерийскую брешь; подполковнику Гайдарову с 4,5 ротами наступать левее осадных работ, чтобы оттянуть на себя часть неприятеля и тем облегчить действие остальных колонн; резерв из 21 роты и 18 орудий генерал принял под свое начальство. Накануне штурма шел небольшой дождик, и все боялись, чтобы он не затянулся, иначе трудно будет взбираться на обвал. Под этот дождик все войска Ахалтекинского отряда построились к молебну. Огонь с крепости не утихал, но на него никто не обращал внимания. Солдаты горячо молились, чувствуя приближение той минуты, когда наступает решение — кому жить, кому помереть; одному вернуться со славой и честью на родину, другому сложить свои косточки в неизвестной чужбине... После молебна генерал держал речь: «Братцы-товарищи! — говорил он. — Ждать дальше нельзя. Мы подошли траншеями почти под самую крепость, отступить теперь срам, да и невозможно. У нас подошли все верблюды, перебита большая часть лошадей. Если отступить — должны бросить жестокому неприятелю наших раненых, нашу артиллерию и наши обозы. На такое дело не пойдет русский солдат. Знайте, что нам только два выхода: победить или умереть. Так победим же,

братцы, или с честью ляжем здесь все за царя и нашу родину! Ура! Ура!»

«Победим! Ур-р-ра! Ур-р-ра!» — кричали солдаты неудержимо, точно воспрянув от долгого сна.

Призывный клич любимого полководца поднимает дух подчиненных: воин как бы вырастает; он предчувствует, что будет праздновать победу. И смерть ему не кажется страшной: приди она сейчас, он встретит ее спокойно, даже радостно, если только знает, что его товарищи там, где-нибудь наверху, водружают знамя победы... И только в ночной тишине, накануне битвы, солдат вспомнит свою далекую родину, покинутую им семью — отца, мать, братьев, сестер. Он мысленно благословит своих детей, если они у него есть, затем начнет точить штык или шашку, после всего вынет чистую рубаху и, одевшись в бой, точно на праздник, станет прислушиваться, не слышать ли команды: «Вставай! становись к расчету!» Он принадлежит весь государю, пославшему его исполнить свой долг. Так провели ночь и войска текинского отряда накануне кровавого штурма.

В 3 часа войска начали расходиться по своим местам. Текинцы заметили это передвижение и участили пальбу. Наступило утро, ясное, слегка морозное. В 7 часов утра колонна Гайдарова перешла в наступление, взяла штурмом Мельничную калу и, приспособив ее к обороне, начала обстреливать текинцев, скопившихся на валу. Они думали, что отсюда будут штурмовать и крепость. 30 орудий уже 1,5 часа с остервенением рвали землю, уширяя брешь для колонны Козелкова. Несмотря на адский огонь, текинцы самоотверженно исправляли повреждение и почти все там же погибали. В 10,5 часов дали знать генералу, что мина готова. Тогда все орудия правого фланга осадных работ начали усиленное обстреливание того угла крепости, где надо ждать обвала; в свою очередь, мортиры засыпали разрывными снарядами внутренность крепости. Несмолкаемый гул орудий, залпы пехоты, занимавшей передовые траншеи, не уstraшили текинцев: они высыпали на стену и все

время до роковой минуты поддерживали живую перестрелку. Отряд Куропаткина давно в сборе, ждет только взрыва, чтобы броситься к обвалу, колонна Козелкова, скрытая в траншее, также налицо.

— Поручик Черняк, — крикнул капитан Маслов, глядя на часы. — Приготовьтесь: 30 секунд осталось ждать...

Поручик Черняк держит в руках концы проволок; возле него У. О. Шульга, гальванер.

— Взрывайте!

Текинцы ничего не подозревали: на стене против этого места у них было тихо. Прошло несколько секунд, пока Черняк соединил проволоки. Черная туча с легким шумом поднялась вверх над стеной; дрогнула земля, и раздался подземный гул: большие глыбы с грохотом, точно каменный фонтан, посыпались на землю; мелкими камнями и землей засыпало наших солдат. Стена рухнула на 9 саженей — стоявшие там текинцы все погибли. Грозное «ура!» пронеслось от правого фланга до левого, отозвалось в резерве и под его могучие раскаты ширванцы с уральцами полезли на свежий обвал, еще покрытый облаками пыли. Текинцы сначала ошались от взрыва; им в первый раз пришлось видеть или, лучше сказать, испытать это страшное средство. Однако они скоро опомнились и схватились за ружья; самые удалые бросились навстречу ширванцам. Они поняли, что на этом бугре изрытой земли решается их судьба. В жестокой рукопашной схватке погибали ширванцы, пал отважный сотник Кулаковский и бывший с ним во рву казак Тетиков, но вот появилась в тылу текинцев рота туркестанцев из колонны Козелкова: они наступали стройно, грозно, с опущенными штыками — и текинцы не выдержали: кто бросился вниз, тот расшиб голову, кто остался на месте — тут же погиб. Ширванцы развернули свое знамя...

— Туров сюда подавай. Орудие, орудие сюда! — кричали солдаты сверху. Саперы протискались вперед, рассчитали въезд для орудия, поставили как первое прикрытие туры и набросали мешков с землей. Это было делом не-

скольких минут. Артиллеристы потащили туда пушки и, как только их поставили, обвал считался занятым. Защитники, не знакомые с правилами осадной войны, не позаботились заранее приготовить сильные резервы.

С высоты обвала наши увидели внутренность крепости. За стеной тянулся небольшой внутренний ров, а за ним целое море кибиток и врытых землянок, одна возле другой. Между кибитками шла кривая и широкая улица к холму, о котором упоминалось раньше. Между дальними кибитками теснились в ярких халатах толпы текинцев, их испуганные семьи, верблюды, бараны, телята. Перекатная трескотня ружей, взрывы лопавшихся гранат, замиравшие крики текинцев, вопли женщин, плач детей и победные возгласы русских солдат — вот что представляла собой в те минуты крепость, окутанная густым дымом, пропитанным гарью, с противным запахом тлевшего войлока. После нескольких залпов сверху отряд Куропаткина спустился вниз и пошел дальше в трех маленьких колоннах, под музыку, с распущенными знаменами, барабанным боем, пролагая путь к кургану. Охотникам-апшеронцам удалось по пути отбить захваченное во время вылазки знамя своего полка; в то же время после рукопашной схватки маленькая колонна Фока отняла наши 2 орудия.

Так же успешно было занятие бреши. В передовой колонне графа Орлова-Денисова, где находилось четыре роты апшеронцев, первым поднялся наверх поручик Попов, но, раненный, скатился вниз. Текинцы громко кричали: «Алла! Магома!», рубили шашками, кололи длинными пиками, швыряли камнями. Орлов-Денисов был смертельно ранен. Потребовалась помощь. Козелков подвел три роты ставропольцев с 2 горными пушками: и те не могли сломить текинцев. Тогда генерал хотел сам вести 3-й батальон Апшеронского полка, но его не допустили. Батальон повел седой кавказец подполковник Попов. Один из его сыновей скончался от раны прежде, теперь мимо старика провели под руки другого сына. Обнял его седой воин и пошел дальше. С приближением свежих сил передовые бойцы вскочили

на ноги, и все вместе дружно бросились на вершину брешши; подошедший 3-й батальон самурцев уже без всякого приказа поднялся по лестницам в промежутке между обоими обвалами, так что сдавленные со всех сторон текинцы стали кидаться в разные стороны, все еще в надежде удержать русских; но все было тщетно: они наступали теперь сомкнутым строем, сломить который могли только такие же стройные ряды. Текинцы бежали толпами в разные стороны; вся окрестность покрылась беглецами. Только самые отважные продолжали собираться в кучки вокруг своих батырей и знаменосцев. Для этих свобода была дороже жизни, и все они погибли смертью храбрых.

Текинцы так были уверены в неприступности своей крепости, что на этом куске голой земли, примерно около 100 десятин, собрали все свои семьи, часть скота, весь домашний скарб и богатства. Много накопили они золота и серебра, добытого наездами в Хиву, Бухару или же на персидскую границу: все это было скрыто в крепости.

В каждой кибитке солдаты находили большие расшитые мешки с мукой или зерном, женские прялки, лопаты, чугунные котлы и таганы, овчины, кожи, превосходные ковры, шелковые халаты, женские уборы из серебра и бирюзы, сердоликов, кораллов или крупных монет. Мешки с деньгами текинцы припрятали в землю незадолго до штурма. Кроме фуража и хлеба, солдаты получили разрешение брать, что хотят.

С колонной Гайдарова, которая поднялась по лестницам против Мельничной калы, уже более 20 рот вошло в крепость, и чем ближе подвигались войска к кургану, тем теснее и теснее стояли кибитки. По временам оттуда раздавались одиночные выстрелы последних защитников. Солдаты разбивались на кучки, разыскивали виновных: они были озлоблены против текинцев, что всегда бывает после долгой или упорной обороны. Бледные, заплаканные текинцы, с кучами детей, метались в разные стороны, не зная, где приютиться. Они бросались на колени, жалобно зывая к офицерам: «Аман-ага! Аман-ага!» (пощади, гос-

подин). Конечно, их не трогали. Вот, наконец, и высокий курган Денгиль-тепе. С одной стороны майор Сивинис, с другой шт. кап. Мельницкий, обстреляв ближайшие кибитки, быстро поднялись на холм, и в час пополудни на вершине его развивалось знамя Апшеронского полка; моряки втащили картечницы, которые очистили последнее убежище текинцев. Отсюда Куропаткин послал генералу записку: «Поздравляю с полной победой. Вся крепость наша, оба орудия и знамя отбил назад. Перехожу в наступление, желательна помощь кавалерии». Тогда сам Скобелев, во главе двух эскадронов драгун и Полтавской сотни, провел их через крепость и пустился в погоню; рубили и гнали верст 15, насколько позволяли силы отощавших от бескормицы лошадей.

Когда стали делать подсчет, то оказалось, что у нас убыло из строя до 400 человек, в том числе убитых 59; текинцы же заплатили за оборону дорого, более чем 6 тыс. потеряли; во многих кибитках находили по 15 тел. После оказалось, что все богачи, под предлогом отвезти семейства, ушли раньше штурма и уже не возвращались в крепость. Тыкма-сардар, остальные ханы, ишаны — все бежали, кто куда глядел. Кроме своих пушек и знамени Апшеронского полка победителям досталось медное орудие, 2 маленькие чугунные пушечки (зембуреки), 5 значков да разного имущества приблизительно на 6 млн. Но зато на руках русских осталось 5 тыс. покинутых, обезумевших от страха текинцев с их детишками. Это человеколюбивое дело было поручено особому чиновнику. Их поместили в отдельном лагере, выдавали провизию, под больных и раненых отвели особый лазарет. Текинцы сначала не хотели идти получать провизию: «На что нам все это, коли скоро снимут наши головы». Однако на другой, на третий день нельзя было узнать робкое запуганное стадо: женщины занялись хозяйством, разыскивали свое добро, а шустрые ребяташки скакали и бегали взапуски.

Когда стало известно, что бежавшие текинцы, скрываясь в песках, не знают, что им делать, Скобелев разослал с

надежными джигитами воззвание, в котором приглашал весь ахалтекинский народ повергнуть свою судьбу на милосердие государя императора; он обещал им неприкосновенность жизни и уцелевшего имущества; кто же окажет сопротивление, тому грозил полным истреблением. Вслед за воззванием был направлен полковник Куропаткин с довольно сильным отрядом для занятия Асхабада да и всех укрепленных пунктов, а вместе с тем и для водворения текинцев на указанных местах, но уже под надзором русской власти. Во время отсутствия Куропаткина было отдано в приказе по отряду царское спасибо. В Бозе почивший государь, получив известие о взятии крепости, прислал великому князю главнокомандующему кавказской армией следующую депешу: «Благодарю Бога за дарованную нам полную победу. Ты поймешь мою радость. Спасибо за все твои распоряжения. Передай мое сердечное спасибо всем нашим молодцам: они вполне оправдали мои надежды. Генерал-адъютанта Скобелева произвожу в полные генералы и даю Георгия 3-й степени. Прикажи поспешить представлением к наградам».

К кибитке Скобелева собрались все офицеры отряда; выстроился 3-й батальон ставропольцев, которым командовал Скобелев перед Хивинским походом, еще в бытность подполковником. Подали водку. Козелков, командир Ставропольского полка, поднял чарку два раза: в первый раз за здоровье подполковника Скобелева, а второй раз за здоровье генерала от инфантерии. «Вашей грудью, вашей кровью я заработал эти награды», — сказал растроганным голосом молодой генерал. Его слова подхватили солдаты, офицеры, и долго не смолкало задушевное «ура!». Скобелев всех обошел, каждого благодарил, а бывшему своему батальону пожертвовал тысячу рублей на семьи убитых и раненых товарищей. Сестры милосердия Стрякова и графиня Милютина, дочь военного министра, получили серебряные медали с надписью «За храбрость». Обе сестры выдержали всю осаду, а Стрякова была даже контужена в грудь.

В недавней борьбе текинцы потеряли своих храбрейших батырей, истощили запасы пороха, лишились оружия, а между прочим, приближалось время посевов. Ждать помощи они не могли, потому что друзей не имели, наживая до сих пор лишь врагов. Даже муллы, ишаны — главные подстрекатели — пустили в народе молву, что русским присуждено теперь Аллахом завоевать на время весь край. Они говорили, что после овладения «неприступной, Богом хранимой крепости» ничто не может остановить солдат Белого Царя. Но настанет время, когда во имя пророка сплотятся все туркмены и выгонят гяуров из святой земли... Так говорили муллы, а сбудется ли их предсказание, известно лишь одному Богу.

По окончании мирного похода Куропаткин повел своих туркестанцев обратно, через ту же пустыню, в Петро-Александровское укрепление. За 8 верст от Хивы отряд был встречен самим ханом со всей его свитой; ночлег был приготовлен в его летнем дворце. За четыре месяца похода и стоянки под Геок-тепе туркестанцы сделали 2 тыс. верст. Скобелев прощался с ними так же, как и встретил, по-отечески: «Расставаясь ныне с дорогими сердцу туркестанскими войсками, благословляю их в далекий и не безопасный путь. Уверен, что и грозная пустыня им опять будет по плечу. Благодарю всех офицеров и нижних чинов за исполнение долга и присяги службы. Благодарю в особенности полковника Куропаткина. С ним судьба породнила меня боевым братством со второго штурма Андижана, в траншеях Глевны, на вершинах Балканских и ныне во дни тяжелых боев под Геок-Тепе».

Умиротворение края продолжал князь Эристов. Только Тыкма-сардар держал в страхе около 2 тыс. беглецов, осевших на реке Теджене. Он говорил, что русские зарежут тех, которые возвратятся в оазис. Даже мervцы прислали узнать, не сердится ли на них Белый Царь. Скобелев отвечал: «Белый Царь когда гневается, то гнев его слышен как рычание льва. Пушки не грохочут, значит, Белый Царь не сердится; не желаю этого ни вам, ни женам, ни детям вашим,

ибо в тот день кровь потечет рекой и не спасут вас ни англичане, ни кто другой, как не спаслись ахалтекинцы». Тыкма-сардар бросился к мервцам с предложением помощи. Мервцы осмеяли его: «Ты убежал от русских и хочешь защищать Мерв? Если ты еще смеешь называться храбрецом, то после этого нет на свете трусов. Ты трус, потому что убежал, а храбрые все погибли под Геок-Тепе». Тогда Тыкма-сардар увидел, что его песенка спета и в конце марта явился в Асхабад, вручил Скобелеву свою саблю, которую и получил обратно, после того как поклялся верно служить государю.

Прошло три года, вновь завоеванный край получил название Закаспийской области, с главным городом Асхабадом, где имел местопребывание и командующий войсками генерал Комаров. Сюда уже была проведена железная дорога, продолженная ныне до Самарканда в одну сторону и до Ташкента в другую. Когда стало в Асхабаде известно, что и мервцы не прочь поступить в русское подданство, Комаров двинулся с отрядом на реку Теджен, откуда послал в Мерв Алиханова и Махмут-Кули-хана для переговоров. Старшины собрались на совет и после недолгого совещания согласились признать власть Белого Царя. Тогда Комаров приказал им объявить, что они не иначе могут войти в нашу державу, как отпустивши рабов и возвратив персиянам все ограбленное у них имущество. Мервцы не прекословили: сняли с пленников оковы, отогнали табуны лошадей и стада скота в соседние страны. Несчастные пленники плакали от радости, причем славил во всеуслышание русского царя. По-видимому, и мервцы были довольны переходом к новой жизни. В конце января 1884 года прибыли в Асхабад 4 хана и 60 почетных жителей Мерва. Все это были седобородые старики, за исключением Юсуфа, молодого туркмена, мать которого пользовалась большим уважением среди соплеменников; тут же находились два знаменитых аламанщика, побывавших со своими шайками под стенами Тегерана. Депутаты подали Комарову про-

шение на высочайшее имя, написанное по-татарски, в котором мервцы обещали служить верно, честно, оставить грабежи и разбои. После торжественной присяги на Коране генерал поздравил мервцев подданными великой державы, под покровительством которой они всегда найдут себе защиту, после чего объявил от имени государя полное прощение за все старые провинности. Так состоялось присоединение Мервской области, из которой выкроено два округа — Мервский и Теджентский.

Англичане не могли без злобы и зависти смотреть на мирное бескровное расширение русских пределов. Когда их уговоры и подстрекательства потерпели неудачу в Мерве, они подстрекнули нашего соседа афганского эмира Абдурахмана захватить оазис Пенде, населенный сарыками, которые незадолго до того также приняли русское подданство; среди сарыков и их родичей салоров уже было введено русское управление. Англичанам удалось нанять 4 тыс. афганцев, которые захватили Пенде, потом перешли реку Мургаб и заняли сильную позицию при Таш-кепри. Наши новые подданные заволновались; надо было или поступиться, или принять вызов. Как ни был миролюбив в Бозе почивший император Александр III, однако не мог простить такой дерзости. В первых числах марта 1885 года отряд из 8 рот, 4 сотен при 4 орудиях собрался под начальством Комарова на реке Мургаб, а 13 марта приблизился к позиции афганцев, но версты за четыре от Таш-кепри остановился, как бы желая показать, что избегает столкновения. В то время, когда английский офицер начал переговоры, афганские посты продвинулись вперед и стали заходить кругом нашего отряда. Это вынудило генерала Комарова дать афганцам урок. Утром 18 марта он подошел к речке Куник, но все-таки не начинал дела, пока афганцы сами не открыли огонь. Тогда Комаров атаковал афганцев и, после довольно горячей схватки, разбил их наголову. Афганцы потеряли 8 орудий, 2 знамени, весь лагерь, 500 убитых и раненых; у нас убыло 42 человека. На другой же день после разгрома афганцев явились аксакалы от эрсаринцев и до того неза-

висимых сарыков с просьбой принять их в русское подданство. Просьба эта была, конечно, уважена: из ихних земель составилась новый округ Педжентский.

С того времени началось мирное завоевание того края. Надо было связать воедино враждебные туркменские племена, приучить их к новой жизни, мирной, трудовой, что выпало на долю нового начальника Закаспийской области, генерала Куропаткина. Он насаждал здесь то же, что Кауфман в остальной части нынешнего Туркестана, Абрамов — собственно в Фергане, Иванов — в бывших владениях хивинцев и той же Фергане. И если любознательный путник захочет теперь проникнуть в кочевья туркмен, он может проехать по железной дороге там, где войска утопали в песке; кроме кибиток или мазанок, он увидит русские города и поселки, встретит памятники былых подвигов, услышит русскую речь. Такое завоевание прочно и более выгодно для мирной державы.

Англичане почему-то приняли разгром афганцев за нарушение мира; они даже ожидали, что на место Комарова будет назначен другой генерал, а государь император не только его не сместил, а пожаловал ему в награду золотое оружие. Тогда англичане всполошились и заговорили о войне, и тут покойный государь не поступился: сделал необходимые распоряжения на случай открытия военных действий. Англичане притихли и с тех пор уже стали хлопотать, как бы уладить дело миром. В этом отказа не было. С обеих сторон выслали особых уполномоченных для полюбовного размежевания спорных земель, и установленная ими государственная граница существует поныне. Таким образом, своей твердостью государь император, дав хороший урок англичанам, поддержал честь и достоинство дорогой ему России. Этот подвиг царя-мироотворца русские люди никогда не забудут.

Содержание

Предисловие	3
<i>Первые походы в Хиву</i>	5
1. Поход князя Бековича-Черкасского	5
2. Зимний поход графа Перовского, в 1839 – 1840 гг.	23
<i>Киргизская степь</i>	42
<i>Туркестанский край и попутные города</i>	60
<i>Занятие Ташкента</i>	79
<i>Зарявшан, или Златоносная долина</i>	89
<i>Война с бухарцами</i>	101
<i>Наступление в долину Зарявшана</i>	114
<i>Оборона Самарканда и усмирение Шахрисябзя</i>	132
<i>Хивинский поход 1873 года</i>	146
<i>Желтая земля (Фергана)</i>	176
<i>Война с текинцами</i>	205

Абаза Константин Константинович

ЗАВОЕВАНИЕ ТУРКЕСТАНА

Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *Л. С. Барышникова*

Издательство «Кучково поле»
105120, г. Москва, Съезжинский пер., 6
Тел./факс: (495) 676-83-56.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru

Подписано в печать 12.02.08. Формат 60 × 90/16.
Усл.-печ. л. 16,0. Печать офсетная.
Гарнитура «BalticaС». Тираж 1500 экз.
Заказ № 983.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

9 785901 679999